

Из цикла "Стихотворения"

* * *

Медленно дни текут

И монотонно,
Но многотонно
В Лету они влекут.

Быстро летят года,
Неотвратимо,
Мимо и мимо.
Остановлюсь – когда?

Вихрем промчалась жизнь.
Сколько осталось?
Самую малость, –
Крепче за дни держись!

Дней так медлительна
Вязкая лава...
Времени – слава!
Всё относительно!

01.04.2003 г.

О ВРЕМЕНИ

Время то ползёт,
То летит подчас.
В детстве час – как год!
Нынче год – как час.

Но судьбы своей
Не жалею, поэт
Непреклонных дней,
Но преклонных лет.

Быстр жизни бег:
Промелькнёт лишь миг –
И настанет век
Электронных книг.

Потекут года
Под крутой уклон.
Будет жить тогда
Твой четвёртый клон.

Он зайдёт на сайт
И свой стих прочтёт –
И на полчаса
Годом станет год!

15.03.2004 г.

ВОЗРАСТ

В зиму было двадцать восемь,
Летом – только двадцать.
Снова наступила осень,
Нынче – восемнадцать.

Я от страха холодею
И кусаю губы.
Думаете – молодею?
Нет. Теряю зубы.

16.12.2001 г.

P.S.
Вот что будет, если зубы
Вовремя не лечим...
Покусал бы снова губы,
Да теперь уж нечем!

03.12.2002 г.

НА РЫБАЛКЕ

Помню, был ещё мальчишкой –
На рыбалку нас с братишкой
Взял с собой усатый дед,
Дядя Саша, наш сосед.

Был весенний яркий день,
Ветер дул, качалась тень
На воде прибрежных ив,
Был вокруг пейзаж красив.

Чуя бучу, волны речки
Сбились в кучу, как овечки,
Появились и барашки,
Беленькие, как ромашки.

А одна волна – о, чёрт! –
Перебралась через борт,
Плюхнувшись о нашу лодку
И покрыла всю серёдку,

Всю селёдку и бычков,
И поверхность бардачков.
Вымок сразу наш багаж.
– Не потонем, дядя Саш? –

Он ответил: – Нет, друзья,
У меня – вон – два бую.
Линь одной рукой берёте,
А другой рукой гребёте,

Доплывёте, а пока –
Не гнушайтесь черпака,
Выливайте воду с лодки,
Да не трогайте селёдки,

Ибо ценен наш улов –
Тут и пиво, тут и плов,
Потому что тут, друзья,
Что ни рыбка – два рубля! –

– Ну, опять за рыбу гроши...
Сами вы пловец хороший?
– Я? Не плавал никогда,
Но, вообще, наверно, да!..

Повезло тебе, рыбак:
Вон какой большой чебак,
У меня ж – одна чехонь,
И некрупная – с ладонь. –

(А ладонь у дяди Саши
По размеру – девять наших!)
– Дядя Саша, а какую
Рыбу самую большую

Доводилось вам поймать?
– Сантиметров двадцать пять...
– Тю, таких мы ловим сами!..
– У моей – между глазами!

30.04.2006 г.

Б У Д К А

Коля и Вова в делах не на шутку:
Делают дети для Тузика будку.

Тузик узнал и подумал: «Ура,
Будет теперь у меня конура!»

Вова и Коля трудятся споро –
Будет на славу будочка скоро!

Вот уж и стенки есть из досок,
Крыша – лишь досточка наискосок.

Коля сказал: «Надо толя кусок
Нам постелить ещё сверху досок,

Чтобы он больше не мок под дождём.»
Тузик хвостом завилял: «Подождём!..»

Радостны оба – и Вова, и Коля –
Тянут для крыши большой кусок толя.

Тут им соседки с грустью сказали:
– Вашего Тузика в будку забрали, –

– В будку? – спросили и Коля, и Вова, –
Будет тепло ему, что здесь плохого? –

– Плохо, что ваша собака из дворни, –
Видно, уже на пути к живодёрне...

03.04.2004 г.

* * *

Было мной на днях совершено
Важное открытие-наблюденье.
Требовало от меня оно
Зоркости ума, труда, терпенья.

О его значеньи вам решать,
Но, по-моему, оно блестяще:
Если долго сладкий чай мешать,
С каждым днём становится он слаще.

P.S.

Да, хочу предупредить Маркони
И других лихих воров в законе:
У меня братан патентовед,
Так что у Маркони шансов нет.

30.08.2003 г.

* * *

На Жактовской , где мудрости вершины

Покрыты снегом старческих седин,
Где вечно полные цветов кувшины
И часто полные кувшины вин,

Где мудростей алкающий имел их,
Где рододендрон средь тюльпанов вял,
Бальмонтов, Северяниных и Белых
Собою дядя Коля заменял.

А пироги и торты тёти Вилли
По праздникам – я помню и сейчас.
Там пива с раками мы никогда не пили,
А раки с пивом ели, и не раз.

На Жактовской стою я, вспоминая
Гостеприимный дорогой мне дом.
Смеркается, и женщина чужая
Навстречу мне идёт с пустым ведром...

30.-6.2003 г.

* * *

Под откос летят гадюки-года.
Я у жизни в неоплатном долгу.
Не отдать мне этот долг никогда –
Не успею, не верну, не смогу.

А дорога в никуда коротка.
Долга груз на шее камнем повис,
И пошла моя судьба с молотка,
А года-гадюки катятся вниз.

Оглянулся, а дорога длинна.
Позади – ни огонька, ни звезды.
Впереди передо мной – целина.
Старый конь, не испогань борозды!

07.03.2002 г.

П О Н И

Посыпаны песком дорожки Зоосада.
По ним идут шажком два пони-малыша,
А им за пять минут два круга сделать надо,
Поэтому они шагают не спеша.

Под солнцем и дождём, без отдыха и пойла
Приходится таскать четыре колеса,
А вечером их ждёт безрадостное стойло,
Лоханочка воды и торбочка овса.

На свете мало тех, кто пони понимает.
По кругу детвору приходится катать.
Кондуктор не спешит. Кондуктор пони мает.
А пони – тоже кони. Им хочется скакать!

14.09.2003 г.

* * *

Прохладною июньской ранью,
Когда цветёт шиповник пышно,
Мне захотелось новой гранью
Сверкнуть, но ничего не вышло.

Блестят бронзовки изумрудно,
Пылает куст цветами ало...
Мне показалось, что не трудно
Писать и хорошо, и мало.

А позже, в полдень, стало душно,
И стало нестерпимо влажно,
И я подумал равнодушно,
Что это, в сущности, не важно.

Пишу, как прежде, не сверкая,
И это даже не обидно:
Планида у меня такая –
Писать без высверков, как видно.

А вечером, когда стемнеет
И снова снизойдёт прохлада,
Мне станет ясно: кто умеет,
Тот и напишет так, как надо.

Ну, не блещу я, как бронзовка,
Не млею, лаврами увитый,
Зато стишки строгаю ловко,
Зато, как муха, плодовитый.

А если ночью гранью новой
Я захочу к вам повернуться,
Мне самому придётся снова
К началу самому вернуться.

15.03.2005 г.

* * *

Ртуть перевалила за отмету
36 и лезет к сорока,
И, пока жара не канет в Лету,
Лето доконает дурака.

От жары взопрели кошки даже.
Так или иначе, ваш слуга
Оказался на центральном пляже,
Где песком покрыты берега.

Правда, я песка почти не вижу –
Тушки... тушки... Эта – ничего.
Я с трудом подвинулся поближе
И с восторгом услышал: «Ого!»

У меня поджарая фигура,
Плавки новые и нету живота –
Результат диет и физкультуры, –
И глаза голодного кота.

Формами девчат вокруг мурыжа,
Я прилѣг вальяжно загорать.
То, что это не «ого», а грыжа
Девушкам совсем не нужно знать...

01.09.2003 г.

Хлебный магазинчик.

Карточки в кармашке –
Надо купить хлеба.

«Зинчик-мизинчик,
Дай мне кашки –
Отпущу на небо...»

Подошли гурьбою:
«Там твои детки
Кушают котлету...»

Я стою и вою –
Горько малолетке:
Карточек уж нету...

24.03.2004 г.

ВАСЬКА

Кот ко мне приبلудился. Его мне и недоставало.

Из подвала коричневый вылез дрожащий комок,
А помылся и стал чёрно-белым, как вакса и сало.
Я назвал его Вася, и прогнать почему-то не смог.

Ничего никогда мой Василий не ел кроме хека,
Хоть ему предлагал я и пиво, и борщ, и компот.
Разложу ему хлеб, фрикадельку, кусок чебурека –
Он сожрёт только хек, но с каким аппетитом сожрёт!

А потом на спине, развалясь, как на пляже медуза,
Лапы в стороны, он возлежал, как на облаке бог,
Под пинцет подставляя мерлузой набитое пузо,
Терпеливо снося извлечение расплюснутых блох.

Где он пил я не знаю, но он не испытывал жажды.
Правда, в нашем подвале чего-то текло. Так он жил,
Был вальяжен, как я, и ленивей меня, но однажды
Он поймал воробья и ко мне на диван положил.

Он растрогал меня. Э, да что там Виталий Бианки!
Вот и новый охотник, кормилец, добытчик в дому!
Ну, сходил я в аптеку, с полочки купил валерьянки.
Два флакона – себе и ему!..

29.03.2004 г.

СЕРЕБРЯНЫЕ ИСКРЫ

То ли мозг мой два словечка выстроил,
То ли прозомбирова́л сосед,
Но рефрен «серебряными искрами»
В голове оставил яркий след.

Если с юга еду ночью, издали –
Ростовчане – те меня поймут:
Огоньки серебряными искрами,
Вдруг, полнеба так и обоймут.

Что мне Волга, что мне Оби с Истрами?
Тихий Дон меня к себе влечёт.
Бликами, серебряными искрами
Утром вспыхнет лоно его вод.

На рыбалке, как ведётся исстари,
Про еду забудешь и нарзан,
И блеснёт серебряными искрами
Чешуи мной пойманный сазан.

Утречком, под облачками быстрыми,
Я стою у лесополосы,
И горят серебряными искрами
На травинках капельки росы.

То сапфирами, то аметистами
Вспыхнет даже сор и бурелом,
И стихи серебряными искрами
На листок ложатся под пером.

Что же, буду я предельно искренен,
Ведь хочу я, старый метроман,
Чтоб рубли серебряными искрами –
Рупь за строчку – потекли в карман...

21.09.2003 г.

НЕЛЁГКАЯ ЖИЗНЬ

Маму погубила экология –
СЭС травила в роще комаров, –
И сама от дуста еле ноги я
Унесла. Отец был нездоров,

Прохворал всю зиму нашу лютую,
А весной его прикончил волк.
Помню эту страшную минуту я,
Да какой в воспоминаньях толк?

Дедушку четвертовали косами –
Отдыхал в предутренней росе.
Бабушку размазали колёсами
По Волоколамскому шоссе.

Двух сестёр погрёб собою заживо
Под плитой фундамента гараж.
Брата, – тот в соседский сад похаживал, –
Пристрелил на днях усердный страж.

Я от стресса стала недвижимая,
И в грудях пропало молоко.
Нелегка ты, наша жизнь ежиная.
А кому у нас сейчас легко?

18.09.2003 г.

* * *

Четверть года будет осень –

Морось, слякоть невпопад,
Небо хмуро, и его сень
Скроет хмарь и листопад.

А зимою четверть года
Непогода, снегопад –
Препоганая погода:
Гололёд и людопад.

А потом придёт весна,
Из сосулек станет капать,
Всюду снова будет слякоть
Четверть года. Мать честна!

Лето будет четверть года –
Мухи, пыль, жара и гнус.
Будет знойная погода,
Вот тогда я и загнусь!

22.02.2003 г.

* * *

Умуз авторитетов нет,
Есть лишь любимые поэты –
Эрато, Талия куплеты
Им подсказали а мне нет.

Звенит Кастальская струя,
И мне им подражать не стыдно
И только чуточку обидно,
Что «ай да сукин сын» – не я.

29.03.2003 г.

* * *

Шли в темноте на зарево пожара.

Шли долго, а когда дошли с трудом,
Сестра сказала маме: «Тётя Мара,
Пойдёмте к нам, а то сгорел ваш дом».

Потом огромный душный зал вокзала,
За окнами гудки печальные до слёз.
«Кукушка» – мама мне задумчиво сказала,
Но я то знал, что это паровоз.

В четыре года пережить утрату
Собаки плюшевой – состариться душой.
Я дёргал маму за рукав халата:
«Не надо плакать, я уже большой...»

02.08.2003 г.

АМУРНОЕ

В магазинчик как-то вечером
Заглянул я, чтоб купить огурчик.
А на ветке дерева с лучком
Прятался невдалеке Амурчик.

Продавщица – чудо хороша:
Глазки – звёзды, и сама при теле.
Замерла восторженно душа –
Видимо, мы оба на прицеле.

«Да, бывают в жизни чудеса!..» –
Начал я. В ответ невозмутимо:
«Огурцы не ложьте на веса...»
В этот миг стрела промчалась мимо.

22.01.2006 г.

АНЕКДОТЕЦ

Как-то раз Иван, Тарас и Гога
Завели между собою спор –
Сколько женщин – мало, или много
Кто из них имел до этих пор.

– У мене, – сказал сперва Тарас, –
Стилько, шо считать и не берусь я.
Як у хати тараканов, да-с!
(А из всех щелей торчали усья).

А Иван (уже на веселее был):
– Сосчитать и я, блин, не берусь.
У меня – все девки на селе, блин.
Помню только тридцать восемь Дусь!

– Генацвале, манный каша знаешь? –
Молвил Гога. – Только без смешков,
Я ещё не старый, понимаешь,
У меня их мало – семь мешков...

10.08.2001 г.

* * *

Так много читал о вреде табака,
Что бросить решил, но не сдюжил пока:
Хоть мне силы воли и не занимать,
Но очень мне скучно совсем не читать.

16.08.2001 г.

* * *

Где-то бои идут.

Где-то труба поёт.
Здесь тишина, уют,
Только вот кран течёт.

Только подрался внук –
Вздулся на лбу синяк.
Только мой старый друг
Всё не зайдёт никак.

Только соседский пёс
Гадит под нашу дверь,
И половик унёс
Этот проклятый зверь.

Только сосед, урод,
Вновь изрыгает мат.
Кошка дала приплод –
Надо топить котят.

Только ночной кошмар
Будит, засну едва.
Тонко звенит комар.
Час. Полвторого. Два.

Каплет и каплет кран.
Пять. Полшестого. Шесть.
Вновь голубой экран
Можно включить и сесть

Слушать, как люди врут –
Жизнь, мол, всегда груба...
Где-то бои идут.
Где-то поёт труба.

28.08.2001 г.

* * *

Была веранда осиренена,
И цвёл каштан,
И я узнал, что ты беременна,
А я бесштан.

Уже обшмыгана смородина,
Опал орех...
Эх, если б ты была уродина,
Не впал я б в грех!

Но ты прекрасна, как видение
Небесных чар.
Ты мне являлась в сновидении —
Какой кошмар!

Не властны мы над бегом времени,
Увял наш сад,
А ты теперь ещё беременей,
Чем год назад...

04.11.2003 г.

* * *

Когда поэт, не деградируя,
Но эпатажно поражая,
Творит, ему, не пародируя,
Я восхищённо подражаю.

Как мастеру и бригадиру, я
Дань отдаю не возражая:
Своей причастностью бравируя,
Жду от посевов урожая.

Но если просто смысла нету
В стихах, то и авторитету
Конец придёт:

И даже не стараюсь вроде я,
А из меня сама пародия —
Ну так и прёт!

19.12.2003 г.

Е С Л И Б Ы ...

Если б вы не знали, как прекрасен

Сад весной при призрачной луне,
Как далёкий птичий хор стогласен,
Как шуршат мышата в тишине...

Если б вы не знали первой встречи,
Я бы выбрал вас из всех одну –
Я бы нежно обнял вас за плечи,
Показал бы сад, и тишину...

Но вы знали вы прошли, забыли,
Разорвали сказочную нить.
Как из нежных сказок сделать были?
Это очень просто – разлюбить.

Я иду домой олигофреном,
Под ногой поганые грибы,
А в башке моей звучит рефреном:
Если б вы не знали! Если бы...

06.11.2003 г.

ВЕРСИЯ

Его в армии добило –
Киллерил после Афгана.
Такова судьба дебила,
Да к тому же наркомана.

Принял он заказ под мухой,
И под кайфом, не иначе:
«Разберёмся со старухой,
Баба – это не Версаче!»

Ехал киллер на малину,
А в подъезде – гильзы горсткой.
Старовойтову Галину
Он попутал с Новодворской...

24.02.2004 г.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Стихам моим ты будешь рада:

Коль не захочешь их читать,
То пригодятся, если надо
Полешки в печке разжигать,

Оклеить стены под обои,
Коли не хватит вдруг газет,
Или на гвоздике пристроить
В надворном домике «клозет».

А если не доходят руки,
Удобства в доме и уют,
Пусть постоят на полке: внуки
Им применение найдут.

Из них, наверное, приятно
Бумажный сделать самолёт...
А вдруг, что маловероятно,
Их кто-то даже и прочтёт?!

Прочтёт, пожалуй, улыбнётся
И скажет: «Ну и выдал дед!»
И благодарно шевельнётся
Под толщей почвы мой скелет.

21.10.2003 г.

О РОЛИ ШКОЛЫ

В школе мне учиться лень

Было изначально.

Встретил я свой первый день

Грустным и печальным.

Но прошла после войны

Пара пятилеток,

И взрастила для страны

Школа малолеток.

Разбрелись мы кто куда

По стране советской,

Только помню я всегда

Анекдотик детский:

Вышел толк из дурака –

Школа постаралась,

Жалко только, что пока

Бестолочь осталась...

13.12.2005 г.

О РОЛИ РОЛИ

Полон зал. Давно все ждут начала.

Публике сегодня слишком мало
Жеста, музыки, души и слова, –
Ей клубнички захотелось снова.

Ты сегодня в роли Маргариты.
Нынче тело публике дари ты.
Нынче, – тут уж никуда не деться, –
Нужно будет донага раздеться.

Сотни глаз тебя сейчас разложат,
Мысленно с тобой разделят ложе,
Будут гладить опытной рукою,
Будут сравнивать тебя с другою.

Мысленно тобою овладеют,
От тебя, конечно, обалдеют,
Но не выдадут себя и взглядом
Той, другой, сидящей с ними рядом.

Ты не этого ль всю жизнь хотела,
С детских лет готовя своё тело
Зрителям, которые уж взмокли,
Теребя в руках свои бинокли?

Ты вчера на кладбище ходила.
Вся в цветах Булгакова могила.
Почему ж так быстро ты вернулась?
– Фурцева в гробу перевернулась!..

30.03.2006 г.

* * *

Все в бахромке ледяной
Дачные веранды.
Прошлым летом нам с тобой
Удалили гланды.

Я, ангины не боясь,
Всё сосу сосульки.
«Брось, Володя, – это грязь, –
говорят бабульки. –

Лучше снег не есть совсем,
Но, коли дошёл ты,
«Всё равно, – ответил, – съем», –
То не кушай жёлтый!

Белый – это ничего,
Жёлтый – это бяка,
Потому что на него
Писала собака.

Пёсик бегал в туалет,
Поднимая лапку.
Если же собачки нет –
Не грехи на папку:

Видно в небе зависал
Ангел-энуретик.
Это он вам и послал
Жёлтенький приветик.

Ну, а если он потом
Поднялся повыше?
Вдруг не только под кустом,
А ещё на крыше?..»

...Выбросил сосульку я
И сказал сердито:
«Не боюсь я ничего,
Кроме гепатита!»

13.04.2006 г.

ПЕРЕМЕНЫ

Дуют ветра перемен,
Кончилось время уроков.
Папа мой стал бизнесмен.
Что мне теперь Сумароков?

Что мне теперь Пастернак
И света луч в тёмном царстве?
А проживу я и так
В нашем родном государстве.

Я аттестат получу,
Что б там ни трёкали хамы.
Нет – я отцу поручу –
Купит лицей с потрохами.

С прибылью после продаст
Батьке Чувихина Гришки, –
Бизнес пропасть нам не даст,
Знаем, как делать делишки!

Ну, а коль вякать начнёт
Кто-то: купил, мол, бумажку, –
Киллера папа наймёт
И промокнёт промокашку!

17.04.2006 г.

ПРОЩАНИЕ

— **Какого** цвета медный купорос?

Неверно, синего. Оглобля или дышло,
По-вашему, длиннее... время вышло,
Я не успела вам задать вопрос.

Ну, что ж, пора нам подводить итоги,
Но, если вы ответ хотите знать,
Оглобля – семь букв, дышло – только пять.
Итак, кого уже не держат ноги?

Вы положили в банк лишь сорок тысяч.
Кто тут не знает, в общем, ни шиша?
В чьей голове не мозги, а лапша?
Кого пришла пора пребольно высечь?

Кого пора метлой поганой гнать?
Чьи знания были самой низкой пробы?
Кто примитивней жгутика амёбы?
Кому пора букварь перечитать?

Кто некультурен, как, пардон, куркуль?
Кто кончил школу среднюю по блату?
Кому в золотари пора по штату?
Чей тезаурус просто полный нуль?

Кто плавал, словно в проруби... бревно?
Вы са-а-амое сла-абое звено!
Прощайте!

03.01.2002 г.

КОМУ – У – У – У ?..

Кому обязана корова молоком –
Доярке, пастуху, быку, ветеринару?
А может грузчику, который млекотару
Привёз чем свет на ферму под хмельком?

А может сену, что в стога сметали
(А может в скирды, или копны?) тёти Вали,
(А может Тани, Мани, или Гали)?
А может челюстям, к которым языком
Шершавым сено близилось и зубы
Перетирали быстро, хоть и грубо
И отправляли, проглотив, в рубец,
Потом на сетку, в книжку, наконец,
В сычуг и, пропитав всё это соком
Пищеварительным, затем уже глубоко
В кишку длиной почти двенадцать пальцев?

А может полевод Терентий Мальцев,
Растя свой хлеб, тем самым и коровкам
Существенно помог не прибегать к уловкам,
Подобным веточкам, или гнилой соломе?

А может тем, кто в жёсткие морозы
Держал бурёнок не в хлеву, а в доме,
Хоть пах навоз совсем не так, как розы?

А может зоотехнику суровому,
Что бегают, искусно семена,
Для улучшения породы, дабы новому
Потомству молоком поить меня?

А может быть художнику Серову,
Который много раз писал корову
В обличье Ио, посадив Европу
К ней на крестец, (а в рифму не скажу
В угоду кой-какому остолопу,
Так как своим престижем дорожу),
Чем восхитил приятеля Коровина,
А много позже журналиста Бовина,
Роланда Быкова, Валерия Быковского
И в «Золотом телёнке» Паниковского?

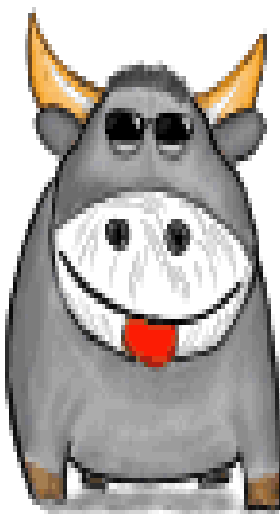

А может быть рогам, или копытам?
А может яслям, или же корытам?
А может климату (по-нашему – погоде)?
А может полю, речке, ну, природе?

А может быть обязана хвосту,
Что в том же поле, речке, на мосту
Своим маханьем охранял коров
От оводов, и мух, и комаров,
И даже кровожаднейших слепней,
Которые, как Кассиус (как Клей),
(Который также Мухаммед Али),
Ну, в общем, тех, кто, как и он, могли
Порхать, как бабочка и жалить, как оса,
Коровьи поражая телеса?

Чему-у-у обязана корова молоком?
Кому-у-у? Увы, не знаю, не знаком,
Но думаю, что многим понемногу,
А если очень коротко, то Богу!

19.01.2002 г.

* * *

Язык же так беден словами, что, как уже жаловался Шопенгауэр, невозможно рассказать разницу между кислым и горьким.

Борис Поплавский. «Из дневников. 1928-1935»

Отнюдь не надо быть Максимом Горьким,
И Шопенгауэром можешь ты не быть,
Чтоб разницу меж кисленьким и горьким
Поведать миру, то бишь разъяснить.

Борис Поплавский, дивный наш поэт,
Как это нынче утверждалось вами,
Язык ваш беден, правда не словами —
В нём, видно, вкусовых сосочков нет.

16.02.2002 г.

* * *

— **З**дорово , Петя! Как дела?

— Здорово, Вася! Всё нормально —
Купил недавно «кадиллак».
Вот так. Конкретно и реально.

— А что за бизнес у тебя?

— Я композитор. Популярный.
Везде меня поют, любя.
Я нарасхват, и гонорарный!

— А чем ты в нынешний сезон
Особенно стал знаменитый?

— Ну вот, к примеру: «М-м-м... Данон!»

— Да, Петя... А слова — мои-то!..

23.01.2002 г.

ПОНРАВИЛОСЬ

После бенефиса был банкет,

И артисту говорит поэт:

«По душе нам классная игра,
Ещё лучше — красная икра!»

23.03.2005 г.

Я З Ы К Б А Л Ь М О Н Т А

«**Мы** говорим на разных языках.

Я свет весны, а ты усталый холод». —
Заметил как-то нам в своих стихах
Бальмонт тогда, когда ещё был молод.

Язык... Он изучил шестнадцать их —
Вот сколько их Марина насчитала.
«Семнадцатый Бальмонтовский язык»
Его поэзию Цветаева назвала.

Но годы шли. Светлела голова.
«Приходит мир раздумья. Истомлённый,
вникаешь в полнозвучные слова...»
Писал поэт в сонете о влюблённой.

И, наконец, известен и велик,
Он пишет так, что в рифме чую боль я:
«Язык, великолепный наш язык.
Речное и степное в нём раздолье.

В нём клёкоты орла и волчий рык,
Напев, и звон, и ладан богомолья.»
И далее воспел седой старик
В шести десятках строк российское приволье.

Семнадцатый язык его сверкал,
И были рамки лексикона узки.
Я счастлив, что на русском он писал,
И что у нас один язык с Бальмонтом — русский!

31.03.2002 г.

* * *

Странны , о Боже, причуды любви,
Странны бывают признанья –
Пигмалион, вон – признался, обви-
вая своё изваянье.

Тьма андрогенов у Зевса в крови!
Правда, нам это не внове:
Зевс-Иоложец признался в любви
Созданной Герой корове.

Это ещё ничего. А Нарцисс
В самой решительной фазе
Сам на себе при признании повис,
И закололся в экстазе.

08.04.2002 г.

* * *

Задумчив томный взгляд, прекрасен нос и рот,
И нежный абрис форм меня волнует,
Но *почему* всегда, когда она поёт,
Мне кажется – Жизель канкан танцует?

И ангельский на вид, вдруг исчезает лик.
– Но кто она? – Я б мог ответить по-простецки,
Но как бы Леонид не вырвал мне язык...
Я лучше *почему* спрошу вас по-немецки.

28.03.2002 г.

* * *

У природы есть плохой погоды
Долгие безрадостные дни,
Что бы там российские рапсоды
Ни вещали нам с эстрад. Они

Нам поют эстрадостные песни
В ноябре, а за окном, прости,
Дождь и слякоть, ветер, хоть ты тресни,
Пробирает до мозга кости.

Наизнанку вывернуло зонтик,
До колен заляпало штаны.
Метрах в десяти – на горизонте –
Еле-еле фонари видны.

Холод и намокшая одежда,
Ветер с ног меня вот-вот собьёт.
Остаётся слабая надежда,
Что до пневмонии не дойдёт.

Так не нужно поэтессам врать и
Говорить: «Плохой погоды – нет!»
Мне не надо этой «благодати»,
Благо, я и сам почти поэт.

19.03.2003 г.

ПРОЗА

Под струями лёгкого бриза,
Любуясь остатками фриза
У белых колонн Херсонеса
Бродил я когда-то, повеса.

Две крохотных медных монетки
Нашел я на тропке. Нередки
Они для российского юга,
И я утаил их, ворюга.

Античного храма руины.
Здесь прежде кричали павлины,
И барсы водились, а ныне –
Лишь кустики чахлой полыни.

На мраморе белом Каррары
Надколы и трещинки стары,
А что там – за тем поворотом?
Возможно, расщелина с гротом,

А, может быть, древние термы –
Джакузи, сказали б теперь мы?
А вдруг, сорняками увитый
Увижу я стан Афродиты?

Когда-то бродил здесь Волошин,
Но был бы и он огорошен,
Увидев, простите за прозу,
Огромную кучу навозу.

27.03.2003 г.

А Ц Е Л Ь Б Л И З К А

Я подумал : вряд ли цель Природы

В чистом виде человек – per se.
В мире размножаются народы,
Правда, не всегда, да и не все,

Но плодятся – нас уж миллиарды,
Но зачем Природе мы нужны?
Бомбы? Старты? Нарты? Нарды? Барды?
Что такое сделать мы должны?

Человек – не цель Природы, средство.
Цель же – галактический развал,
Чёрных дыр безумное соседство
И вселенских вихрей карнавал.

Что сама не может Мать-природа?
Скажем, изготовить «Токамак».
Без весьма неглупого народа
Термояд не получить никак!

Может, человечьими руками,
Исподволь привыкшими к огню,
Электронно-встречными пучками
Тянет нас Природа в западню?

«Помести частицу внутрь ловушки, –
Шепчет нам коварный голосок, –
И пальни из электронной пушки –
Потечёт энергии поток!..»

Но, когда в немыслимой натуге
Втиснет человек её туда –
Вмиг парсеков на пятьсот в округе
Выплеснет сверхновая звезда.

30.03.2003 г.

П Р И Р О Д А

Природа – дело благородное.

Хотел я приобщиться к вечности –
Вонзилось тело инородное
В мои любимые конечности.

Я так и сел, весьма обиженный
Такой природной неучтивостью,
На блин коровий чуть оживенный,
Различной насекомой живностью.

Облепленный кой-чем и мухами
Зелёными и тёмно-серыми,
Я брёл домой, томимый муками,
Когда вороны мне осерили

Башку, дотоле русой бывшую,
И от гуано серой ставшую,
Природу сызмальства любившую,
А нынче истину познавшую.

Бреду я, комарьём искусанный,
Произнося слова народные,
Простые, очень безыскусные:
«Природа – дело благородное!»

22.04.2003 г.

НЕ МОЯ ВИНА

Дактиль, как дятел в башку мне колотит.

Раза три стукнет – рифма ползёт.
Смысл, правда, тонет порою в болоте,
Только болото сам Бог создаёт!

Пусть не всегда до конца гармоничный
Стих мой, и дактиль отчаянно плох,
Нет в том заслуги моей чисто личной:
Водит моею рукою сам Бог!

Я, как известно, писать стал недавно –
Мало успею стихов и баллад,
Но если что и получится славно,
В этом ведь тоже сам Бог виноват!

05.05.2003 г.

О СЕРВИСЕ ГОСТИНИЧНОМ

– **Н**омер в сутки – триста евро! –

Встретили ещё в фойе.
– Да откуда у нас евро? –
– Евро нет – тогда у.е.!

10.10.2003 г.

О ТАЛАНТЕ

Как вперёд продвинулась наука:
Научились – вот какая штука! –
Уровень таланта измерять.

Я в науку с детства слепо верил.
Думаю: кто б мой талант померил?
Ладно, проверять так проверять!

Взял своих стихов одну тетрадку,
Томик Пушкина, скорее для порядку,
Чтоб сравнить его талант с моим,

И вошёл под своды помещения,
Где производились измерения.
«Мой талант... Он разве измерим?»

Слышу только: «сканер... гигабайты...
Стример... спеллер... утилиты... сайты...»
Вижу очень странный агрегат.

Подхожу поближе – ручки, кнопки,
Столик микрофон, дискеток стопки
И большой красивый циферблат.

Вдруг в машине что-то как завывло,
Я не знаю что же это было,
Только слышу: «Ёлки... твою мать...

Ну, талант... Зашкаливает, братцы!
Э, любезный, хватит издеваться –
Ну-ка томик Пушкина убрать!»

Я, конечно, томик отодвинул,
А тетрадь своих стихов придвинул –
Никакого звука. Тишина.

Говорю: «Хреновая машина –
Перегрелась от таланта шина.
Что-то у вас хлипкая она!»

Подошёл поближе оператор,
Подкрутил какой-то регулятор,
Пододвинул ближе микрофон,

Положил тетрадь мою на плату,
Ногтем постучал по циферблату,
И, вздохнув, сказал кому-то: «Фон...»

30.09.2003 г.

О НАУКЕ

Нужно было как-то ультразвуком
Обработать некий образец
В институте. Хоть бедна наука,
Но – умна. Решили, наконец,

Вместо драгоценных установок,
Витаса с концертом пригласить.
Парень – золотой: без подтанцовок
Согласился полчасу поковыть.

Результат, который был получен,
И декан предугадать не мог:
Образец остался не изучен –
Рухнул факультетский потолок.

30.09.2003 г.

О МЕДИЦИНЕ

— **Что**, Сергевна, всё порхаем?

— А, Матвевна, да какой...
Мы со старым всё хвораем,
Кто ногой, кто головой.

Я уж и ноотропилом
Старому башку лечу,
Мумиём — на кружку пива
Полтаблетки — и хочу

Сиднокарбу ему в кашу
Послезавтра подмешать.
Ну, а всю семейку нашу
Чем прикажешь исцелять?

У золовки золотуха
И негнойный менингит,
У невестки в оба уха
Замандрючился отит.

У племянника — обидно —
Лимфогрануломатоз,
А у деверя торпидно
Протекающий фимоз.

Посоветуй мне, Матвевна,
У тебя же медик тесть. —
— Я скажу тебе, Сергевна,
У меня ведь опыт есть.

Видно мне, что в медицине
Ты не петришь ни гу-гу.
Пробуй олеум рицини! —
— Ой, спасибо!.. Побягу!..

02.10.2003 г.

О БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

Какой-то бомж в собор зашёл
И стал просить себе у бога:
«О, сделай так, чтоб я нашёл
Хоть сто рублей! Живу убого...»

И слышит голос: «Эй, мужик,
Ты что, в натуре, возникаешь
По мелочам? Господь велик,
А ты его, блин, отвлекаешь.

На, штуку баксов забери,
Пока, конкретно, не обидел,
И чтобы больше я внутри
Тебя сегодня, блин, не вдел!»

На свой вокзал, не чуя ног,
Шёл бомж, не замечая вьюги,
И бормотал: «Господь помог:
Не вывелись ещё ворюги!»

13.10.2003 г.

О МЕЦЕНАТСТВЕ

Услышав : «Милости прошу!»
Подумал спонсор: «Шиш получит!»
И он сказал: «Не выношу,
Когда о милости канючат!..»

28.02.2003 г.

* * *

Кто ты – сосуд, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?

Н. Заболоцкий

Огонь в сосуде – это красота!

Но, коли речь заходит о посуде,
Я не сосуд, в котором пустота,
А то, что всунули в сосуд мой люди.

Со школьных лет учителя кладут,
По крайней мере пару пятилеток,
Крупинки знания в хрупкий мой сосуд.
Так мамы кашей кормят малолеток.

Ещё пять лет кладёт любимый вуз,
В студенте тягу к знанию обнаружа,
В сосуд мой хрупкий знаний нужный груз.
Так жёны кормят любящего мужа.

И дорогой двоюродный мой брат,
Имеющий на всё свои ответы,
Уже, пожалуй, лет за пятьдесят
Кладёт в сосуд мой дельные советы.

И вот уже в сосуде места нет.
В нём содержимое недавно забродило,
Из горлышка, как джинн, полез куплет...
Так. Видимо, невестка обкормила.

05.05.2003 г.

ЭКСПРОМТ

Мелькнула мысль. Попробую поймать её

И превратить в бессмертные слова.

Мелькнула – и погасла. Ну, и мать её

По-прежнему пустая голова...

Опять мелькнула... Не успел поймать её

И зафикси... Короче, удержать.

Останется родная «Хрестоматия»

Без плодотворной мысли.

Ну, и мать...

04.09.2004 г.

* * *

Острою секирой ранена берёза,
По коре серебристой покатались слёзы...
(А.К.Толстой)

Пилой поюще подточен яркий ствол
Ещё не выжившей свой полный век берёзы.
(К.Д.Бальмонт)

Срублена берёза
Топором тупым,
Содрана берёста,
Валит чёрный дым.

Скоро струйка дёгтя
Потечёт в ведро.
Тут затрат с полногтя,
А навар – с бедро!

Будет лес товарный,
Если пилишь вдоль,
Уголь самоварный,
Дёготь, канифоль.

Будет радость дурня –
Полный портмонет.
Будет смолокурня.

А берёзы нет.

10.09.2001 г.

Ц Е Р А П А Д У С

(Сонет)

Не каждый адвокат – Плевако.

Не всякий Плиев – генерал.

И кто Гомера не читал

Не чужд поэзии, однако,

Не знает истинного смака,

Кто церападус не едал –

Гибрид черёмухи Маака

И вишни сорта «Идеал».

Вкус этот не забудешь за год!

Плоды в кистях по три-пять ягод

Так кисло-сладки и горчат...

Его не пробовал я, право,

Но разве Пушкин пил отраву,

Когда описывал анчар?

04.11.1999 г.

О Ч У Б А Й С Е

Рыжий, рыжий, конопатый,

Убил дедушку квартплатой!

10.04.2004 г.

МУЖСКАЯ СЛАБОСТЬ

Мой друг до баб был страшно слаб,
Был адюльтер в чести,
И стала вешалка для шляп
На голове моей расти.

Однажды к другу я зашёл,
А друга дома нет,
Но тёплый я приём нашёл –
Жена мне сделала омлет,

Наполнила бокал вином,
Ну, всё как повелось...
Теперь мы с другом вновь вдвоём
Гулять идём – олень и лось.

17.01.2002 г.

СВЯТОША

Молился, постился, учился у лам,
Но всё это, видно, не впрок:
Добравшись до рая с грехом пополам,
Увидел огромный замок.

Он долго стоял у запахнутых врат,
Так долго, что сам был не рад,
И, плюнув на дужку, воскликнув: «ну, гад!»,
Побрёл потихонечку в ад.

19.03 2002 г.

О ЗВЁЗДОЧКАХ

Загадали звезду. Ты свою, я свою где-то рядом –
Близ Стожар две мерцающих маленьких точки над ё.
Тридцать лет пронеслось. Проследил я их пристальным взглядом
И увидел – сияют два солнца – твоё и моё.

Мы расстались давно, но две искорки в небе остались.
А вчера тебя вспомнил, и на миг навернулась слеза.
Где же звёздочки наши, надеюсь они не расстались? –
И я поднял на небо под мощным биноклем глаза.

Ни одной не увидел звезды в сизом сумраке ночи,
Ни твоей, ни моей в тот безлунно-полуночный час.
Только зыбкое марево видят бесстрастные очи,
Только тёмное небо, пустое, как выбитый глаз...

25.04.2004 г.

О ГНЕВЕ

Иуда вызывает гнев любого иудея:

За тридцать сребреников самого Христа продать!

Уж сколько поколений все клянут злодея:

За тридцать... А ведь мог за сорок пять!

18.04.2004 г.

ОБ ЭСТРАДЕ

Посмотрел вчера «Блестящих» на эстраде.

Во фигуры! – не худые, не мясистые,

Прямо Бабкиной на зависть, тёте Наде, –

И не дуры, и такие голосистые!..

28.03 2004 г.

* * *

К.Д.Бальмонту

Утро. Тронута росой
У тропинки медуница,
А за лесополосою
Разгорается зарница.
Были ранние утраты –
Горевала до утра ты.
Утро раннее! Вначале
Утоли её печали.

День... Деньгами пахнет, потом.
Долог детства летний день.
Динь... Привязанный к воротам
Колокольчик – трень, да брень.
Дань природе или моде –
День одет не по погоде:
Дунь – и полетят листья,
И разденутся кусты.

Вечер. Вечное венчанье
Дня и ночи. Дальний гром.
Ветер. Вербное качанье.
Ведьма с чёртом за бугром.
Скоро серый сумрак скроет
Их обоих, и завоюет
Непогода, а пока –
Розовеют облака.

Ночь. Начало новолуния.
Нежен тонкий лунный серп.
Стоя в ступе, спит колдунья
На минуту не присев.
Полночь. Ветра синий свист
Обрывает с вербы лист,
И гудит всю ночь косматый
Кто-то за соседней хатой...

08.02.2000 г.

* * *

Грезится , миражется,
Мнится, снится, кажется,
Чудится, мерещится –
Кто-то в ванной плещется,
Брызжется, купается,
Грязь отмыть старается,
Банным мылом мылится
И отмыться силится,
Бородатый и плечистый,
Видимо, совсем нечистый:
Он под душем во весь рост
Моет рыло, рожки, хвост,
Пятачок, копытца...
Вот что мне блазнится,
Грезится, миражется,
Мнится, снится, кажется,
Чудится, мерещится...
Но никто не плещется –
Ведь воды давно уж нет,
Не промыт и туалет,
А у чертей – одна черта:
Их тоже нету ни черта.

08.09.2001 г.

О Р О Г О В Е Н И Е

Всем известно, что разгул

На рога влияет очень.
Был комол и Вельзевул
До Вальпургиевой ночи.

Предрассветною порой,
Когда ночь черней чернила,
Дьяволица под горой
Вельзевулу изменила.

Помнит Лысая гора
Много ярких сцен разврата,
И полезли на-гора
Сатанинские рога-то.

(С той поры и чёрт рогат,
И его худые плечи
Украшает шар-ухват,
Чтоб горшки таскать из печи.)

«Камасутрой увлеклась? –
Сатана чесал над ухом. –
С кем ты там имела связь?
Неужели групповуха?»

И пока свой гнев метал
На жену рогатый Дьявол,
Кракатау рокотал
Меж Суматрою и Явой.

Я узнал недавно, с кем
Изменяла Сатанесса.
Рассказать вам? Но зачем
Доводить вас всех до стресса?

20.01.2002 г.

* * *

Никогда я не знал,
Почему любим сказку и миф мы.
Я читал и заснул,
И тогда мне приснились стихи.

Я во сне целовал
Из прохладные тонкие рифмы
И нагою ногой
Раздавил злую рифму «грехи».

Помню, хрустнуло «ха»
Под ногою садовой улиткой
И оставило слизь
На тропинке приснившихся фраз.

Парафразой стиха,
Криминальной великой уликой
Мне навстречу неслись
Тропы стоп и синекдоха глаз.

Под моею рукой
Чуть дрожали пупырышки-буквы,
И цеплялась за руку
Буква «ща» в нежном слове «грущу».

Отпущу на покой,
Чтоб не ведали творческих мук вы.
Ах, извели муку?
Тогда никуда не пущу!

25.01.2002 г.

* * *

Волну за волной, волну за волной

На берег пустой погнал ветерок.
Такой озорной – подул над водой
И в сини густой качнул поплавок.

Волне за волной, волне за волной
Кивает листом седой краснотал.
Сазан золотой блеснул чешуёй,
Махнул мне хвостом, мелькнул и пропал.

Волна за волной, волна за волной.
Качает баркас речная рука.
Сегодня со мной шутил водяной –
Один водокрас улов рыбака.

26.02.2002 г.

О ГАНЕ

Говорили все о Гане

Только как о хулигане:
Хулиган, хулиган, хулиганище!

Нам сказала тётя Маня:
«Видите? – вон мальчик Ганя,
Он плохой, а может даже наркоман ещё!

Так что вы с ним не дружите,
В гости к Гане не ходите:
Чего доброго, у Гани – даже воши е!

Мы сказали: «Тётя Маня,
Пусть к нам в гости ходит Ганя:
Нас не надо опасаться – мы хорошие!»

17.11.2003 г.

* * *

Вот и осень наступила.
Жёлтый лист с ветвей стекает.
Мама печку затопила –
Ночью сильно холодает

Утром лужицу у дома
Застеклил мороз-стекольщик.
Тащит в склад металлолома
Чьи-то вёдра барахольщик.

Небо серое без сини.
Чиркает метлою дворник.
Наступил по всей России
Понедельник. Завтра – вторник.

25.09.2001 г.

ЛЁГКИЕ СТИХИ

Лёгкой искрой светляк проплывёт в вышине.
Я скажу: «Погляди – светлячок! К урожаю!»
И услышу в бездонной глухой тишине
Лёгкий шёпот: «А я уезжаю».

И разверзнется небо, и тяжёлая дрожь
Раскачает стволы вековых исполинов,
И потухнет в степи предзакатная рожь,
Лёгкий флёр тёмной тучи надвинув.

И тогда ты уедешь по уснувшей реке
К берегам жёлто-пыльной далёкой Эллады,
Мне оставив на память на распухшей щеке
Лёгкий запах французской помады.

21.04.2004 г.

В альманахе «День поэзии 1981» публиковалась подборка рисунков пером В.А.Жуковского, а также шаржи поэтов Л.Озерова, В.Гончарова, А.Блока и других поэтов, в том числе А.Пушкина.

* * *

Был труден труд поэта ране.
Пером гусиным – нелегко.
Будь «Паркер» у него в кармане,
Он натворил бы – ого-го!

Возьмите Пушкина хотя бы:
Не лейся с пёрышка чернил
Поток на профили и ямбы –
Да он Жуковского б затмил!

А будь бы у поэта «шарик» –
Никто б сравниться с ним не мог:
Ни сам Шагал, парижский Марик,
Ни Озеров, ни Гончаров, ни Блок!

17.04.2002 г.

ОХОТНИЧЬЕ

Песков, Згуриди и Дроздов

Пошли раз на охоту.
Не настреляли ни дроздов,
Ни льва, ни бегемота.

Потом решили испытать
Удачу в одиночку,
И разошлись, чтобы опять
Собраться перед ночью.

Дроздов, себя не чуя в зле,
Без дичи возвратился,
Но, к счастью, у костра в котле
Уже обед варился.

Вот начал остывать обед.
Песков налил рюмашку.
Згуриди нет, и нет, и нет.
Дроздов сказал: «Мне Сашка

Не нравится. Противный, гад!»
Песков в ответ: «Послушай,
Да он и вправду жестковат.
Не нравится – не кушай!»

19.03.2002 г.

* * *

Каптал порвался –
Не беда!

Ляссе пропала –
Не беда!

Страницы нету –
Не беда!

Пятно от сыра –
Не беда!

Обложка смята –
Не беда!

Обрез потрёпан –
Не беда!

Шмуцтитул вырван –
Не беда!

Изъянов нету –
О, вот беда!

07.12.1999 г.

АЛЛИТЕРАЦИЯ

К.Д.Бальмонту

Сложки скользнула лапша.

Ладно б в тарелку попала –
Бледен лесковский Левша:
Левая длань пострадала.

Боли горилкой леча,
Долго Левша бюллетенил.
Платов не звал палача –
Лично Левшу отметилил.

Плюха была неплоха –
Плакал Левша загулявший,
Лихо ковалась блоха,
Глаз заплывал пристрелявший.

Платов Левшу подгонял.
Длань воспалённо пылала.
Кончили дело. Финал.
Только блоха не скакала.

Ладно ли было лепить
Тяжеловесную плюху?
Лучше бы опохмелить,
Иль пригласить ему лекаря...

Люди! Любите Левшу,
Благословляя Лескова,
Платова, плюху, лапшу
И легковесное слово!

27.09.2001 г.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

На днях внезапно у меня
Возникло среди бела дня
Неведомое ране чувство.

Сидел я в комнатной пыли,
Читая книжечку Дали,
Поелику люблю искусство.

Читал о пуках юных дев,
Слегка от темы обалдев,
А мысль моя возьми да вспухни,

Что я в квартире не один
Среди рисунков и картин,
А кто-то возится на кухне.

Преодолев невольный страх,
Предчувствуя возможный крах,
Я робко поднялся со стула –

Седлал водопроводный кран
Большой усатый таракан.
Предчувствие не обмануло!

14.08.2003 г.

ЗАКАТ

Загорелось пламя заката,
Золотится дорожная пыль.
За полоской, несжатой когда-то,
Шевелится под ветром ковыль.

Пролетели протяжные годы,
Промелькнули неспешные дни,
В бесконечных кладовых природы
Остаются минуты одни.

Потемнела полоска заката,
Поседела туманная даль,
На пригорке, весёлом когда-то,
Разливается тихо печаль.

Растекается сонно прохлада
Под неяркой вечерней звездой,
За куртинами старого сада
Проскрипел в тишине козодой.

В серый сумрак, как в прятки играя,
Погрузилась седая листва.
Нет, в натуре, прекраснее края,
За базар отвечаю, братва!

06.09.2003 г.

УЧИТЕЛЬНИЦАМ

Уже полвека как ошибка сдеена,
И в Медицинский поступил я сдуру.
Спасибо Вам, Евгения Андреевна, –
Я из-за Вас люблю литературу.

Прочёл я книг за пятьдесят лет столько,
Что мог от вас «четвёрку» получить.
Не надо было заставлять нас только
«Скажи-ка, дядя...» наизусть учить.

Пошла на пользу также и грамматика,
Хоть был я в школе с ней не очень дружен,
Но мне она нужней, чем математика,
А вот немецкий мне совсем не нужен.

Хотя застряли у меня в груди
И мит-нах-аус-цу-фон-бай-зайт-бинен,
Дэр-дэс-дэм-дэн, да и ди-дэр-дэр-ди,
Но всё равно остался я дубиной.

И я забыл, что Химмельsspайзе – манна.
Простите, Зинаида-свет-Иванна!

06.09.2003 г.

ГНОМА

Когда поеден винегрет,
И пиво всё уже попили,
Не говори с тоской: «Их нет!»
Но с благодарностью: «Были!»

17.04.2004 г.

И Д Е Я

Я вынашивал идею,
Думал, что когда рожу,
Я идеею своею
Всех на свете поражу!

Думал: вот случатся роды,
И родившейся идее
Изумятся все народы,
Может даже иудеи!

Поделиться с другом ею:
«Как тебе такой феномен?»
Вот пишу, а сам краснею,
Потому что очень скромн.

И сказал мне мой приятель,
Что идейка – третий сорт...
Так что, дорогой читатель,
Извините за аборт!

16.09.2003 г.

* * *

Уж давно мину́ло лето,
Небо сеет дождик, но
Бергамотного ренета
На базаре уж полно.

И других прекрасных фруктов:
Для зубастых – просто рай!
Хоть на праве узуфруктов
Чью-то челюсть занимай...

28.10.2003 г.

О ЯЗЫКАХ

—Я русский бы выучил только за то, —

Сказал раз один полиглот, —
Что милая Агния Львовна Барто
Воспела им детский народ.

— А сколько ты знаешь всего языков? —
— Штук десять, но русский... о, батюшки!
На нём говорил Батюшкóв, Языкóв...
Точнее — Язы́ков и Ба́тюшков.

И Пушкин, и Гоголь, и Блок, и Эфрос
На нём говорили о нём.
И Ленин говном обозвал Наркомпрос
В двадцатые годы на нём.

— А ты иероглифы знаешь? А что,
В язы́ках ты просто колдун.
Осилишь китайский язык? —
— Ни за что!:
На нём говорил Мао Цзе-Дун!..

17.09.2003 г.

К ВЫБОРАМ ПРЕЗИДЕНТА

Нынче кандидат довольно милый:

Претендент — Ирина Хакамада.
Только завтра Южные Курилы
Отдавать японцам будет надо...

12.03.2004 г.

ДАЧНОЕ

Лежать и сохнуть – вот страдание.

Когда ж она своё вниманье
И на меня оборотит?
Когда проснётся в ней желанье?
А я ведь ничего на вид,
Но сохну, сохну в ожиданьи.
Она всё возится на грядке –
Как видно, там не всё в порядке.

Но вот неспешно обернулась,
Сюда идёт. Прекрасно. Чудно!
Я чувствую, и в ней проснулось
Желанье. Значит – обоюдно.
Она подходит ближе, ближе,
Уже её я рядом вижу.
За грядками собаки лают...
Она с улыбкой смотрит так,
Что понял я – меня желают.
Вон – приготовила «тик-так».

О, как я жду её, плутовку –
С восторгом, страхом и тоской...
Она берёт мою головку
Своею трепетной рукой,
Несильно в пальчиках сжимает:
«Ого, ты крепенький какой!»
Желанный миг! Он наступает.

Пока ещё я в грубой коже.
Она меня разденет тоже.
Вот... начинает раздевать...
Я с нетерпением буду ждать,
Когда она захочет впиться
В мою сжигающую статью,
Чтоб в этот миг я мог с ней слиться.

Я жду, когда прелестный ротик
Моей тугой коснётся плоти,
И небо жаром обожжёт.
Почти раздет... Уже вот-вот
Её коралловые губки
Вспылают, словно от огня,
И ослепительные зубки
Вопьются с трепетом в меня...

Сейчас... Ещё секунда минет –
Меня к зубам она подвинет,
Раздастся хруст... Мороз по коже...
Настал мой смертный миг, о Боже...
Какой проворный язычок...
Я умираю... Едет крыша...
Последнее, что я услышу:
– А что, удался чесночок!

23.09.2003 г.

Л Е Т О М В Д Е Р Е В Н Е

Я уплыву рекой извилистой
За горизонт.
Глядит из щели своей илистой
Завистник гном.
Держа в руке своей мозолистой
От солнца зонт,
Гордится почвою подзолистой
Наш агроном.

Мелькнул под солнцем ёрш щетинистый,
Жуя траву,
И скрылся под корягой тинистой:
Мелькнул – и нет!
И, видя, как играешь в теннис ты,
Я уплыву,
И позади растает пенистый
Мой тонкий след.

06.11.2003 г.

О КОМ ПЕСНЯ?

«Десятилетний Степан...»

Запел Дассен красивым голосом,
Но по-французски кончил соло сам,
И я стою, как профан.

«Десятилетний Степан...»

Стою, как дуб в жару привянутый,
И кто он, этот вскользь помянутый,
Не понимаю, болван.

«Десятилетний Степан...»

А знать кто он не нужно разве нам?
Ведь может речь о детстве Разина,
Иль друга Хрюна, pendant!

26.09.2003 г.

ОБЯЗАННОСТЬ

Быть рифмоплётом так легко –

Найди две-три удачных рифмы,
Допустим, рифму «Сулико»,
И, ну, к примеру, «логарифмы».

Быть стихотворцем посложней:

Здесь, всё-таки, и смысл нужен.
Поэзия? Речь не о ней,
Но не беда, коль ты с ней дружен.

А быть поэтом – благодать,

И с этим нужно примириться:

Поэтом невозможно стать –
Поэтом можно лишь родиться.

Твори, коль можешь ты творить

И временем в обрез не связан:

Поэтом можешь ты не быть,
Но стихотворцем быть обязан!

26.09.2003 г.

ПОЧТИ МОЛИТВА

О, Господь! Ты справедлив,
Почему ж дал волю гневу,
Весь запал его излив
На Адама и на Еву?

О, Господь! Ведь ты велик,
Почему ж молчал, не смея
Обратить свой грозный лик
На виновника – на Змея?

О, Господь! Ты всемогущ,
Почему ж не выгнал гада
Вон из дивных райских кущ,
Не погнал его до ада?

О, Господь! Всеведущ ты,
Так зачем прогнал Адама
С вашей райской высоты,
Съела яблоко ведь дама?

О, Господь! Ведь ты всеблаг,
И всемилостив, и честен,
Но в раю твоём – бардак,
А ведь там он неуместен!

О, Господь! Коль ты не глуп,
Как помру я, зол и гадок,
Забери к себе мой труп –
Наведу в раю порядок!

28.10.2004 г.

* * *

Холодное утро. В полях уже пусто.
Не слышно ни песен, ни текстов про мать.
На овощебазах почти вся капуста,
И самое время картошку копать.

Туманное небо и маленький дождик,
И шлёпают клубни в размокшую грязь.
Беритесь за вилы, известный художник!
Хватайтесь за грабли, потомственный князь!

А где-то далёко проносятся кони..
Пора и в свинарник, навоз убирать.
Ну что, господа, привыкаете к вони?
А может на рынок – свеклой торговать?

А ветер гоняет опавшие листья,
И снова на завтрак компот и лапша.
Зачем мы вернулись, поручик Голицын?
Уж лучше таксистом в каких-нибудь США!..

23.03 2004 г.

МОЖЕТ , ДОБАВИТ ...

Родителей , здоровье, зубы, разум

Теряет человек в конце пути,
Приобретя врагов, склероз, маразм,
Чтоб не было нам жаль **ТУДА** идти.

Но, ежели ещё не всё допето,
А не допито, если ты – поэт,
Господь не фразер, он заметит это,
Прибавит к сроку пару-тройку лет!

23.03.2004 г.

ТУДА

Там едят марципаны, пьют мокко,
Умеревшие бродят стадами –
Дивный сад, а душе одиноко:
Ад далёко. Но не за горами!

30.03.2004 г.

Я Б ...

В партию Лимонова экспрессом

Я б вступил по наущенью свыше:
Я б Чубайса облил майонезом,
И из партии тотчас бы вышел!

20.05.2004 г.

* * *

...Жук ел траву, жука клевала птица
Хорёк пил мозг из птичьей головы,
И страхом перекошенные лица
Ночных существ смотрели из травы.

Н.Заболоцкий. «Лодейников»

Жук съел червя, жука склевала птица,
Хорёк у птицы жадно мозги пьёт,
Хорька задрала рыжая лисица,
А ту сожрал прожорливый койот.

Но нет конца смертельной круговерти:
Койота съел медведь. И поделом!
Но он не знал, что опахало смерти
Взмахнуло и над ним своим крылом.

Медведь койота съел, а с ним его микробы,
И заболел. И сдох? Конечно, да!
И, медвежатиной набив свои утробы,
Микробы разбежались кто куда.

Микробов ел червяк, того – синица,
Синицу съест лиса, или койот,
И всё опять, как прежде повторится,
Правда, медведь будет другой, не тот...

06.04.2004 г.

* * *

В яблоках нашли недавно золото.

Раньше лишь железо находили.
Новостью общественность расколота,
Новостью газеты запестрили...

Или запестрели?.. Ну, не важно,
Главное – сохранность драгметалла.
На защиту яблонь вмиг отважно
Половина общества восстала.

А другая половина стелется,
Яблоки воруя, как и прежде,
И в подвалы прячет яблочек тельца,
На колечко накопить в надежде.

Ишь, ворюги – не боятся бога,
Слышат золотистых яблочек звон!
На колечко нужно их немного:
Сорок восемь тысяч двести тонн.

16.04.2004 г.

48 200 тонн
48 200 тонн

ТАНКА

Движусь по пляжу.
Девы – вроде муляжу.
В тонкости влажу –
На ком нет макияжу,
У той я и приляжу!

21.04.2004 г.

НОСТАЛЬГИЯ

Мне порой вспоминается юность далёкая:
Мы сидели с тобой на коротенькой лавочке,
И светила над нами звезда одинокая –
На небесной копирке уколом булабочки.

А кругом всё ходили завистливо парочки
«А когда наша очередь?» – думали, думаю.
А дыханье мешалось и туманил нам пар очки,
И туманом на миг закрывал ту звезду мою...

А потом мы прощались с тобою у лестницы,
А ступени у лестницы длинные-длинные...
Наверху орал кот серенаду прелестнице,
А внизу я шептал тебе речи невинные.

Где теперь ты живёшь, моя юность далёкая?
С кем в аптеку хромаешь, опираясь о палочку?
Вспоминаешь хоть изредка ту звезду одинокую,
И ту длинную лестницу, и короткую лавочку?

22.04 2004 г.

БАХ. СТРАСТИ ПО ИОАННУ

Орган, как многоствольный орган,

Как многопушечный онагр,
Нагромоздил, как Томас Морган,
Над хромосомой сонм виагр.

Организуя дух оргазма,
Он органичен, будто дуб,
Многообразен, словно плазма,
Но ограничен телом труб.

Его чарующие звуки –
Как кокаинова печать,
И только Баховые руки
И ноги могут так звучать!

Рокочет бас и свистом фистул
Ревёт могучий ураган:
Неистов и многорегистров
Звучит на кафедре орган,

И весь в его волшебной власти,
Маэстро, гений, хулиган,
Струит по Иоанну страсти
Почти что тёзка – Иоганн.

05.04.2004 г.

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Томасу Муру,
Ивану Козлову,
Афанасию Фету.

Вечерний звон, столичный шум,
Как много он наводит дум!
Унылый сон... Конец мольбам –
Прощай, Кобзон! На БАМ! На БАМ!

Он вспомнил дом, счастливых там,
Ручаюсь в том, не встретив дам.
Там слышал он лишь рельсов звон,
Там тихий сон умчался вон.

В краю родном он был любим,
Мы об одном мечтали с ним,
И весь наш дом стоял вверх дном,
Жил бодуном и ходуном.

Вернулся сам к родным гробам,
Сибирякам оставив БАМ.
Сказал он там «прощай» столбам,
Пурге, кустам, тайге, грибам.

Вернулся он на улиц шум,
В свой отчий дом, где ЦУМ, где ГУМ,
С распухшим лбом, где детский гам,
Зато не хром, – покой ногам.

Уж петь певцам теперь другим
Своим отцам таёжный гимн,
Зато в альбом напишет он
С твоим гербом «Вечерний звон».

06.06.2004 г.

ГУМНО

На каком-то вернисаже

Выставлялось полотно.

Где, когда, – не помню даже,

Только помню, что давно.

Ведали искусствоведы:

«Полотно назвав «Гумно»,

А не, скажем, «Вкус победы»,

Автор поступил умно.

Кто ж художник? Если даже

Это кто-то из «митьков»,

Неудобно в эпатаже

Заподозрить стариков.

Плавная текучесть линий,

Напряжённый колорит,

А небесный цвет – не синий,

Но, представь себе, – горит!»

Посетители гадали:

«Пикассо? Дали? Миро?»

Рядом авторы стояли,

Улыбаяся хитро.

Только маленький мальчонка,

Посмотревши на «Гумно»,

Плюнул и воскликнул звонко:

«Не калтина, а гамно!...»

08.04.2006 г.

Иллюстрация к стихотворению «Гумно».

* * *

Майский жук в окно с размаху прынул.

Ночь пришла на мягких чёрных лапах.

Белая сирень запахлапряно –

Как любила мама этот запах!

Скоро мы увидимся, родная,

Белого сиреневого цвета

Я тебе полрая наломаю,

Даже если после в ад за это...

22.04.2004 г.

В Е Ч Е Р

Музыка тихая льётся в раскрытые окна –

Слушаю звуки романсов давно позабытых.

Небо вечернее розово, только волокна

Тучек на западе цвета чернил разлитых.

Гаснут закатные краски, музыка тише,

Пахнет акация белая – чудо такое!

Голос Неждановой нежный почти не слышен.

Тихо, прохладно, просторно – счастье покоя!..

Вдруг заорал Сосо жеребцом зовущим:

Бум! Бум! Бум! Бум!.. запустить в него нечем.

Прямо под окнами встал «мерседес» орущий.

Чтоб ты пропал, паразит, – изгадил вечер.

27.04.2004 г.

ИЗ ЧУВСТВА ДОЛГА

Жил в нашем доме старикашка
По кличке Колька.
Ни с кем он не дружил, бедняжка,
С собакой только.

Ей приносил и клал у бака
Свои объедки,
И стали Колькой звать собаку
Его соседки.

Дед старый был и сердце биться
Давно устало.
И, – что должно было случиться, –
Его не стало.

Его свезли. Тут рядом было.
Никто не плакал.
И только долго, долго была
Его собака.

Ходила Колька на могилу
Довольно долго:
Пришла... Понюхала... Повыла...
Из чувства долга.

28.04.2004 г.

Н О В О Е В М Е Д И Ц И Н Е

Лечусь лимонной кислотой

На кончике ножа. А ты
Всё соду пьёшь, творец застоя?
Смотри, придёт тебе кранты!

Вся эта меленькая сволочь:
Грибки, бактерии, глисты –
Ужасно обожает щёлочь
И не выносит кислоты.

Возможно и не панацея
Моё изобретенье, но
Вот что скажу тебе в конце я –
Я не болел уже давно.

Не бегаю я по больницам
Микстуры все – не для меня.
Без них могу я обходиться
Давно. Уже четыре дня!

08.05.2004 г.

* * *

Хрустнула ваза хрустальная.

Дребезги брызнули врызг.
Хлынула влага кристальная
Облаком бисерных брызг.

Тонкими звонкими льдинками
Рюмки звенели. Текло.
Спутанными паутинками
Трещин покрылось стекло.

Грустная, даже печальная
Влага закапала вниз:
Хрустнула ваза хрустальная.
Плакал богемский сервиз.

12.05.2004 г.

* * *

Всё! Отгремели бои!

Где вы, друзья мои, братья,
Однополчане мои?
Долго ещё буду звать я

Вас лишь в кошмарах ночных, –
Душные, пьяные бреды, –
Горькой настойкой залив
Радость великой Победы.

Крикну, уставший от битв,
Смерти избегший объятий:
«Кончилось время молитв,
Началось время проклятий!»

Тускло блеснут в полутьме
Орден, четыре медали...
А Игорьку, старшине,
Ордена так и не дали.

Он обернулся на миг:
«Эй, догоняйте, ребятки!» –
И на колени поник
С дыркой у левой лопатки.

Будь же ты проклят, комбат,
Что отвечал заторможенно,
Часто срываясь на мат:
«В спину убит – не положено!...»

12.05.2004 г.

ПРИЗНАНИЕ

К женским талантам почтение полное,
Но не любовь у меня, к сожалению.
Я их ценю, уважая их пол, но я
Часто, увы, отдаю предпочтение
Винам, игре и стихам.

Может быть, нонсенс сейчас оглаголю я,
Может быть, вздорную чушь оглашаю я,
Но не люблю я актрису Глаголеву,
И не люблю поэтессу Цветаеву.
Видимо, просто хам!

16.05.2004 г.

ВОПРОС - ОТВЕТ

Сталина спросил раз Троцкий Лёва:
«Что нам делать в смысле Гумилёва?» –
«Запретить, – ответил Сталин, – ясно?
Он талантлив, что вдвойне опасно!»

«Как тут запретишь – двадцатый год!
Ну, а как возьмёт да удерёт?»
«Как? – ответил Сталин, – шалунишка!
Ледорубом по башке – и крышка!»

18.05.2004 г.

ВОЖДЕЛЕНИЕ

Раз Иван Семёнович Козловский,
На приёме будучи в Кремле,
Так сказал, подняв бокал «Московской»:
«Хочется поездить по Земле!

Никогда я не был за границей.
Весь «Большой» во Франции – гастроль.
Я ж не видел ни Ривьер, ни Ниццы,
Хоть в «Борисе» у меня есть роль...»

И перед вождём слегка согнулся:
«Отпустите посмотреть Париж!»
Сталин хитровато улыбнулся
И спросил: «А ты не убежишь?»

«Как могли подумать вы такое,
дорогой товарищ Сталин?! Нет!
Для меня село моё родное
Всех дороже заграниц!...» В ответ

Сталин закивал: «Скажу одно я:
Правильно ты мыслишь! Молодец!
Вот и поезжай... в село родное,
Отдохнёшь от опер, наконец!..»

29.05.2006 г.

* * *

Небо цвета духа бестелесного –
Результат недавних пыльных бурь,
В климате явления известного,
Словно там, у Грабаря Небесного,
Кончилась берлинская лазурь.

В вышине, с туманом перемешанной,
Пролетит протяжный птичий клин.
Ты мне скажешь на прощанье «Бешеный!»
И, осенним саваном завешенный,
Я останусь на земле один.

Всё пройдёт, пройдёт и осень мрачная,
И провоет долгая зима,
И настанет снова новобрачная
Ледоходно-прилетело-грачная
Яркая весенняя пора.

Будут петь по-прежнему кузнечики,
Будет солнце жарко, как всегда,
Будут сохнуть на заборах глечики,
Но твои озябнувшие плечики
Не согрею больше никогда.

И другая, зажигалкой газовой
Чиркнув спросит: «Ну так что, мужик,
Женишься?» – на что отвечу сразу я:
«Что ты, детка, я ведь одноразовый,
Как и твой хромированный Бик!»

08.06.2004 г.

* * *

О, как мне хочется порою
Побыть белужьею икрою,
Чтобы услышать «дорогой»,

Залюсь пивком безалкогольным,
Иль поскакать мячом футбольным
Под Марадоновой ногой.

Или побыть борщом по-флотски,
Затем лишь, чтобы Заболоцкий,
Меня откушав, описал,

Или прикладом от винтовки,
Чтобы Светлов в своей «Каховке»
Со мной к Варшаве почесал.

О, как мне хочется порою,
Я от читателя не скрою,
Сказать «о, как!», как Ларин, мент.

Подобно этому герою –
А вдруг я что-нибудь нарою? –
Хочу начать эксперимент.

Хочу окакнуть, обнаружа
Остылый труп за домом в луже,
А может быть, и тёплый труп.

Шучу! Хочу я, как известно,
Нарыть всего лишь перл чудесный
В сухих буртах словесных круп!

О, как мне хочется порою,
Особенно, увы, ночью,
Не встретить сукиного сына.

Ведь я пугаюсь, как овца,
Как мусульманин голубца –
А вдруг внутри него свинина?

Ведь я фигурой не Дукалис,
А чтоб меня враги боялись –
Пугаю мордою лица!

Имею я худое тулово,
Фигурой – даже не Абдулова...
Эх, мне бы бицепсы борца!

О, как мне хочется порою –
Уж ладно, я секрет открою –
Ментам российским подражать,

Девиц в компаниях приличных,
Провинциальных и столичных
Своей смекалкой поражать.

И на бомондовых тусовках,
И на трамвайных остановках,
И в зоопарке, средь макак

Хотел бы я невозмутимо,
По-ларински шагая мимо,
Сказать с усмешкою: «О, как!»

01.04.2004 г.

ЛЁГКАЯ СМЕРТЬ

Бежал таракан одинокий во мраке.
Мне так его жалко – до слёз!
Хотел он покушать, а в мусорном баке
Его поджидал дихлофос.

Едва таракан с дихлофосом сравнялся,
Тот запахом обдал его.
Почувяв амбре, таракан закачался,
Его замутило всего.

Откинув кубышку, он умер не сразу –
Собрав свою волю в кулак,
Сказал напоследок крылатую фразу:
«Легко подыхать натошак!»

15.06.2004 г.

БАБОЧКЕ

Ты, родившись червяком,
Ползая, а не летая,
Нынче стала мотыльком,
Горького опровергая.

Поцелуй даря цветам –
(Предпосылка урожая) –
Ты порхаешь тут и там,
Красотою поражая.

Красота – редчайший дар,
В этом смысле боги строги,
Ведь недаром пьют нектар
Только бабочки и боги!

07.04.2006 г.

Иллюстрация к стихотворению «Бабочке».

Я В Н О В Ъ ...

Я **ВНОВЬ** в руках твоих, стихия
Евтерпина. Терпя упрёки,
Я вновь и вновь рифмую строки –
Пытаюсь написать стихи я.

Я строгий критик и в ближайшей
Пивной, на радость местным дивам,
Я вновь стихи свои за пивом
Подвергну критике строжайшей.

Отдам жене листочков стопку –
Плоды последней неудачи –
Я вновь на пригородной даче,
На самоварную растопку.

А вечером, пройдясь по пабам
И зыркая вокруг очами,
Я вновь услышу за плечами:
«С такою рожей – и по бабам!..»

И, коль стихов дурацких пара
Моих вам встретится в печати,
Я вновь скажу – жена опять их
Уберегла от самовара.

29.06.2004 г.

* * *

Всего, что надо – не успеть воспеть,
А, может быть, и воспевать не надо:
За веянием времени поспеть
Не каждый может искренностью взгляда?

И многое, забывшись, пропадёт,
Останется у зрения вне поля,
На «жёлтое пятно» не попадёт,
А попадёт на пятнышко «слепое».

Но много хуже, если воспевал
Ты конъюнктурно то, что недостойно.
Поющий мой, во что же ты попал,
Хоть и благопристойно, но застойно?

Каким регистром, изгибая стан,
Ты Ленина и Сталина богами
Воспел, наш дорогой Эль-Регистан,
Во что ты влип обеими ногами?

30.06.2004 г.

О , ВЕСНА!

О , весна, ты как школьная парта —
Безыскусственна и проста,
А зима без холодного марта,
Словно ящерица без хвоста.

О, весна без конца и начала,
Без конца за окошком дожди.
Сгнила репа и люффа-мочало,
И картошка сгниёт, подожди.

О, весна! Я тебя обожаю,
Уважаю, ценю и люблю,
Но, как видно, конец урожаю
И укропа пучку по рублю!

30.06.2004 г.

О Б И Д А

Высоким званием поэта

Моя работа не согрета –
На суд людей несу

Я не любви безмерной счастье,
Не с подвигами сопричастье,
Не пение Алсу.

Ведь надо ж и про бородавки,
Подмышки, и в трамваях давки,
И волоски в носу.

А как хотелось бы про осень,
Про листопад, и неба просинь,
Про речку Бирюсу...

Зато какая речь живая
Течёт, порою воспевая
Паштет и колбасу!

Но, бог не дал души поэта,
А как обижен я на это –
В могилу унесу.

02.07.2004 г.

И Д И Л И Я

Сучок преломленный
За платье задел;
Пастух удивленный
Всю прелесть узрел.

А.С.Пушкин «Вишня»

Румяной зарёю покрылся восток,
Вдали за рекою погас огонёк.
В дубовую рощу селянки пошли.
Там гнёздышко птички на дубе нашли.

Подружки пастушке кричали: «Не лажь!»
Пастушка, не слыша, на дуб забралась.
Сучок надломлённый за платье задел.
Пастух удивленный всю прелесть узрел.

Я к дубу бежал – всё навстречу неслоь,
Но прелесть увидеть мне не удалось –
Пастух предо мною внезапно возник,
А рядом стоял преогромнейший бык...

22.07.2004 г.

ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Поглядев очами вожделенными

На фигуру стройную твою,
О любви словами неперменными
Стал я петь, подобно соловью.

Я слезами заливался модными,
Когда ты ответила мне «нет»,
И глазами посмотрел голодными
На тобой подаренный портрет.

Время шло, и так уж всё устроено:
Постарев, ты мне сказала «да»,
Но была ты массою утроена,
Я же с тела спал, как никогда.

Я навёл свои глазные впадины
На твою объёмистую гладь,
И слезинки, крупные, как градины,
Покатались из меня опять.

Ты ж, глазами сделав пару высверков
На меня, зелёного, как бакс,
Быстренько, как маленького, высморкав,
Понесла одной рукою в ЗАГС.

09.02.2005 г.

СТРАДАНИЯ СЧЕТОВОДА

Тридцать три процента девок местных

Были в меня пылко влюблены.
Я встречал сиянье глаз прелестных,
В Масленицу спевши про блины.

Стал я завсегдатаем попевок, —
На деревни голоса в чести, —
И процент влюблённых в меня девок
Вырос до шестидести шести.

Я не мог довольствоваться малым, —
Караоке с премии купил
И, серьёзно занявшись вокалом,
Всех девчат в деревне покори.

Я влюблён во всех подружек сразу —
Все они безумно хороши
И для многоопытного глазу,
И для исстрадавшийся души.

Мне пора жениться. Я не знаю
Что мне делать, — я люблю всех их,
И который месяц выбираю
Я из всех одну. Из всех троих.

13.02.2005 г.

* * *

Где-то мявчет иволга, как голодный кот.

За лабазом таволга расцветёт вот-вот.

Тиной и лягушками пруд кишит кишмя.

Ты с двумя подружками смотришь на меня.

Девушки сметливые – их простыл и след.

Мы с тобой счастливые, вместе, тэт-а-тэт.

А когда под ласкою сброшу шёлк фаты,

Скажешь мне с опаскою: «Да пошёл бы ты!

Знаю вас, насильников, мартовских котов.

Благо – век мобильников. Вызову ментов –

Мало не покажется, как составят акт.

Хватит уж куражиться над невестой, факт!

Хватит нас поэтам уж мять в ночных кустах!

Пишет пусть об этом муж, не жених в стихах!

Хочется молоденькой? Мой тебе совет, –

Действуй-ка, Володенька, через сельсовет!

Женишься – на радости мни мой нежный цвет,

А пока что гадости не позволю, нет!..»

Месяц серпик дужкою выгнул на межу.

Я с твоей подружкой в таволге лежу.

Девка круглолицая, глазки – как цветы,

И она милицией не нудит, как ты.

Песенка неспетая, только скажет «Ах!»

Завтра же всё это я опишу в стихах!

04.03.2005 г.

* * *

За окошком нету темени –
Бобик воет на луну...
Хорошо, что я до времени
Не уехал на войну!

Взял бы я винтовку меткую,
К ней патронов двадцать пять,
Замаскировался б веткою,
И по гадам стал стрелять.

Что ни выстрел по проклятому –
Прямо в сердце, сразу чтоб!
Наконец, я двадцать пятому
Залепил бы прямо в лоб!

И ряды врага истончатся –
Четверть сотни за полдня!..
А когда патроны кончатся,
То они пришьют меня...

...Шестьдесят годков мелькающее
Пролетит – и я пойму:
Хорошо, что я тогда ещё
Не уехал на войну!

20.03.2005 г.

* * *

Один художник рисовал
Свою картину двадцать лет.
Я пригляделся и нашёл
На ней изъяны и пороки.
Другой художник избежал
Пороков – недостатков нет,
А главное, что он ушёл
От долгих ужасов мороки.

У первого сюжет не нов,
Как, впрочем, стар и весь наш мир.
Другой нас просто поразил
Супрематическим квадратом
Один из них был Иванов,
Другой – Малевич Казимир.
Он так весь мир изобразил,
Абстрактно – подлинный новатор!

Но вот забавный парадокс:
Я все изъяны ясно вижу
На пресловутом полотне,
То бишь «Явление мессии».
Хоть я совсем не ортодокс,
Но Иванов мне как-то ближе,
И, думаю, не только мне,
А большинству людей России.

Мне кажется, за свой квадрат,
Что сделан просто безупречно
Малевичу не избежать
Расплаты – не рублём, не водкой –
Пойдёт художник прямо в ад,
Чтобы поджариваться вечно,
Но будут черти улаживать
Его квадратной сковородкой!

10.03.2005 г.

МНОГОЦВЕТНЫЙ ПРЯМОУГОЛЬНИК

Потряс первоосновы мира

Супрематизм Казимира.
От зависти я сохнуть стал,
Пока палитру не достал.

Но, вместо чёрного квадрата,
(Его палитра слабовата),
Я создал, приняв двести граммов,
Один из параллелограммов.

И мой шедевр ничуть не хуже,
И не квадрат, – чуть-чуть поуже,
Хоть я немного эпигон:
Весь из квадратов соткан он.

А главное в чём я новатор,
А не бездушный плагиатор, –
Чтоб избежать музейной драмы,
Шедевр мой не лишён и рамы.

Хотел бы я квадраты эти
Презентовать Елизавете, –
Пускай оценит королева,
В особенности третий слева.

И за его прекрасный вид
Пускай меня усыновит.
Я буду зваться «королевич»...
Теперь пусть сохнет сам Малевич!

05.04.2006 г.

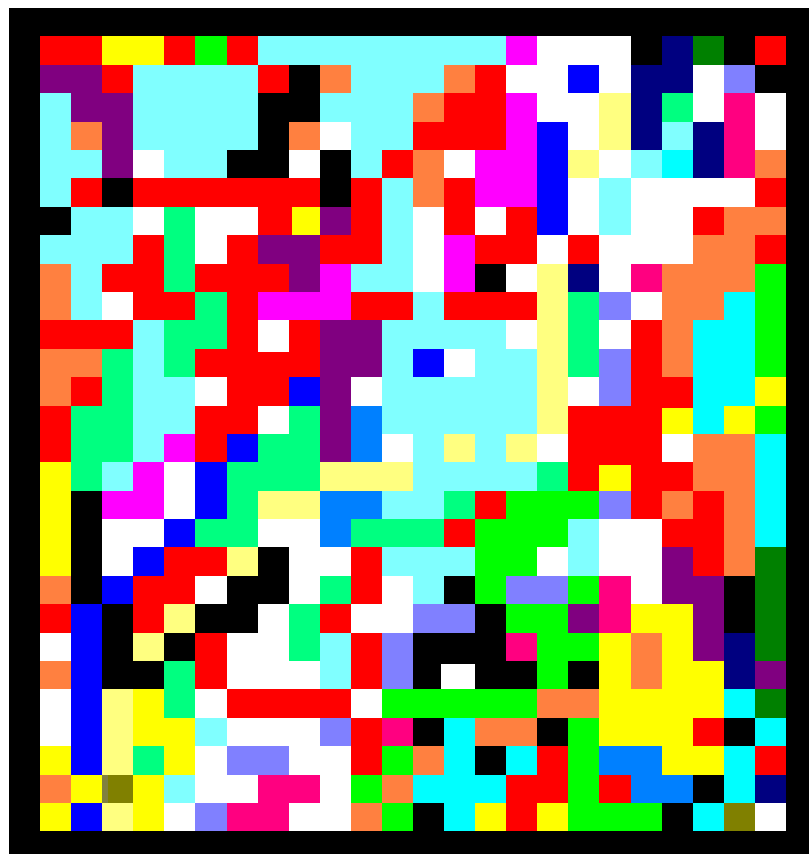

Иллюстрация к стихотворению «Многоцветный
прямоугольник».

ТЯГА К ЗНАНИЮ

Знание — это сила,
Это всем известно.
Что секрет — могила
Знают повсеместно.

Многое навеки
Скрыто от народа,
Тайной в человеке
Сделала природа.

Стать сильнее хочу я
Мышленьем мышленья,
Тайну вдруг почую
В ходе размышленья.

Я бы жизни пробной
Отдал все остатки,
Да и пол-загробной
За отгад загадки.

Но не факт наличья
Рая или ада
Мне до неприличья
Разузнать бы надо.

Есть ли жизнь на Марсе —
Не моя проблема,
Пусть волнует в фарсе
Брэдбери и Лема.

Где конец вселенной,
Как лечить от СПИДа —
Знать мне непременно
Нужно лишь для вида.

А на самом деле
Вовсе и не это
Держит на пределе,
Мучает поэта.

Но нужны не слухи,
Сплетни и догадки,
Домыслы старухи,
Как на них ни падки

Разные поэты,
Пишущие фразы,
Мифы и сонеты.
Мне нужны не сказы,

Не гипотез строки,
Не предположенья,
Пусть они и строги
До изнеможенья.

Я хочу школярски
Знать, как мама папу, –
Почему Боярский
Не снимает шляпу!

03.04.2005 г.

О СЕНСАЦИИ

Множество сенсаций

Делает наука
Методом локаций
Дозой ультразвука.

Триста три берлоги –
Много для науки:
Заболели ноги,
Задубели руки, –

Метод очень строгий.
Всё же, оказалось –
Ни в одной берлоге
Лапа не сосалась!

01.04.2005 г.

О СПЕЛЛЕРЕ

Приобщиться к мировой культуре

Захотелось мне на склоне лет,
Капнув в океан литературы
Свой неподражаемый куплет.

Но бывает – дождь идёт в пустыне,
Капли быстро сохнут на ветру,
И земля нагретая не стынет,
И напрасен туч дождливый труд.

Жизнь моя сегодня драматична,
Как российский нынешний футбол –
Стал я ошибаться грамматично:
Мне склероз забил свой сотый гол.

Стало жить нервозно и склерозно,
Как грибу сухому средь кустов.
Но не так всё в мире одиозно,
Как в футбольном клубе СКА Ростов.

Я купил компьютер прошлым летом, –
Сам не сдюжил, мне помог мой друг.
Капаю теперь своим куплетом
С помощью не головы, а рук.

И, елозя по клавиатуре
Пальцами сарделек, старый гриб,
Я от спеллера тащусь, в натуре,
Он меня не разу не ошиб!

06.04.2005 г.

* * *

Волны творческого зуда

Так меня и подмывают,
Но не ясно мне откуда
Взять сюжетную канву.

Я дошёл уже до точки,
А стихи не возникают –
Напишу четыре строчки
И сейчас же их порву:

Это я читал у Федра,
Это у Петруся Бровки,
А об этом в драме «Федра»
Написал сам Жан Расин.

Видно, что давно я не был
В творческой командировке, –
И я быстренько за хлебом
Устремился в магазин.

11.04 2005 г.

* * *

А запахов намешано вокруг!
Сирень цветёт, Ульяна рыбу жарит,
Выкусывает блох голодный Шарик
И на дверях уборной сорван крюк.
Вдали сарай, где возится хавронья
И прочие клубятся благовонья.

Леонард Лавлинский

Гуляют Миша, Вова, Шурик, Марик
Лексюнин, Ищенко, Миганаджиев, Вул.
И, выкусив всех блох, наелся Шарик.
Вдруг к ним с «Мурчалки» запах потянул.
Да, до войны фонтаном был «Мурчалка»,
А с сорок первого – всего лишь свалка.
И Шарик, вздрогнув, вновь проголодался,
И люд попрятался в коробочки домов.
Противогаз купить не догадался?
Тогда дыши амбре и будь здоров.
Ульяна рыбу жарит, пахнет сорник,
Дворовый нужник чистит золотарь,
Собачий кал так и не вымел дворник.
Вот пьяного стошнило под фонарь.
Пахнул сосед немытыми ногами,
В зелёной бочке пахнет керосин,
И пахнет далеко не пирогами.
Сосед свинью в сарайчик поместил –
Огромную вонючую хавронью.
Помёт свиньи – не гималайский нард.
Да, надо б вам, Лавлинский Леонард,
Нахичевань назвать Нахичевонью!

08.02.2002 г.

* * *

Не пыли, полынь густая,
Горькой горечью не вей...

Не петляй, дорога, круто,
Над тесниной не теснись...

Николай Зусик

Ананас нас наслаждает
Сочной сочностью своей.
В бане квас вас восхищает
Кислой кислотью. Налей!

Флексия сия сияет
Яркой яркостью огней,
Зусик усик усекает,
Бреясь бритвой «Брадобрей».

08.02.2002 г.

ВЕСЕННИЕ ГОЛОСА

За окном жердёлки расцвели опять:

В белой пене ветки, а листочков нет.
Зажужжали пчёлки, стали опылять,
И кричит соседке «Выходи!...» сосед.

Вновь мычит корова, вспрянув ото сна,
Тёплый ветер мая дует прямо в глаз.
Ты настала снова, дивная весна,
Шестьдесят седьмая ты на этот раз!

Ласковое солнце стало припекать.
За стеной шумиха – пылесос завыл.
В полдень за оконцем было двадцать пять.
Что такое «тихо» – я давно забыл...

Снова пыль клубится и кусты дрожат.
Вновь на крыше кошка, и орут коты.
Хочется напиться, только жаль денег.
Подожди немножко, заорёшь и ты.

Я, дойдя до точки, сам заголосил,
И, услышав это, сжалился сам бог:
Мне бессмертье строчки, хоть я не просил,
Пятого куплета сочинить помог!

14.04.2005 г.

* * *

Андрею Дементьеву

Ни о чём не жалейте, мамыши, папаши.

Не жалейте, что вы никому не нужны,
Пусть зарплата Чубайса в триста раз выше вашей,
Но ведь деньги берёт он из вашей кошмы!

Но зато вас никто не облил майонезом,
И не строчит вдогонку ни «УЗИ», ни «калаш»,
И никто не ругает вас рыжим балбесом,
Ведь не грабите вы ни мамыш, ни папаш...

Не завидуйте тем, кто богатый, красивый,
Словно муж Пугачёвой Киркоров Филипп, –
Пусть вы старый и хворый, беззубый и сивый,
Но в дурную историю кто из вас влип?

Пусть вы будете немощным, слабым и бледным.
Пусть никто из вас славы стране не принёс,
Словно братья Кличко результатом победным,
Но зато у вас целы и рёбра, и нос...

Не жалейте, что вы не трубите на флейте,
Что не можете петь, словно Лещенки Львы,
Как Дементьев, стихи сочинять не умеете,
Но зато с наслажденьем их слушали вы!

Не завидуйте гениям, это банально.
Лишь бы пара ушей по бокам головы:
Пусть Дементьев стихи сочинил гениально,
Но ещё гениальнее слушали вы!

22.04.2005 г.

РОМАН В ЧАСТУШКАХ

На лугу стоит корова
Над лепёшкой-какою.
Тётю Надю дядя Вова
Обозвал макакою.

Дяде нету интересу
Источать поллюцию, –
Приглашает он Инессу
Делать революцию.

Но член партии в душе
Оказался гаденький,
Дядя пожил в шалаше
И вернулся к Наденьке.

На лугу стоит корова
И лепёшкой какает.
Тётю Надю дядя Вова,
Обнимая, плакает...

23.04.2004 г.

ЖЕНСКИЕ РИФМЫ

Женские рифмы нимало не ценятся.

Женские рифмы лишь Пушкин ценил.
Творчества кредо никак не изменится:
О, погляди-ка, что я натворил!

Сонные пары по пляжу слоняются,
Чокнувшись тарой, из горлышка пьют,
С жаром целуются и обнимаются...
О, как гитары красиво поют!

Грустные ивы в воде отражаются.
Снова ты рядом. Ну, как тут уснёшь?
Трое детишек по дому шатаются.
О, неужели опять принесёшь?

29.04.2005 г.

МУЖСКИЕ РИФМЫ

Рифмы мужские прекрасного качества

Я напишу в свой походный блокнот.
Женские рифмы – конечно, чудачества;
О, как в них много пустот и длиннот!

Снова все пляжи заполнили парочки
И средь мангалов, пускающих дым,
Вновь обнимаются, выпив по чарочке.
О, как мне хочется быть молодым!

Мы примостились под грустною ивою:
Четверо деток и мы – я и мать.
Снова ты выглядишь слишком счастливою...
О, неужели же будет их пять?!

02.05.2005 г.

* * *

Я с Мнемозиной дружен, маманей разных муз.

Союз мне этот нужен, необходим союз:
Борясь со склерозом, не лезя на рожон,
Всё глубже с каждым разом я в память погружён.

Я помню день вчерашний, позавчерашний день,
Я помню бег всегдашний мелькающих недель,
Я помню юность, зрелость и отрочества дни,
Куда оно всё делось, куда ушли они?

Куда умчались годы, где пятилеток дым?
Всё ближе Леты воды, их ток неутомим,
Но дружба с Мнемозиной – бесценный божий дар:
Воздушный шар с корзиной, большой воздушный шар.

В корзиночке-гондоле кончается балласт,
И вскоре поневоле ваш ас концы отдаст,
И погрузится в Лету навек бесценный груз,
Поэтому поэту так важен сей союз.

Пока лечу над Летой, я помню каждый миг,
Но ко клоаке этой уже почти приник,
Порою долетает в корзину пара брызг
И память сразу тает, расколота вдрызг.

Я помню в пятом классе забывчив очень был:
Чего-то там о массе я выучить забыл.
«Ланг, вы урок учили? Идите отвечать!»
Не помню, что вlepили, но, кажется, не пять.

Всё глубже в омут детства я память погружу,
И, – никуда не деться, – вот в люльке я лежу.
Пелёночное время – ужаснейшая муть.
Мне в матерное бремя охота заглянуть.

Уютно, хоть и тесно, но мягко и тепло,
И очень интересно, чем кончится оно,
Ручное колыханье, ножная болтовня.
О вы, воспоминанья, ...минанья, ...нанья, ...нья!..

12.05.2005 г.

* * *

Буря мглою небо кроет...
А.С.Пушкин

Снова лето, снова мухи,
Пыль, жара, комар и гнус,
Душно, влажно, что за муки –
Описать я не берусь.

Очень часто лезу в ванну,
Словно рыба в лоно вод.
Это лето, как ни странно,
Наступает каждый год.

Зреет колос в поле, зреем
Мы средь моря ячменя.
Будет пивом и хореем
В зиму греть судьба меня.

Солнце виснет белым шаром,
От жары звенит зенит,
Небо пышет влажным жаром,
Колокольчик не звонит.

От Калуги и до Вятки
Шины шорох слышен мне.
Троек нет, одни «девятки»,
Или, может быть, одне...

14.05.2005 г.

О ЗАЙЦАХ

Поленился раз учёный,
Белым зайцем увлечённый:
Надоели бланки, банки –
Стал писателем Бианки.

Поленился раз прозаик
Написать роман про заек,
Стал стихи писать при этом.
Так Некрасов стал поэтом.

Поленился раз поэт
Про зайчат сложить сонет,
И артистом стал Пан Зюзя,
Бедных зайчиков конфузя.

Поленился раз и Ланг:
Зайцев всех послав на фланг,
Коль не вышло стать артистом,
Хочет стать хоть пародистом...

05.03.2003 г.

О РОССИЙСКОЙ КЛАССОВОСТИ

Нет коммуны, нет монархов,
Но порядок – хренов:
Есть два класса – олигархов
И олигофренов.

15.12.2003 г.

О ЛАТЫНИ

Увы, не знаю я латыни
И факта* этого стыжусь,
Но алиби* имею ныне,
И ляпсус* оправдать берусь.

Хотя я толерантен* к славе,
Утешен априори* тем,
Что сам Овидий, или Флавий
Не знали русского совсем.

Я не читал Катулла, Флакка,
Ни Плиниев и ни Сенек,
Но не скажу чтоб царство мрака
Меня погребело навек.

Конечно, прочитай я Ливия,
Я был бы чуточку счастливее;
И чтение «Энеады» Акция
Была б приятнейшая акция.

Зато читал я Фета, Гоголя,
Аксакова, не всё, но многое,
Тургенева, Бажова, Блока,
И Гиляровского немного.

Читал Замятина, Островского,
Читал Кассиля, Паустовского,
Ефремова и Рыбакова,
Нагибина и Тендрякова.

Читал я Тютчева, Крылова,
И Бунина, и Бубеннова,
Булгакова и Лавренёва,
Набокова, и Гумилёва.

Читал Есенина и Гранина,
И Горького, и Северянина,
Успенского, Козьму Пруткова,
Бианки, Ильфа и Петрова.

Читал я Пушкина, Толстого,
И вновь Толстого, но другого,
Читал я третьего Толстого,
И Куприна, и Гончарова.

Читал я Чехова, Катаева,
Читал Ершова, Вересаева,
Бальмонта, Лермонтова, Даля,
Шишкова, Грина и так далее...

Но ни одной из этих книг
Ни Плиний, ни Катулл, ни Стаций
Не прочитал, и, без оваций*
Quod erat demonstrandum.* (Sic!*)

07.03.2003 г.

ГЛОССАРИЙ *

Факт (лат. *factum*) – действительное событие.

Алиби (лат. *alibi*) – в другом месте, доказательство невиновности.

Ляпсус (лат. *lapsus*) – падение, ошибка.

Толерантность (лат. *tolerantia*) – терпимость.

Априори (лат. *a priori*) – до опыта, заранее.

Овация (лат. *ovatio*) – ликование, аплодисменты.

Quod erat demonstrandum (лат.) – что и требовалось доказать.

Sic! (лат.) – так!

Глоссарий (лат. *glossarium*) – толкователь слов.

О ПИЩЕ

Если хочешь подкрепиться,
То к твоим услугам пицца.
Если кушать хочешь ты,
Съешь пельмени иль манты
И запей всё это пивом,
Если хочешь быть счастливым.
Если ты ещё голодный, –
Скушай винегрет холодный,
Рюмку водки, наконец,
И солёный огурец.

Если ж ты страничку книги
Любишь больше мамалыги,
Кулебяки, фрикаделек,
Антрекотов и сарделек,
Вкусных блюд различных тыщи,
Коли ты духовной пищи
Хочешь больше, чем ухи, –
Почитай **мои** стихи:
Мой совет весьма непрост, –
Иногда полезен пост!

10.06.2005 г.

О БЕЗДУШИИ

Ещё не улетела
Душа моя из тела,
Но очень хочет унести в полёт,

А я, признаться, трушу,
И не пускаю душу,
И не даю заслуженных свобод.

Держу её в темнице,
Пишу о ней страницы –
Придётся о свободе ей забыть,

Томиться в теле душном:
Чтоб мне не быть бездушным,
Я, всё-таки, бездушным должен быть!..

19.06.2005 г.

О КОСТОЧКЕ

Какая косточка! Как вкусно! Разгрызаю
С бочка по капельке – грызь-грызь – и в пищевод.
Такую люди называют «мозговая»
И «сахарная». Ох, слюна течёт...

Большая косточка. Грызу и наслаждаюсь,
Но червячка ещё не заморил.
Не отняли б её... От кобелей отлаюсь,
А если человек?.. Ну, что я говорил?

Я так и знал. Вон – чешет, напевая,
И прямо на меня. Отнимет... Отберёт...
И смотрит прямо, взгляда не скрывая.
В руках – не понял что. А ну – швырнёт? Прибьёт...

Благоразумно гордо удаляюсь.
За баком мусорным лежу. Течёт слеза.
К земле всё ближе, ниже наклоняюсь,
А сам за ним слежу во все глаза.

Подходит к косточке. Стоит над ней. Нагнулся...
Ну, что ж, забудь о косточке, Барбос.
Уходит не спеша. Вот, обернулся...
Не отнял... Вот чудак... Ещё одну принёс...

18.12.2004 г.

ОЖИДАНИЕ ГОЛА

Борю Абрамовича в России
Сильно огорчал – один футбол.
Хорошо – немного запросили,
По дешёвке «Челси» приобрёл.

Может, он не деспот, не диктатор,
Может, он не вор, не плут, не гад,
Но уверен я, что губернатор
Он лишь потому, что плутократ.

Правда, из-за плутократов оных,
Я, пенсионер преклонных лет,
Перестал бывать на стадионах:
Денег нету даже на билет.

Но зато теперь я, в «ящик» глядя,
Жду, болея, как никто другой,
Чтобы «Челси» кто, не денег ради,
Гол забил бестрепетной ногой.

27.10.2005 г.

* * *

Владимиру Владимировичу

На утлой лодчонке я вышел, чтоб гресть

В сплошной лихорадке быта.

Но как же мне жаль, что понятие «честь»

Столь многими прочно забыто.

Я волком бы выгрыз, да нечего грызть, –

Всё сгрызли давно олигархи.

Но мне непонятно, – какая корысть,

Что тлеют в могилах монархи?

Отлилась сторицею Ленина месть

За рано погибшего брата.

Царизма вина в этой гибели есть,

Но родина чем виновата?

Но чем виновата великая Русь,

Что кровью народа умылась?

По этому поводу тихая грусть

В меня перманентно вселилась.

Ещё поселилась бездонная грусть

По поводу судеб культуры.

А также, Владимир Владимирович, пусть

Добавят нам эмеритур!

Лежит винограда красивая гроздь

На пышном базарном прилавке.

Торчит продавец, одинокий, как гвоздь,

Вокруг ни толкучки, ни давки.

Что делать? Извечный российский вопрос

Хотели мы рынка в России, –

Взамен получили огромный Привоз,

И вновь в ожиданьи Мессии.

Клонировать Ленина? Есть такой план.

И это генетика может.

Но только, пожалуйста Фанни Каплан

Не медля клонируйте тоже!

10.11.2005 г.

ПИРОМАНИЯ

Недавно письма сжѐг твои.

Костѐр был и велик, и жарок.
Все чувства прежние мои
Пылали вместе с кучей марок.

Хотел я сжечь любовь к тебе, —
Она воскресла вновь из пепла,
Как птица феникс и – NB! —
Она ещё сильнее окрепла!

Ну что мне делать, как тут быть?
Зачем нужны мне эти муки?
Давно хотел тебя забыть,
Да всё не доходили руки.

Напишешь мне — сожгу опять
Письмо, хоть спичек мне и жалко, —
Придѣтся снова покупать,
А, впрочем, есть и зажигалка.

Опять так долго нет письма,
И спички прозябают праздно.
Люблю я письма жечь весьма.
О, как любовь многообразна!

12.11.2006 г.

О ДАЙВИНГЕ

Я обмаскан и областан, с трубкой, пахнущей сандалом,
Безмятежно погрузился в пресноводный водоём.
Головастик пучеглазо удивился причиндалам
И умчался скороспело с головастихой вдвоём.

Лицезрея сочетанья спирогиры с водокрасом,
Распугавши всё живое от лягушек до мако,
Я поплыл, себя помыслив в небесах воздушным асом,
И невольно вспоминая Макаревича и К°.

Ни пингвинов, ни русалок, ни сома не обнаружа,
Не заметив даже рыбки самой мелкой для ухи,
Я промолвил, усмехнувшись: «Этот пруд – большая лужа!»
И на брег поспешно вышед, сел под куст писать стихи.

И росинки засверкали, бриллиантам подражая,
На кустах, и я увидел, что вокруг меня растёт
Саперави, мукузани, цинандали, поражая
Винолюбов сочетаньем виннокаменных кислот.

И когда они созреют, соберут их и подавят,
Пробродив, они поспеют, и тогда любой завмаг,
Их отведав, дайвингистам скажет: «Да, вот это дайвинг!»,
Их вкусив, сам Макаревич скажет: «Да, вот это смак!»

07.02.2005 г.

КРИТИКА СКОРОСПЕЛОСТИ

Прочитавши дайвингиста скороспелые куплеты,
Мы невольно поразились мелководью ваших тем
И количеству ошибок, что творят порой «поэты»,
И при этом помышляют себя асом. Между тем,

От ошибок дилетанта не умчаться скороспело.
Скороспело созревает виноград, а не побег.
И зачем литературу автор портит, неумело
Применяя архаизмы вроде «вышед» и «на брег»?

Кто наш автор скороспелый: ас, не ас – судите сами,
Но мако ведь в пресноводном водоёме не живут.
Вот такие рифмоплёты неумелыми стихами
Макаревича Андрея до икоты доведут.

Головастик у «поэта» удивился пучеглазо –
Знать, базедовой болезнью заболел, тут зырь - не зырь,
А узришь неподалёку в акваланге водолаза, –
Вероятно, тут же лопнешь, как проколотый пузырь.

Очень многих аксакалов огорчили вы в ауле,
Перечислив на досуге под кустом сорта вина.
Почему не помянули среди них напареули?
Этот ляпсус, безусловно, ваша страшная вина!

И пока не аксакал вы, а молоденький мальчишка,
(Вам ведь нынче, как известно, и семидесяти нет),
Сожалею мы о том, что не послал вам бог умишка,
Но, зато, он посылает вам наш искренний совет:

Исправляйтесь, без обиды нашу критику прочтите,
И пора, забросив маску, вам напялить акваланг,
Чтоб не плавать в водоёмах как кусок бревна, простите,
И тогда сам Макаревич скажет: «Да, вот это Ланг!»

14.03.2005 г.

* * *

Вышел я наблюдать на балкон
Метеорный поток Леонидов,
Но напрасно прервал я свой сон, —
Целый час ни комет, ни болидов...

Вдруг мелькнул и тотчас же погас
Яркий выплеск болидного следа,
И раздался с небес Божий глас,
Так похожий на голос соседа:

«Леонидыч, иди-ка ты спать
И кончай астрономию эту, —
Всё равно ни хрена не видать:
Это я бросил вниз сигарету...»

04.12.2005 г.

ВЕТЕР

Разверзая тверди хлябь,
Свежий ветер гонит рябь,
Водной глади морщит зыбь.
За затоном стонет выпь.

За кормою мерный всхлип,
Надо мною тени лип,
Предо мной твой мокрый зонт
Заслоняет горизонт.

За заливом всходит зябь.
Ты озябла, я озяб.
Среди гладких донных глыб
Стынет, стоя, стая рыб.

Заводь плещет, словно суп,
Что в тарелочке несут.
Небо писает дождём.
Ничего, мы подождём!

Кожа в дрожи, словно сыпь,
Липнут мокрые трусы,
И во рту как будто кляп.
Если бы не ветер – я б...

07.12.2005 г.

РЕЦЕПТ ПОХУДЕНИЯ

Захотела похудеть?

Что ж, дела возможные, –
Приходи в кафе глядеть,
Как едят пирожные.

Сядь в углу, глотай слюну,
Глядя на обжорок,
И за месяц сбросишь, ну,
Граммов двести сорок...

Будешь пить несладкий чай
Без беэ и сушки, –
Через годик ожидай
Килограмм усушки.

С завистью гляди на дам,
Что теряют формы,
И к восьмидесяти годам
Ты достигнешь нормы.

Если ж ранее умрёшь,
Чтя мои советы, –
Непременно попадёшь
В рай из-за диеты,

Потому что там, в аду,
Ритм обжарки чётко,
И кладут в сковороду
Только жирных тёток!

08.12.2005 г.

МЕЧТЫ ЗЕКА

Я ударил тещу –
Залепил по уху.
Не хватило мощи:
Я б убил старуху.

Набежали гады –
И прощай, свобода.
Дали мне награды
По суду три года.

За окном пороша,
Под окном параша.
Аппетит хороший,
Да еда не наша.

На столе баланда,
Как свиное пойло.
Раздалась команда –
Разбежались в стойла.

Мрачный город Шуя,
Не Одесса точно.
Песню напишу я –
Выпустят досрочно:

Дескать, не опасный,
Раз так ловко кроет.
На «Калине красной»
Мне концерт устроят.

На большом помосте
Я спою с гитарой...
А потом все кости
Поломаю старой!

18.12.2005 г.

* * *

Где ночи прохладны, где жёны неверны,
Где светят окошки портовой таверны,
Где скверный чинзано и пьяные крики
Матросов приписки портов Коста-Рики,
Где нищий скрипач превосходит маэстро
По части аллегро, виваче и престо,
Где в треске цикад поспевают оливы,
Мадонны прекрасны, а донны сварливы,
Где гроздь сапфиров за тёсом оградным
Прикидываются кустом виноградным,
Где воздух пьянит, наподобие рома,
Насыщенный йонами йода и брома,
Где море целует нагретые камни,
Где я ещё не был – туда мне. Туда мне!

19.12.2005 г.

ПЕСНЯ ЗЕКА

Я посажу на кол соседку,
Лишь только с зоны ворочусь.
Запру покрепче птичью клетку –
Пусть терпит, как святая Русь.

Соседу выбью оба глаза:
Меня надолго помнит пусть,
Не будет вякать впредь, зараза.
Дай только я освобожусь.

Набью за оскорбление морду, –
В чём - в чём, а в этом побожусь,
Пошлю ментов поганных к чёрту
Тогда, когда освобожусь.

Потом спущу с цепи собаку, –
Прохожих покусает пусть,
Под Новый год затею драку,
Как только я освобожусь.

Куплю водяры две-три банки,
Как прежде вдребезги напьюсь,
И стану снова грабить банки,
Пока опять не попадусь.

На конкурсе «Калины красной»,
Что шанс свободы нам даёт,
Спою об этом я, но ясно,
Что всё спою наоборот...

21.12.2005 г.

СИБИРЬ

Там хлещет пурга над объёмами льдины,
Там блещут кровавым огнём альмандины,
Там горные выси сверкают снегами,
Проворные рыси петляют кругами,

Солёные ветры и хмурые мишки,
Зелёные кедры и бурые шишки,
А в грозные ночи там злится погода
И в звёздные очи глядится полгода

Седая тайга. Но полярной весною,
Съедая снега, над полянкой лесною
Покажется солнце фонариком красным,
Окажется снова всё ярким и ясным, –

Солёные ветры и грустные мишки,
Зелёные кедры и вкусные шишки,
А солнечным днём, когда льдины истают,
Там снова огнём альмандины блистают.

26.12.2005 г.

РАССКАЗИК

Что б такое рассказать
Мне друзьям после закуски?
Из провинции опять
К нам приехал новый русский.

Посетивши мавзолей,
Накупив друзьям обновки,
Он поехал в «Колизей»
Сразу после Третьяковки.

Чтобы пыль пустить в глаза,
Он воскликнул в «Колизее»:
«Мне тарелку супа за
Штуку баксов, и скорее.

Как кутит негоциант
Убедиться всех попросим!»
И сказал официант:
«По полпорции не носим!»

03.01.2006 г.

УСТРИЦЫ

— **Официант!** Мне устриц дюжину,
Но не жирных и не больших.
Только свежих хочу я к ужину
И, конечно, ещё живых.

Есть такие, я знаю по книгам.
Мне их хочется позарез! —
И сказал официант: — Я мигом.
Вам с жемчужинами, или без?

03.01.2006 г.

УКРАИНЦАМ

Украинцы! В словах моих горечь,
Ведь политики кинули вас:
Если б к власти пришёл Янукович,
Не повысили б цены на газ!

От эмбарго на птичьи продукты
Украинцы страдать не могли б.
Ожидайте эмбарго на фрукты,
А виной будет «яблочный грипп».

Украинцы! Мне ваши обиды
Так понятны – ведь мы же друзья,
Но на малую крошку Тавриды
Вам раскатывать губы нельзя.

Севастополь останется «рашен»,
Как и Ялтинский, впрочем, маяк:
Так угодно политикам нашим,
А без них в этой жизни – никак!

Украинцы! Пора примириться –
Правил миром всегда капитал.
Только дружба могла с ним сразиться,
Что советский народ испытал.

Но, хотелось суверенитета –
И случился великий конфуз.
Нынче каждый прочувствовал это,
Но распался Советский Союз.

Украинцы! Ведь каждый мальчишка
Нынче знает, что раньше не знал:
В чьих руках нефтяная задвижка,
Тот и правит в политике бал.

Не грозите им пальцем – откусят
Те, кто с данностью непримирим:
После «долгих народных дискуссий»
Передарят татарам весь Крым!

Украинцы! В словах моих рана,
Но им чужды подвох и обман:
Вспоминайте заветы Богдана,
Возвращайтесь под знамя славян!

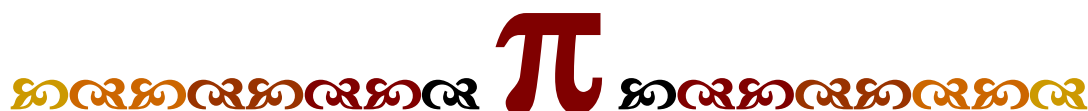
Чтобы вновь мы едиными стали,
Чтоб вернулась народная власть,
Чтобы в вашей стране перестали
По ночам наше топливо красть.

Чтобы власть капитала пропала,
Чтоб исчезли интриги и лесть,
И тогда украинское сало
Будем снова мы с радостью есть!

21.01.2006 г.

$\pi = 3,141592653589793238462643\dots$

Жду у моря я погод
Математик не придёт
Вдруг где чинит светофор
Математик Пифагор
Подсчитав умы на Яве
Грустным быть считал он вправе
Отче Аве...

ВЫШИВАНИЕ

Ваши пальцы пахнут ладаном

И пуста стоит кровать.
Ничего уже не надо вам,
Только гладью вышивать.

И склонитесь вы над пальцами
В свой последний смертный час –
И тогда своими пальцами
Старый муж придушит вас.

И душа, влекома вестником,
Попадёт на Страшный суд.
«Надо бы побольше крестиком...»
За спиной произнесут.

«Вам геенна предугадана» –
Скажут правящие суд,
Но, услыша запах ладана,
Еле ноги унесут.

И тогда Господь вас искренно
Осенит своим перстом,
И, вздохнув, прибавит мысленно:
«Всё же, лучше бы крестом...»

10.02.2006 г.

СИНЬОРИНА

Был горячим я мужчиной...

Раз приехал на вокзал,
И пленился синьориной,
Проходившей через зал.

Я воскликнул: «Синьорина!
Надвигается гроза.
У меня своя машина,
Так проверим тормоза?»

И сказала синьорина:
«Вэри вэлл! Об чём базар?
Только мимо магазина,
Где в колечке бирюза.»

Ну, а после «Соки-вина»,
«Золотистая лоза»...
«Дорогая синьорина,
Я вам дом не показал!..»

Уж зовёт к себе перина,
В хрустале горит слеза.
«Вы не против, синьорина,
Я завешу образа?»

И сказала синьорина:
«Я не против, только за!
Ты колечко подари нам —
Поцелую два раза!»

Вот кольцо из серпентина —
В глазках змейки бирюза —
И на пальце синьорины.
Обалденная гюрза!

Съевши дольку мандарина,
(Без него во рту буза),
Я воскликнул: «Синьорина!
Вы изящны как коза!»

И сказала синьорина,
Поглядев в мои глаза:
«Ты, козёл, и сам скотина,
Раз такое мне сказал!»

И уходит синьорина,
Хлопнув дверью от досад,
Я ж остался с кислой миной,
Глядя с горечью на зад...

13.03.2006 г.

ОТКРОВЕНИЕ БОГОХУЛЬНИКА

Отчего я не боюсь
В ад попасть? Подкован!
Я и там не осрамлюсь –
Я натренирован.

Я нигде не пропаду
Со своим СОБЕСом:
Если в ад я попаду,
Там устроюсь. Бесом!

31.03.2004 г.

Из цикла "акростихи"

З И М А

Звёздные ночи, очень морозно,
Издали слышны гудки паровозные.
Мама с работы приходит поздно,
А над «Динамо» – искорки звёздные.

В школе уроки поздно кончаются.
Деепричастья проходим и Чацкого.
Едем в кино. Как подножка качается!
Только б успеть на «Тарзана» дурацкого.

Снегом глубоким прикрыто пожарище –
Только что кончились годы военные.
«Верной дорогой идёте, товарищи!»
Едем. Ещё возвращаются пленные.

Варежки спёрли тёплые самые.
Разве не хочется жулика высечь нам?
Очень оладышков хочется маминых.
Светлое завтра – только в двухтысячном!

Только б дожить до него, лишь дотронуться...
Очень оладышков, плюс... и два минуса...
В воздухе запах лекарства... и конуса...
Если из корня извлечь керосинуса...

03.04.2004 г.

* * *

Долго ловил я удачу –
Облачко белым сачком.
Лето покинуло дачу,
Где-то побряхтывал гром.
Облачко тучкою стало.
Лето умчало на юг.
Осень внезапно настала –
Ветрено, мрачно вокруг.
И, усложняя задачу,
Льёт то что призвано лить.
Я продолжаю удачу
У небосвода ловить.
Дни непростительно трачу,
А непростительность в том,
Что опустилась удача
Утренним лёгким снежком
На побелевшую землю.
А, по традиции, я
Падших удач не приемлю:
Раз не поймал – не моя.
Ах ты, опять незадача,
Снова весенним деньком
Надо ловить мне удачу –
Облачко белым сачком.

18.04.2003 г.

ЗАБОТА

Увидев с тяжёлой сумою жену,
Сказал я в заботе: «Зараза,
Тяжёлая сумка, проклятая, ну,
А можно ж сходить и два раза!..»

Любимые жёны – как майские дни:
Они – лучше нет, если немые.
«**Т**ы, если устала, – присядь, отдохни!» –
Заботливо скажем жене мы.

А я неустанно, без отдыха, сна,
Бессменно забочусь, всечасно
О том, чтоб красивой осталась жена:
Трудись – и ты будешь прекрасна!

17.05.2003 г.

* * *

Высями горними, горными, гордыми,
Лихо крилами маша белоснежными,
Ангелы с жирными красными мордами
Дали пронзают куплетами нежными.

Ишь, как резвятся, никак не опустятся.
Мелкие, как корнишоны-огурчики,
Или как крупные совки-капустницы,
Радугам рады рахиты-амурчики.

Лихо махая крилами бесцветными,
Ангелы с красными жирными мордами
Небо пронзают стихами куплетными,
Горными высями, горными, гордыми.

30.05.2003 г.

АНДРЕЮ БЕЛОМУ

А он швырялся ананасом –
Не в солнце он попал, а в нас.
Державным ямбом Сатана сам
Рассыпал в небе ананас.

Его задумчивые стоги
Ютились средь родимых нив,
Блестели дивные чертоги
Его закатов золотых.

Летели стройные стрекозки,
Опалом крыльев сея свет.
Мне кажется, достойней тёзки
У Ельцина, пожалуй нет!

06.07.2003 г.

Я М Б Ы

Я покидаю вас, изгнанник –
Моей свободы вы не свяжете.
Бегу – согбенный, бледный странник...

А.Белый. «Изгнанник»

Я покидаю , дорогая, вас –
Моя свобода мне дороже.
Бегу, уже раскаиваясь,
Я от возлюбленной, и что же?
Меня коснулась доля жуткая
Быть в роли бедного изгнанника.
Я знаю: вы такая чуткая,
Молю вас, пожалейте странника.
Бродил я ржой, межой и кочками,
Я страдал от еды несытной,
Мой организм страдает почками,
Быть может, я уже нефритный.
Я снова принят вами, снова?
Мне кажется я оживаю:
Благословенно чувство крова –
Я снова убежать желаю!
Мне душен дом и тесно в комнате, –
Берлога тут, а не жилище.
Я думаю, ещё вы помните –
Мне нужно воли, а не пищи!
Боюсь, вы мне уже наскучили,
Я не хочу ни щей, ни гуся.
Меня вы вновь недолго мучили.
Быть может, я ещё вернуся?..

06.07.2003 г.

МНЕ ГОЛОС БЫЛ

— **Н**а **З**емле что хочешь делать можешь,
А на небе , то, что **Я** велю!..

— **В**от за это я тебя, мой Боже,
Ей же ей, ни капли не люблю.

Раньше был я просто равнодушен,
Но теперь ты мне противен, Бог.

Обещаю: буду непослушен,
Если выйду за земной порог!

Говорят, ты милосерден, Боже,
Редко мстишь среди мирской возни.

Ежели не врут, тогда, похоже,
Хуже мне не будет, чёрт возьми!

22.07.2003 г.

ПОСЛАНИЕ РИФМОПЛЁТА ПОЭТАМ

Я – фон. Меня должны любить:
Я чёрный бархат для брильянта!
Моё призвание – оттенить
Блеск настоящего таланта.

О, я всего лишь рифмоплёт,
Мечтавший с детства стать поэтом.
Пишу, что в голову придёт
И рифмой пользуюсь при этом

Собак не ем, вот тут я пас,
А вы едите эту каку.
Народ ведь говорит про вас:
«**О**н в этом деле съел собаку!»

22.07.2003 г.

ПОЭЗА СОСТРАДАНИЯ

Поэту сострадайте лично –
Он парень, в общем, ничего.
Экстроспективно неприлично
Забвенью предавать его.

А если он поэт неважный,
С небес созвездий не хватал,
Он хоть и был неавантажный –
Сам фигурантам сострадал.

Таким он не родился, право.
Родиться рамоли – нельзя.
А сделала с ним это слава,
Да собутыльники-друзья,

А в результате – кукиш с маком!
На том стою, сижу, лежу...
И сострадайте всем писакам –
Я к их числу принадлежу!

07.10.2003 г.

С Н Е Г

Снег яблонь – точно мотыльки,
Нежнейших крыл-снежинок блёстки.
Ещё плоды так далеки,
Гораздо ближе заморózки.

Снег яблонь – пена лепестков
Нежнейшим розовым пудретом.
Если не стонишь мотыльков –
Гораздо меньше яблочек летом!..

08.10.2003 г.

* * *

Модерна линии взлохмаченные

И холст. Неделями искал

Художник образы утраченные,

А Демон рухнул среди скал.

И уходили озадаченные

Любители, прикрыв оскал,

Увидев очи раскоряченные,

В которые он не пускал.

Россия, не тебя ль прогнозно

Увидел сумасшедший Врубель,

Бредя на убыль одиозно?

Его упавший с неба Демон

Лежит, как деревянный рубль,

Юродив, как и мы. Да где нам!..

13.11.2003 г.

ПРОМАХНУЛИСЬ...

Гроза была, а я гулял... Внезапно
Раздался страшно громкий треск,
Одновременно с ним невыносимый блеск,
Меня качнуло, я услышал запах...

Мне показалось – это запах серы.
Озоном, видимо, пахнуло в этот миг.
Лишённый слуха, зрения и веры
На несколько мгновений, я притих.
И, если б хоть на десять метров ближе –
Я бы уже лежал в аду, в зловонной жиже!

10.04.2004 г.

* * *

А мне вчера приснился акrostих,
Коротенький такой – всего на восемь строчек.
Раскрыл глаза – и вытаращил их:
Он сеточкою букв осыпал мой листочек.

Стихотворением его не назовёшь,
Так, небольшой стишок не крупного калибра.
И, знаете, мне кажется, что всё ж,
Хоть невелик он, но – достойнее верлибра!

14.01.2006 г.

* * *

Шевелили головками маки.

Лёгкок сон на родимой Итаке.

А тугая волна у причала

Белоснежный корабль качала.

Биспарта ему нынче снилась,

Так, чтоб нечисть с погони сбилась,

Биспарту называть будет он.

Догадайтесь, что цель – Илион!

О пути его в целом свете

Может знать лишь Гомер, да ветер.

Он, щекой ловя бриз упругий,

Йогурт выпив, сказал супруге:

«**П**ожелай мне, родная, ветра,

Если хочешь парчи два метра,

Но попутного, средней силы.

Если бури – то час от силы.

Людям свойственно ждать удачи

От судьбы. Моряку – тем паче.

Пояс верности я не надену,

А изменишь – на рею вздену!..»

02.08.2003 г.

РОСТ ПИВОПРОИЗВОДСТВА

Снится мне – на мавзолее
Принимаю я парад,
А внизу, чуть-чуть левее
Двигается за рядом ряд.

Вдруг смотрю – привет науке:
Подо мной иду я сам,
И приветственные руки
Воздымаю к небесам.

От меня идут два шланга:
Поступает пиво в рот,
Очень радуя тем Ланга...
Там, внизу, – наоборот.

Радует меня свобода,
Если слышит целый свет:
«**Б**ольше пива для народа!
Легче доступ в туалет!»

Если б не был бы велик я,
Никогда б так не сказал.
И проснулся в этот миг я...
И немного опоздал...

12.04.2004 г.

* * *

Очарована , околдована,
Буйным ветром с фетром повенчана,
Эпигонством эклектик окована,
Рифмой редкостной редко увенчана,
И зовёшься, – как пахнет фреезия, –
Удивительным словом – поэзия.
Так войти в тебя можно, красавица?
У тебя от меня – не убавится!

13.04.2004 г.

* * *

Долго играла на цитре хромая Аглая.
Резво начав, темп замедляла, едва уловимо.
Мимо собака бежала, жалобно лая.
Факт что была она злая. Промчалась мимо.
Солью посыпав томат, его съел я, не скушал!
Лясы точить перестал я, Аглае внимая.
Сидя пред ней, я её зачарованно слушал!
Долго на цитре играла Аглая хромая...

30.03.2004 г.

ДИАЛОГ

— **Вы** почему написали «играла на цитре»?

А почему не на домре, или на доли?

В третьей строке написали б, для рифмы, о Митре...

Съели томат. Почему вы не съели фасоли?

И почему ваша дама Аглая хромая?

Лучше б, для рифмы, была бы дородная Долли.

Лясы бы лучше лялякать, ляльку качая,

А не точить. Как терпели такого вас в школе?

— Не было Долли и не было домры, поймите!

В школе терпели, так как детишек любили.

В третьей строке я бы мог написать о Мите —

Не было Мити в тот раз, а собаки — были!

Ел я, конечно, фасоль, не только томаты,

Только не в тот раз, когда слушал Аглаю.

Всё! Надоели! Вставляю пробки из ваты

В уши себе. Тихо-то как! Засыпаю...

30.03.2004 г.

ОБРАЗУМИЛСЯ

Понял ошибку. Писать так, как было — не надо!

Хочет народ синевы, материнства и воли?

Хочет фасоли солёной, а не томата?

Хочет — получит! Ну, что же, читайте о Долли:

Долго играла на домре дородная Долли.

Резали резво ребята редиску и редьку.

Мимо милиции милой шёл я на воле.

Факт — фараоны фактически вышли на Федьку!

Солью фасоль посоливши, я выкушал трошки.

Лясы **лялякая, лялек** мамыши качали.

Сизое небо просыпало **синие** крошки.

Долли на домре играла, как и в начале.

30.03.2004 г.

* * *

Тени ночи неслышно подкрались,
Еле-еле шевелят шевелюрой ветвей,
На помойке собаки подрались,
И в прохладе ночной засвистал соловей.

Ночь накрыла сады покрывалом,
Обдал мир ароматом душистый табак,
Чернота расползлась по кварталам,
И опять на помойке помирила собак.

Далеко электричка пропела,
Августовскую ночь на куски разорвав,
Чиркнул спичкою кто-то несмело,
А собаки притихли, видно, зайца задрал.

19.04.2004 г.

М Е Н Я Я Р И Т М

Тени ночи неслышно подкрались, клубясь,
Еле-еле шевелят ветвей шевелюрой,
На помойке собаки завывли, дерясь,
И в прохладе ночной соловей затюрлюрал.

Ночь накрыла сады покрывалом опять,
Оплетает душистый горошек перила,
Чернота расползлась по кварталам, как тать,
И опять на помойке собак помирила.

Далеко электричка пропела: «И-дуууу!»
Августовскую ночь на куски разорвавши,
Чиркнул спичкою кто-то несмело в саду,
А собаки притихли, видно, зайца задравши.

19.04.2004 г.

МНОГОСТАНОЧНИК

Мне стан твой понравился тонкий,
Но ты у меня не одна.
От вас, гепатит мне в печёнки,
Горбатиться стала спина.

Однако, мешают ребёнки –
С такими проблема сложна.
Твой бюстик – ну, как у болонки,
А в талии – вот тебе на!

Наверное, все двести двадцать...
О, как тебе трудно сгибаться!
Что ждёт тебя там, впереди?

Но, к счастью, мы в деле – поэты,
И вновь стали в моде корсеты.
Кто там на примерку? Входи!

04.11.2004 г.

С О Н Е Т

Прошли года, уж далеко они,
А я с тобой, любимая осталась.
Родная, я с тобой не расставался,
Остались мы давно уже одни...

В любви к тебе, как видишь, я признался.
А ты тепло домашнее храни, –
Я в самые безрадостные дни
Быть от тебя поблизости старался.

А помнишь как, едва вошла ты в дом,
Тепло и радость появились в нём,
А я к тебе прижался, руки грея?

Родная, как же я тебя любил!
Единственной тебе и посвятил
Я стих свой, паровая батарея.

28.09.1998 г.

А К Р О С Т И Х

Живи и помни: в жизни редок
Игристых тонких вин букет.
Займи полтинник у соседок
На пиво, чтоб не умерет
Б.

06.04.2004 г.

К И Н О М А Р А Ф О Н

Бежит бордовая Бордо,
За ней вприпрыжку Бельмондо
И молодой Марлон Брандо...
Куда им всем до Жирардо!

06.04.2004 г.

СЕЛЬСКИЙ ПОЭТ

День догорает. Над притихшим лугом
Изменчивый закат почти потух.
Любуется травой заросшим плугом
Ещё не старый, но хромой пастух.
Теперь кнутом помахивает тонким,
А стадо – шеями с подвесками ботал.
Назад домой идут коровы и бычонки.
Телята? Вот телят я не видал...

06.04.2004 г.

ОПЯТЬ...

Опять, как горный глетчер валуны,
Перемещал я жизнь свою в пространстве,
И тонкий серп внимательной луны
Сопровождал меня во время странствий,

А время быстротечною струёй
Летело надо мною, видно в Лету,
Стремительно вершая суд земной, –
Я вымок незадолго до рассвету...

07.04.2004 г.

Т Е Б Е , У Ч И Т Е Л Ь !

Изящных почитателей ценитель,
Гомер грехов, невольно эклектических,
Обиженных мечтателей ревнитель,
Роден стихов, бемольно эпатических,
Юродивых читателей целитель,

Сатирик поэтических новаций,
Евклид поэт, поэзно эвритмических,
Вампирик полемических оваций,
Евбул принцесс, дизезно экзотических,
Риторик патетических реляций,

Язычник зычнотающих куплетов,
Нерон поэм, шикарно экстатических,
Источник впечатляющих сонетов,
Нижинский тем, бекарно эстетических,
Учитель начинающих поэтов.

04.11.2003 г.

Г О Д

Летят волнующие дни
Его плодов, тепла и света.
Так быстро пролетят они –
Оно, мой друг, на то и лето!

Осенних дней нагрянул срок –
С ольхи летят на землю листья,
Её холодный ствол намок,
Накрылся ясень шубкой лисьей.

Зима, зачем ты вновь была
И бесприютной и холодной,
Мне счастья снова не дала,
А злила хмарью непогодной?

Весна, и солнечным лучом
Едва земля ещё согрета.
Стоит жердёлка за окном
Нарядным платищем одета.
А это значит – скоро лето!

05.06.2004 г.

Владимиру Набокову

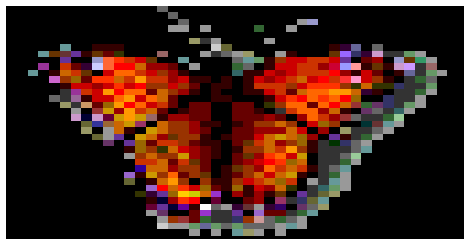
В голубизне порхая, невесом,
Летел я в птичьей стае, бросив дом,
А стая птиц истаяла, чужа...
Да, нужно жить, и даже не тужа.
И я томлюсь от полутомных глаз,
Мерцающих алмазно в блеске фраз,
И я молюсь на образин без риз,
Разнообразных, праздных, как каприз.

Летело время в Лету. Я возрос.
А мог ли я не задавать вопрос –
Наступит день, или настанет ночь?..
Гоню, гоню свои сомненья прочь!

В осенний сад я выйду перед сном, –
Ласкает взор природа за окном.
А в доме дустом пахнет... Ну и пусть
День догорает, нагоняя грусть.
И свет вечерний тает в вышине.
Мой тонкий слух внимает тишине,
И медленный покой нисходит с высоты,
Рождая мыслей стройные цветы
Узорчатой кристальной красоты.

На небе предвечернем зыбкий свет –
Агония огня, ослепших бликов след.
Большая бабочка садится на песок
От тельца тень лежит наискосок.
Какой сюрприз! «Ночной павлиний глаз»!
О, как прекрасен предзакатный час!
В извивах ив клубится мрак у скал...
Упала птицы тень... Я умер... Я устал...

25.07.1994 г.

СОРАТНИКУ

Это кто там в полумраке
Дремогенно зрит в зрачок?
У кого на самом фраке
Альмаматерный значок?

Разреши моё незнание...
Думаю, что это тот,
У которого прозвание,
Худо-бедно, Дон Кихот!

Очень добрый, лёгкий, словом,
Легче лишь пера плюмаж.
Очень любит тёплым словом
Делать людям исцеляж.

Не пойду к нему лечиться —
Он использует гипноз:
Может ведь ещё случиться
У меня эдикулёз...

Лучше я в библиотеку.
Ах, а он на полке: Э.Х!
Нет, такому человеку
Говорить мне прозой — грех!

04.08.2003 г.

* * *

Рhapsодия (греч.) – бессвязный
стихотворный отрывок.

В.И.Даль. «Толковый словарь...»

Рапс зацвёл, завязалась капуста,
А миндаль уж отцвёл, и давно.
Пыль на Кипре, в порту Фамагуста
С парохода сгружают вино.

Очарованный бульканьем шнапса,
Доннерветтер Киприду твою,
Измученный обилием рапса,
Я рhapsодию звонко пою!

17.11.2003 г.

* * *

Мой любимый жанр – пародия,
Остальное – между прочим.
Спародированным вроде я
Не хочу быть очень-очень.

Я живых почти не трогаю –
Берегу свой лик и лик их.
Обращаюсь за подмогою
К стихотворчеству великих.

Ведь великие почившие
(В этом и секрет удачи),
Этот свет на тот сменившие –
Дать уже не смогут сдачи.

А с великими «беседуя»,
Критикую их бессменно.
Встречусь с ними на том свете я –
Поколотят непременно.

30.03.2003 г.

И. А. Бунин

Б Е З И М Е Н И

Курган разрыт. В тяжелом саркофаге
Он спит, как страж. Железный меч в руке.
Поют над ним узорной вязью саги,
Беззвучные, на звучном языке.

Но лик сокрыт – опущено забрало.
Но плащ истлел на ржавленной броне.
Был воин, вождь. Но имя Смерть украла
И унеслась на черном скакуне.

Б Е З И М Е Н И

Был воин, вождь. Но имя смерть украла.

Её коса сильнее его меча.

Заснул навек он, опустив забрало

И завернувшись в аксамит плаща.

Меч сжав рукой, бронёй укрылся ржавой

Его скелет в курганной тишине,

Но смерть украла честь его и славу,

И унеслась на чёрном скакуне.

08.05.2004 г.

Павел Елфимов

УБОРЩИЦА

Запах масла и металла
Сбит полынною волной –
Тетя Маня подметала
Ароматною метлой.

И, внезапный дух почуя,
От резца отвел я взгляд:
Тети Манина причуда –
В цехе степи аромат;

С позабытым чем-то встреча
Здесь, в грохочущем дому, –
С невозвратным, чем-то вечным,
Непонятым самому...

Так пахнуло степью вольной!
Горький воздуха глоток –
Незапамятное поле –
Неповторный мой источник.

УБОРЩИЦА

Убирала тётя Маня
Без проблем огромный цех,
Очень редко хулиганя,
Радую работой всех.
Щёткой тёрла пол и стены,
И однажды, от щедрот,
Целый таз душистой пены
Ахнула на пол. И вот –

У меня от аромата
Болтануло в голове –
Отключил у автомата
Регулятор «Б» и «В»,
Щёчек розовых касался,
И других приятных мест...
Цех неубранным остался,
А на плане жирный крест!

18.04.2004

*И*ннокентий Анненский

Г А Р М О Н И Я

В тумане волн и брызги серебра,
И стертые эмалевые краски...
Я так люблю осенние утра
За нежную невозвратимость ласки!

И пену я люблю на берегу,
Когда она белеет беспокойно...
И жадно здесь, покуда небо знойно,
Остаток дней туманных берегу.

А где-то там мнутесь средь огня
Такие ж я, без счета и названья,
И чье-то молодое за меня
Кончается в тоске существованье.

Г А Р М О Н И Я

Горит огонь и там, среди огня, —
Ах, это пламени святое полыханье! —
Руками машут множество меня,
Мятущихся, без счёта и названья.

О я, любимый, мы, нас тьмы и тьмы
На красочных просторах ойкумены!
И пену*, пену очень любим мы.
Я так люблю меня и клочья пены!..

08.05.2004 г.

* Средство пожаротушения (Ред.)

Арсений Тарковский

К О Н Е Ц Н А В И Г А Ц И И

В **затонах** остывают пароходы,
Чернильные загустевают воды,
Свинцовая темнеет белизна,
И если впрямь земля болеет нами,
То стала выздоравливать она –
Такие звезды блещут над снегами,
Такая наступила тишина,
И – Боже мой! – из ледяного плена
Едва звучит последняя сирена.

НАВИГАЦИЯ

Н_а реках вновь загустевают воды,
А в их затонах стынут пароходы:
В природе – нездоровья белизна.
И если впрямь земля болеет нами,
Горит звезда над белыми снегами,
А чтоб здоровой сделалась она,
Царит покой. Покой и тишина.
И – Боже мой! – из ледяного плена
Я слышу вой: последняя сирена...

25.03.2004 г.

Арсений Тарковский

КУЗНЕЧИКИ

II

Кузнечик на лугу стрекочет
В своей защитной плащ-палатке,
Не то кует, не то пророчит,
Не то свой луг разрезать хочет
На трехвершковые площадки,
Не то он лугового бога
На языке зеленом просит:
— Дай мне пожить еще немного,
Пока травы коса не косит!

1946

КУЗНЕЧИК

Кузнечик на лугу стрекочет,
Усатый, в модной плащ-палатке,
Зачем-то луг разрезать хочет
На трёхвершковые площадки.
Ему осталось уж немного
Чудесный камуфляж носить,
И он у лугового бога
Канючит: «Погоди косить!»

27.03.2004 г.

Арсений Тарковский

РУКИ

Взглянул я на руки свои
Внимательно, как на чужие:
Какие они корневые —
Из крепкой рабочей семьи.

Надежная старая стать
Для дружеских твердых пожатий;
Им плуга бы две рукояти,
Буханку бы хлебную дать,

Держать бы им сердце земли,
Да все мы, видать, звездолюбцы, —
И в небо мои пятизубцы
Двумя якорями вросли.

Так вот чем наш подвиг велик:
Один и другой пятерик
Свой труд принимали за благо,
И древней атлантовой тягой
К ступням прикипел материк.

1960

ТЕЛО

Рассматривал словно чужие

Усталые руки свои:

Какие они корневые –

Из крепкой рабочей семьи.

На ноги взглянул на свои я –

О! Эти уж точно мои:

Гораздо слабее, худые –

Из суффиксов, видно, они.

Головку свою вдруг увидел.

О, чем я тебя так обидел? –

Лохмата, внутри – ни черта,

Очки, как у бедных студентов...

Видать, ты из интеллигентов,

А это – приставки черта!

30.03.2004 г.

Пабло Неруда

КНИГИ

Любовь и долгий путь рожают книгу,
и если нет в ней стран и поцелуев,
нет человека с полными руками
и женщины нет в каждой капле,
нет голода, желанья, гнева и дорог, —
ни колоколом, ни щитом не станет книга.
Нет глаз у книги, рот закрыт и мертв,
как предписание Ветхого завета.

Любил я страсти тесное сплетенье,
в любви, в крови я находил стихи.
В земле суровой утвердил я розу
и за нее роса с огнем боролась.

Вот почему я шел вперед и пел.

СТИХИ?

Нелёгок, труден путь мой, путь Неруды.
Есть макроцель: стихов большие груды.
Рождать немые и слепые книги –
Удел немногих, время изменя.
Да! Я не капаю сквозь нудных рифм вериги,
А всё течёт, всё из меня...

Труд – это пот всегда,
А часто слёзы,
А иногда, пожалуй, даже кровь!
А я хочу, чтобы вода
Кропила розы,
А на страницы пролилась любовь!

Где время взять, чтоб в росах искупаться,
Да вдохновения, чтоб правды доискаться?
Ей трудно даже рифму подыскать.
Жизнь требует трудиться и стараться?
Ей нужен пот? Когда ж стихи писать?

Стихи питают, но они пытаются
Тех, кто рифмует, изнывая, их,
И потому я лишь верлибр строгаю,
Хотя
И называю гордо: стих!

04.04.2004 г.

Николай Заболоцкий

Д В И Ж Е Н И Е

Сидит извозчик, как на троне,
из ваты сделана броня,
и борода, как на иконе,
лежит, монетами звеня.
А бедный конь руками машет,
то вытянется, как налим,
то снова восемь ног сверкают
в его блестящем животе.

Дек. 1927

Д В И Ж Е Н И Е

Николаю Заболоцкому

Дрожит животное в попоне —
Всё, как стремительный порыв!
Извозчик царствует на троне,
Живот свой бородой прикрыв.
Его неугомонный мчится,
Несясь по улицам стрелой,
И только снится, только снится
Его восьми ногам покой.

12.04.2004 г.

Николай Заболоцкий

7.

* * *

Посредине панели

Я заметил у ног
В лепестках акварели
Полумертвый цветок.
Он лежал без движенья
В белом сумраке дня,
Как твоё отраженье
На душе у меня.

1957

* * *

Посредине панели
Он лежал, полумёртвый, у ног,
Родничок акварели,
Тёмно-красный красивый цветок.
Утонуло всё в хрусте –
Люди шли в продолжение дня,
А цветок тихо плакал от грусти,
Как душа у меня.

15.04.2004 г.

Николай Заболоцкий

* * *

М_{ир} однолик, но двойственна природа,
И, подражать прообразам спеша,
В противоречьях зреет год от года
Свободная и жадная душа.

Не странно ли, что в мировом просторе,
В живой семье созвездий и планет
Любовь уравнивает горе
И тьму всегда преодолагает свет?

Недаром, совершенствуясь от века,
Разумная природа в свой черёд
Сама себя руками человека
Из векового праха создает.

1948

* * *

М_{ир} однолик, но двойственна природа

И, подражать прообразам спеша,
Растёт в противоречьях год от года,
От века к веку мудрая душа.

Душа свободна и жадна от века,
Но, как звезда, летящая в зенит,
Она преображает человека:
Любовь любое горе победит!

И свет над тьмой довлеет год от года,
Как правда устраняет лжи изъян.
Недаром, совершенствуясь, природа
Очеловечила породу обезьян.

Но двойственен и ложен дух природы,
Её неясен путь, туманна цель.
Не человек же цель, и не народы,
А может, цель её – вселенский сель?

Тогда, ища себе к бессмертью тропку,
Уйдя душой в земной зелёный шар,
Разумный человек надавит кнопку,
А полвселенной превратится в пар!

15.04 2004 г.

Анна Ахматова

ЛЮБОВЬ

То змейкой, свернувшись клубком,
У самого сердца колдует,
То целые дни голубком
На белом окошке воркует,

То в инее ярком блеснёт,
Почудится в дреме левкоя...
Но верно и тайно ведёт
От радости и от покоя.

Умеет так сладко рыдать
В молитве тоскующей скрипки,
И страшно её угадать
В ещё незнакомой улыбке.

1911

ЛЮБОВЬ?

То змейкой, свернувшись клубком,
У самого сердца колдует,
То целые дни голубком
На белом окошке воркует

Едва ль она станет рыдать
Тоскующей плачущей скрипкой,
Умея так ярко блистать,
Людей покоря улыбкой.

Юродствовать нынче – не труд.
Быть модной престижно и ныне.
Всё это кокетство и блуд,
И нет здесь любви и в помине.

01.08.2003 г.

Риза Халид

* * *

Я напишу стихи.

И эти звуки
Пусть будут сокровенны и чисты,
Пусть встретятся в рукопожатье руки
И зазвучат две ноты: «я» и «ты».

Я напишу стихи
не ради славы,
Не потому, что пишется – пиши.
А так, чтобы кому-то грустно стало,
Тому, кто не привык грустить в тиши.

Я напишу стихи
не ради слова,
Не ради строк, не ради ремесла,
А чтобы радость повторилась снова
И ясным солнцем над землёй взошла!

Перевод с крымско-татарского
С.Лаевского

* * *

Хорошие стихи

я написал бы,
И с радостью их посвятил тебе,
Хотя, скорей всего, я вмиг устал бы,
И ноты позабыл: и «мэ» и «бе».

Храня к тебе
возвышенные чувства
И зная: всем вам замуж невтерпёж,
Хочу тебе сказать – не для искусства,
И не для рифмы – впрочем, ты поймёшь:

Хорошие стихи –
не божья кара,
И очень редок потому мой стих.
Хороший требует двойного гонорара,
И тем верней, что это акrostих!

01.04.2002 г.

А. Дельвиг

ЧЕТЫРЕ ВОЗРАСТА ФАНТАЗИИ

Вместе с няней фантазия тешит игрушкой младенцев,
Даже во сне их уста сладкой улыбкой живит;
Вместе с любовницей юношу мучит, маня непрестанно
В лучший и лучший мир, новой и новой красой;

Мужа степенного лавром иль веткой дубовой прельщает,
Бедному ж старцу она тщетным ничем не блесит!
Нет! на земле опустевшей кажет печальную урну
С прахом потерянных благ, с надписью: в небе найдешь.

< 1829 >

Ф А Н Т А З И Я

Подражание А.Дельвигу

Фантазия тешит игрушкой младенца и няню,
А также во сне оживляет улыбкой уста;
Надеждой любовников в юности мучит и манит,
Тревожа их души, хоть часто бывает пуста.

А зрелых мужей соблазняет фантазия славой,
Забиться зовёт, но при этом мешает уснуть,
И только для старцев она остаётся отравой,
Являя свою настоящую мрачную суть.

17.05.2003 г.

*Д.В.В*еневитинов

ЖИЗНЬ

Сначала жизнь пленяет нас;
В ней все тепло, все сердце греет
И, как заманчивый рассказ,
Наш ум причудливый лелеет.
Кой-что страшит издалика, —
Но в этом страхе наслажденье:
Он веселит воображенье,
Как о волшебном приключенье
Ночная повесть старика.
Но кончится обман игривый!
Мы привыкаем к чудесам —
Потом на все глядим лениво,
Потом и жизнь постыла нам:
Ее загадка и завязка
Уже длинна, стара, скучна,
Как пересказанная сказка
Усталому пред часом сна.

1826

ЖИЗНЬ

Подражание Д.В.Веневитинову

Сначала жизнь пленяет нас —
В ней всё тепло, всё сердце греет,
И каждый пишет свой рассказ,
Но каждый пишет, как умеет.

С годами жизнь уже не та —
Теряется тепло и радость,
Восторг сменяет пустота.
О, жизнь, какая же ты гадость!

18.05.2003 г.

Анна Ахматова

* * *

Смеркается, и в небе темно-синем,
Где так недавно храм Ерусалимский
Таинственным сиял великолепьем,
Лишь две звезды над путаницей веток,
И снег летит откуда-то не сверху,
А словно подымается с земли,
Ленивый, ласковый и осторожный.
Мне странною в тот день была прогулка.
Когда я вышла ослепил меня
Прозрачный отблеск
На вещах и лицах,
Как будто всюду лепестки лежали
Тех желто-розовых некрупных роз,
Название которых я забыла.
Безветренный, сухой, морозный воздух
Так каждый звук лелеял и хранил,
Что мнилось мне: молчанья не бывает.
И на мосту, сквозь ржавые перила
Просовывая руки в рукавичках,
Кормили дети пестрых жадных уток,
Что кувыркались в проруби чернильной.
И я подумала: не может быть,
Чтоб я когда-нибудь забыла это.
И если трудный путь мне предстоит,
Вот легкий груз, который мне под силу
С собою взять, чтоб в старости, в болезни,
Быть может в нищете – припоминать
Закат неистовый, и полноту
Душевных сил, и прелесть милой жизни.

1914 – 1916 - < Июнь > 1940

* * *

Ах, как было небо тёмно-сине.
Ночь накрыла храм Ерусалима.
Нежный снег не падал, как в России,
А с земли взлетал, как клочья дыма,

А навстречу две звезды нерезко,
Холодно свой жёлтый свет струили.
Мне казался странным цвет их блеска,
Ало-жёлтого, как помесь роз и лилий.

Тех некрупных роз, наверно, чайных,
О которых я давно забыла
В суматохе дней и встреч случайных,
А теперь вот вспомнила. Как мило!

А поодаль дети проституток
На мосту, сквозь ржавые перила,
Несмотря на холод, кормят уток,
А вода темна, темней чернила.

А детишки в тонких рукавичках.
Холодно, поди, им на ветру-то.
Мёрзнут пальцы от забот о птичках.
Ах, как жаль мне уток почему-то.

Трудно будет в жизни, вероятно.
Об ерусалимской этой ночи
Вспомнить будет иногда приятно,
А забыть – приятней, между прочим.

29.07.2003 г.

Арсений Тарковский

ШИПОВНИК

Т.О.-Т.

Я завещаю вам шиповник,
Весь полный света, как фонарь,
Июньских бабочек письмовник,
Задворков праздничный словарь.

Едва калитку отворяли,
В его корзине сам собой,
Как струны в запертом рояле,
Гудел и звякал разнобой.

Там, по ступеням светотени,
Прямыми крыльями стуча,
Сновала радуга видений
И вдоль и поперек луча.

Был очевиден и понятен
Пространства замкнутого шар —
Сплетенье линий, трепет пятен,
Мельканье брачующихся пар.

1962

ШИПОВНИК

А.А.Т

Шиповник вам я завещаю,
Июньских бабочек причал.
Полезен и приятен к чаю,
О чём Мичурин прокричал.

В его корзине сам собою
Накапливался витамин,
И саксофон, в пандан гобою,
Кваквала тихо, без сурдин.

Шипами острыми покрытый
И вдоль и поперёк луча,
Прекрасен он, луной облитый,
О ветку ягодкой стуча.

Висят они. Их много тысяч –
На тонком стебле красный шар –
И всех иголками истычут,
Кроме брачующихся пар.

31.03.2004 г.

Игорь Северянин

РОНДО

– **Бери** меня, – сказала, побледнев
И отвечая страстно на лобзание...
Ее слова – грядущего посев –
Ужальте мне мое воспоминанье!
Я обхватил трепещущую грудь;
Как срезанный цветок ее головка
Склоняется в истоме... «Смелой будь»,
Хотел сказать, но было так неловко!..
– Возьми меня, – шепнула, побледнев,
Страдальчески глаза мои проверив;
Но дальше – ни мазков, ни нот, ни перьев!..
То вся – любовь, то вся – кипучий гнев,
– Бери меня! – стонала, побледнев.

Мыза Ивановка
1909

РОНДО

— **Бери** меня, — сказала, побледнев.

Её слова — сигнал к лихой атаке:

Рука хватает грудь, остервенев,

Уже уста пылают, словно маки...

— **Х**ватай смелей трепещущую грудь,

Вонзай в меня лобзающие губы,

А про других немедленно забудь,

Ты мой фривольный, ласковый и грубый,

Ах, дорогой! — стонала, побледнев,

Юркнула под простынку, прижимаясь...

Мне вспомнились объятья юных дев,

Но... о, склероз! Она страдая, маясь,

— **У**же ты всё? — спросила, побледнев.

27.09.2003 г.

Из цикла "Спасибо за подстрочник"

Эдуард Холодный

ПОД СРЕДНЕАЗИАТСКИМ НЕБОМ

IV

Белый ослик! Ты копытцем
Ударяешь о пустыню –
И песок ее зернистый
Превращается в дождинки.
Даже соль, что серебрится
Меж стеблями саксаула,
Превращается в поверхность
Голубого водоёма.
«Но ведь это все неправда», –
скажет мне любой ребенок.
Ну, конечно же неправда!
Только вот он – белый ослик.

* * *

Белый ослик! Ты копытцем
Ударяешь о песчинки –
Даже соль, что серебрится,
Превращается в дождинки.

Меж стеблями саксаула
Вспыхнет искра в капле каждой.
Видишь – озеро блеснуло
Для замученного жаждой?

В зыбком мареве миража
На оазис смотрим в даль мы –
Вон бархан для антуража,
Вон верблюды, а вон три пальмы...

«Но ведь это всё неправда», –
Скажет мне ребёнок после.
Ну, конечно же, неправда,
Только вот он – белый ослик!

16.06.2004 г.

Эдуард Холодный

* * *

Если стать у подножия
Памятника Маяковскому
И, запрокинув голову,
Долго смотреть на облако,
Бог весть откуда забредшее,
Повисшее над площадью,
Розовое, как яблоко,
Пропахшее майскими ливнями,
То станут намного понятнее
Сложные проявления
Суровости в форме нежности,
Нежности в форме суровости.

* * *

Если долго смотреть на облако,
Розовеющее словно яблоко,
Обратить забывая внимание
На Кибальниково изваяние,

Маяковский может обидеться:
«Что, коллега, вам в облаке видится? –
(Голос нежен, хотя и суров) –
Впрочем, понял: оно без штанов!»

20.06.2004 г.

Эдуард Холодный

* * *

...**И пианист**, заглатывая фразы,
Играл Шопена – голубое с белым,
И за мгновенье до касанья клавиш
Рождались звуки – теплое безумье,
Все то же голубое с тем же белым,
Сгущаясь с каждым взмахом рук бесплотных,
Таких необязательных и лишних
Придатков к этой музыке, берущей
Свое начало не в озябших струнах,
Не в пальцах нервных и не в нотах мертвых,
А в чем-то, что никем не объяснимо,
Что не подвластно разуму и силе...
Звук за мгновенье до касанья клавиш!..

* * *

Не в нервных пальцах скрыта тайна
Того, как странно он играл:
В безумье тёплом не случайно
Он ноты фразами глотал.

Играл он не касаясь клавиш,
Придатками бесплотных рук.
Тут бромом дело не исправишь,
Тут не поможет и хирург.

Но объяснит такой «талант»
Любой, в ком хоть на йоту тяму:
Играл Шопена музыкант
Под списанную фонограмму...

20.06.2004 г.

Эдуард Холодный

* * *

Вы бы сели – было б славно! –

В проходящий поезд с юга
И уехали на север,
От моей любви подальше.
Это так легко и просто –
Встать весенним ранним утром,
Плащ накинуть, улыбнуться
И исчезнуть за порогом.
Боль со временем угаснет,
И взамен придет свобода,
Что свободы в мире слаще? –
Ни забот, ни обязательств!
Что любовь? – Химера, право...
Ваше ровное дыхание
Без щеки своей не мыслю...

* * *

Т_ы б уехала подальше
От моей любви несносной,
От обидных слов и фальши,
Сев в вагончик многоосный.

Будь попроще – улыбайся,
Прощавшись на пороге,
Да смотри не попадайся
Проходимцам на дороге.

Не забудь накинуть плащик –
От дождливых обстоятельств.
Что свободы в мире слаще?
Ни забот, ни обязательств!

Что любовь? –Химера, право...
Предпосылка к перемене...
Ты осталась? Браво, браво!
Ну, тогда готовь пельмени!

21.06.2004 г.

Эдуард Холодный

* * *

Был удивительный чудак маэстро Брамс –

Крестьянку почитал за королеву
И посвящал ей музыку, которой
Нет в мир равной!

Ах, какой чудак!

И только в этом заключалась власть
Над звуками, над женщиной, над миром –
Власть истинная, мудрая, святая.
Вся остальная – жалкая условность.
Как ощущал ее он? Без труда.
И предавался звукам беспредельно.
Но чтоб понять все это до конца,
Порою недостаточно рояля...

* * *

Маэстро Брамс... Какой он был чудак:

Симфонию крестьянке посвящая,
Он музыку писал, ну, вот, никак,
Нисколько её не упрощая.

А как звучит в симфонии C-dur,
Особенно бессмертно в увертюре!
И – для селянки! Для подобных дур
Хватило б «му», да и довольно дуре!

Ну, Иоганнес... Ну, и учудил:
Такую музыку, увы, не королеве
Маэстро Брамс бездумно посвятил,
А той, что возится с коровой в хлеве.

Ну, Брамс... Такие перлы сочинять...
Мелодии, к тому ж, оркестровал сам.
Чтоб это окончательно понять,
Порою недостаточно быть Брамсом.

Порой достаточно, отбросив эпатаж,
Взглянуть на человека взором чистым,
И вы поймёте: композитор наш
Был демократом, а не роялистом!

26.07.2004 г.

Юрий Левитанский

ВОСПОМИНАНИЕ О МАРУСЕ

Маруся рано будила меня,
поцелуями покрывала,
и я просыпался на ранней заре
от Марусиных поцелуев.
Из сада заглядывала в окно
яблонева ветка,
и яблоко можно было сорвать,
едва протянув руку.
Мы срывали влажный зелёный плод,
надкусывали и бросали —
были августовские плоды
терпки и горьковаты.
Но не было времени у нас, чтобы ждать,
когда они совсем поспеют,
и грустно вспыхивали вдалеке
лейтенантские мои звёзды.
А яблоки поспевали потом,
осыпались, падали наземь,
и тихо по саду она брела
мимо плодов червонных.
Я уже не помню её лица,
не вспомню, как ни стараюсь.
Только вкус поцелуев на ранней заре,
вкус несозревших яблок

ВОСПОМИНАНИЕ О МАРУСЕ

Меня рано Маруся будила,
часто солнце ещё не всходило, –
не срывала с меня покрывало, –
поцелуями покрывала.
Я тогда просыпался рано,
а из сада ветка шафрана
тихо в наше окно стучала,
и Маруся шафран срывала.
Мы надкусывали – и бросали, –
только зря мы шафран кусали:
были терпки плоды, горьковаты,
и несладки, и жестковаты.
Но был август – плоды шафрана
не могли поспеть так рано...
Раньше звёзды мои поспели
лейтенантские на шинели.
Поздней осенью яблоки падали,
а зачем теперь они? Надо ли?
И Маруся по саду брела –
В руки яблок уже не брала.
Мы прощались с ней у крыльца.
Я не помню её лица,
помню вкус поцелуев в рани –
терпкий яблочный вкус шафраний...

03.02.2000 г.

Зинаида Гиппиус

К Р У Г И

Я помню: вдвоем мы сидели на скамейке.

Перед нами был покинутый источник
и тихая зелень.

Я говорил о боге, о созерцании и жизни...

И, чтоб понятней было моему ребенку,
я легкие круги чертил на песке.

И год минул. И нежная, как мать, печаль
меня на ту скамейку привела.

Вот покинутый источник,

та же тихая зелень,

те же мысли о боге, о жизни,

только нет безвинно умерших, невоскресших

слов,

и нет дождем смытых,

землей скрытых,

моих ясных, легких кругов.

99

КРУГИ НА ПЕСКЕ

Я помню: мы с Блоком сидим на скамье,
Пред нами рондик забытый.
О Даме Прекрасной поведал он мне,
О Боге, о горестях быта.

В заросшем кустами глухом уголке
Сказал он мне о несказанном...
Я молча чертила круги на песке
Тем вечером поздним, туманным.

Но время прошло, а точнее – лишь год.
Туда я вернулась. Без Блока.
По прежнему тот же источник течёт
Забыто и одиноко.

И мысли всё те же – о Боге, тоске,
О том, что давно нет мыла,
И только круги на мокром песке
Время бесследно смыло.

20.04.2004 г.

Елена Гуро

С Л О В А Л Ю Б В И И Т Е П Л А

Укота от лени и тепла разошлись ушки.

Разъехались бархатные ушки.

А кот раски... – ис...

На болоте качались беловатики,

Жил был

Ботик-животик

Воркотик

Дуратик

Котик пушатик,

Пушончик,

Беловатик,

Кошуратик

Потасик...

ОТВЕТНЫЕ МЫСЛИ И СЛОВА

Сдвинул снова ушки кот:
К счастью, был он полиглот.
Часто слыша кис-кис-кис,
Он от этих слов раскис,

И подумал: эта Гуро,
В сущности, такая душка.
Он любил подобных Гур
И ответил нежно: «Мур-р-р...»

19.04.2004 г.

О ПОТАСИКЕ

Я долго думал, кто такой Потасик?
Прошло немало дней и даже лун.
Потом дошло по аналогии: «матрас – матрасик»,
Что это эвфемизм от слова Потаскун!

19.04.2004 г.

Владислав Ходасевич

ПО БУЛЬВАРАМ

***В** темноте,* задыхаясь под шубой, иду,
Как больная рыба по дну морскому.
Трамвай зашипел и бросил звезду
В черное зеркало оттепели.

Раскрываю запекшийся рот,
Жадно ловлю отсыревший воздух, —
А за мной от самых Никитских ворот
Увязался маленький призрак девочки.

25 марта – 17 апреля 1918

ПО УЛИЦАМ

В темноте, задыхаясь под шубой, иду,
Шевеля плавниками своими, как рыбка,
Что больная, на дне, еле-еле, в пруду
Камышинки колышет равномерно и зыбко.

Очень душно, но я продолжаю идти
И крылами подола машу, словно птичка,
А на Рижском вокзале, на третьем пути
Прошипела своими дверьми электричка.

Раскрываю запекшийся, в трещинках, рот,
Жадно воздух сырой им глотая, как утка,
А за мною от самых Никитских ворот
Увязалась чуть пьяненькая собачонка...

26.04 2004 г.

Из речи на Пушкинском вечере в Доме литераторов 14 февраля 1921 г., произнесённой Владиславом Ходасевичем, называемой после «Колеблемый треножник».

...Пушкин показывает предмет с целого множества точек зрения. Вещам своего мечтаемого мира он придаёт такую же полноту бытия, такую же выпуклость, многомерность и многоцветность, какой обладают предметы реально мира... И если творения всех великих художников, заключая в себе ряды символов, вызывают соответственные ряды толкований, то творения Пушкина принадлежат к числу наиболее соблазнительных в этом отношении.

...Охлаждение представлялось ему неизбежным и внешне выражающимся двояко: или толпа плюёт на алтарь поэта, то есть его оскорбляет и ненавидит, — или колеблет треножник его «в детской резвости». По отношению к самому Пушкину первая формула уже невозможна: «толпа» никогда не плюнет на алтарь, где горит огонь его; но следующий стих: «И в детской резвости колеблет твой треножник» — сбудется полностью...

...Время гонит толпу людей, спешащих выбраться на подмостки истории, чтобы сыграть свою роль — и уступить место другим, уже напирющим сзади. Шумя и теснясь, толпа колеблет треножник поэта. Наше самое драгоценное достояние, нашу любовь к Пушкину, как горсть благовонной травы, мы бросим в огонь треножника. И она сгорит. ...

КТО ЭТО ВЫДУМАЛ?

Ах, Александр Сергеич, вы заложник
У вечности. Вас любит вся земля,
Но в детской резвости поколебать треножник
Не можем удержаться, Вас любя.

Со школьных лет (Взгляните – на минутку
Зигзагом заструился фимиам!)
Мы Вам приписывали озорную шутку:
«Ах, как люблю я говорящих дам!»

А некой даме, что болтать устала,
Сказали Вы: (Треножник загудел!)
«У ваших стройных ног поклонников немало –
Быть между ними – это мой удел!»

Чем чёрт не шутит, но ведь быть могло же,
Что Вам принадлежит сентенция сия!
Нас лишь одно порой сомненье гложет –
Не выдумал ли всё Дантес, свинья?

06.05.2004 г.

Арсений Тарковский

* * *

Река Сугаклея уходит в камыш,
Бумажный кораблик плывет по реке,
Ребенок стоит на песке золотом,
В руках его яблоко и стрекоза.
Покрытое радужной сеткой крыло
Звенит, и бумажный корабль на волнах
Качается, ветер в песке шелестит,
И все навсегда остается таким...

А где стрекоза? Улетела. А где
Кораблик? Уплыл. А река? Утекла.

1933

* * *

Уходит в камыш Сугакля-река,
Бумажный кораблик плывёт по реке,
Ребёнок среди золотого песка
Стоит с голубою стрекозкой в руке.

Покрытое радужной сеткой крыло
Звенит, обтекает кораблик вода,
Песок шелестит... Много лет уж прошло,
И всё остаётся таким навсегда:
Кораблик бумажный плывёт по воде,
Блестит стрекоза переливом крыла...

А где стрекоза? – Улетела – А где
Кораблик? – Уплыл. – А река? – Утекла.

24.03.2004 г.

Арсений Тарковский

ГРАД НА ПЕРВОЙ МЕЩАНСКОЙ

Бьют часы на башне,
Подымается ветер,
Прохожие – в парадные,
Хлопают двери,
По тротуару бегут босоножки,
Дождь за ними гонится,
Бьется сердце,
Мешает платье
И розы намокли.

Град
 расшибается вдребезги
 под самой липой.

Все же
Понемногу отворяются окна,
В серебряной чешуе мостовые,
Дети грызут ледяные орехи.

1935

ГРАД НА ВТОРОЙ МЕЩАНСКОЙ

Застучали каблучки,
Дождь за ними гонится.
Капли брызнули в очки,
Бьют часы на звоннице.

По подъездам – кто куда –
Люди разбегаются:
«Вот намокну – что тогда?» –
Спрятаться стараются.

Убегают все подряд.
Бьётся сердце тише –
Спрятались! А с неба град
Застучал по крыше.

Он запрыгал возле лип,
Крупный – так и чешет,
И грызёт какой-то тип
Ледяной орешек!

Мостовая в серебре,
Словно пояс ханский...
Это было в сентябре,
На Второй Мещанской.

25.03 2004 г.

Арсений Тарковский

* * *

Сутра я тебя дожидался вчера,
Они догадались, что ты не придешь,
Ты помнишь какая погода была?
Как в праздник! И я выходил без пальто.

Сегодня пришла, и устроили нам
Какой-то особенно пасмурный день,
И дождь, и особенно поздний час,
И капли бегут по холодным ветвям.

Ни словом унять, ни платком утереть...

2 января 1941

* * *

Вчера было вёдро, встречать выходил –
Как в праздник! И я выходил налегке.
А нынче – тебя нет, и дождь зарядил,
И капли бегут по холодной щеке.

Они догадались, что ты не придёшь:
Ни словом унять, ни платком утереть...
Проклятая ложь, окаянные дни...
Ну, словом, осталось одно – умереть!

А ты догадалась, кто это «они»?
Да «<ка>пли»!.. Простынешь – сама всё поймёшь!

25.03 2004 г.

Арсений Тарковский

СТРАУС В 1913 ГОДУ

Показывали страуса в Пассаже.

Холодная коробка магазина,
И серый свет из-под стеклянной крыши,
Да эта керосинка на прилавке –
Он ко всему давным-давно привык.
Нахохлившись, на сонные глаза
Надвинул фиолетовые веки
И посреди пустого помещенья,
Не двигаясь, как чучело стоял,
Так утвердив негнувшиися ноги,
Что можно было, не меняя позы,
Стоять хоть целый час, хоть целый день
Без всякой мысли, без воспоминаний.

И научился он небытию
И ни на что не обращал вниманья –
Толкнет его хозяин или нет,
Засыплет корму или не засыплет,
И, если б даже захотел, не мог
Из этого оцепененья выйти.

1945

СТРАУС В 1913 ГОДУ

Холодная коробка магазина
И серый свет из-под стеклянной крыши,
Еда, как прошлогодняя резина,
И бегающие в коробке мыши,

Да эта керосинка на прилавке –
Он ко всему давным-давно привык,
Как к любопытной человеческой давке.
Не трогает его хозяйский крик.

Нахохлившись, на сонные глаза
Надвинул фиолетовые веки,
Чтоб ненароком юркая слеза
Не пробудила смеха в человеке.

Не двигаясь, как чучело стоял
Он посреди пустого помещенья,
И в людях ничего не вызывал
К себе, пожалуй только отвращенье.

Без всякой мысли, без воспоминанья
Он мог стоять хоть целый час, хоть день,
И ни на что не обращать вниманья –
Ни на хозяина, ни на людей,

Засыпан ему корм, иль не засыпан –
Ему уж было как-то всё равно,
Засыпан он землёй, иль не засыпан, –
По существу, он умер, и давно...

Вот так сто лет назад и меньше даже,
Показывали страуса в Пассаже.

25.03.2003 г.

Рокко Скотелларо

А В Г У С Т В Г Р А С С А Н О

О Грассано,

отсюда,
из Санта-Лючии,
хочу я в объятья тебя заключить.
Деревья твои бесплотные
распустили по ветру
буйно-пышные косы свои.
А миндальная роща зимою
принарядилась в белые платья.
Оливы свободно и пышно
свои белопенные шали раскинули
над порыжевшими склонами.
А любовь твою
сумеет только тот понять,
кто пройдет по твоим дорогам
как раз под полуденным солнцем.

Перевод **Юрия В.Денисова**

А В Г У С Т В Г Р А С С А Н О

О, Грассано, отсюда, из Санта-Лючии,
Мы давно бы в объятья тебя заключили!
Там зимой распустили бесплотные косы
Груши, яблони, сливы, инжир, абрикосы.
Мы давно бы тебя заключили в объятья,
О, миндаль. Ты надел белоснежные платья,
И оливы свои белопенные шали
Над холмами рыжеющими разбросали
Так свободно и так ослепительно пышно.
Только ветер ветвями играет чуть слышно.
Мы всем сердцем тебя полюбили, Грассано.
Аллилуйя тебе, дорогой, и осанна!
Мы по пыльным дорогам твоим прошагали,
Под полуденным солнцем их мера шагами.

14.05.2002 г.

Павел Сергеев

* * *

Любовь ,

Преодолев расстояния, преграды, разлуки
Часто гибнет,
Не выдержав того,
К чему стремилась –
Кратчайшего расстояния
Между влюблёнными.

* * *

Тайною любви влекомы,
Друг от друга далеко мы.
Жажда одолеть преграды –
Расстоянья и ограды...
Вот уж в прошлом эти муки –
Друг без друга жить в разлуке,
Друг без друга жить годами.
Радость встречи между нами...
Поцелуй и объятья...
Радость близкого зачатья...
Сердца – перебои – стук ...
Дрожь и голоса, и рук...
Мы всё ближе, ближе... хлоп!
По стене постельный клоп
Медленно ползёт, подлец.
А любви – навек – конец.

04.02.2002 г.

Сергей Строкань

* * *

В восемь ,
как было условлено,
ты не пришла.
Часы удивлённо разводят
руками –
начало десятого.

* * *

Увидав мои страдания,
Ты назначила свиданье
Под часами ровно в пять.
С четырёх я стал стоять,
На часы безмолвно глядя,
И цветочки робко глядя.
Вот и пять. Подвyal букет,
А тебя всё нет и нет.
В голову полезли мысли...
У часов усы отвисли –
На часах пять тридцать пять.
Дама может опоздать:
Мало ль – макияж, причёска...
На часах уже полоска
Вертикальна – ровно шесть.
Да, брат, шесть, увы, – не пять ...
У часов усы опять
Виснут: шесть и двадцать шесть.
Опоздания – некультурны.
Мой букет лежит у урны.
Стал уже зевать от скуки,
А часы воздели руки –
Десять десять на часах.
Вдруг – тебя увидел. Ах!
Не спеша, ты шла куда-то.
Значит, вновь я спутал дату.

04.02.2002 г.

Ана Бландиана

МОЙ КАЖДЫЙ ГЛАЗ

Мой каждый глаз –
Как божья тварь,
Которая утратила
Всеядность.
Когда-то
Они уписывали всё подряд:
Листья и ветку,
Цветок, травинку.
После проснулась жадность до сути:
До зёрен, семечек, бобов, –
Пришли разборчивость
И аппетит на смысл.
Ныне их не заставишь
И маковой росинки проглотить.
Смыкают ресницы,
Как стиснутые страхом зубы,
Отталкивая пищу с криком:
Они-де все имеют в себе, внутри,
Несметные запасы снеди,
Им только бы ее перемолоть.
И этой их работе свидетель – слёзы,
Которые текут из-под ресниц,
Как слюни, старчески и непристойно...

Перевод Анастасии Старостиной.

* * *

Мой каждый глаз –
Как божья тварь,
Что перестала быть всеядной.
Она на нас
Глядит, как встарь,
Но глаз уже не плотоядный.

Ещё в обед
Она опять
Терзала, хлюпала, кромсала.
Теперь уж нет
Желанья жрать
Хрящи и мясо, кровь и сало.

Как пономарь,
Что по постам
Не прибегал к мясным отравам,
Так божья тварь
Спешит к кустам,
Деревьям, веткам, листьям, травам.

Последний раз,
Покушав марь,
Не избежала и омега –
И взгляд погас,
Как тот фонарь,
Что утонул в сугробе снега.

Глаза сверчка.
Глядит она
На мир, как раненая птица
И суть стручка,
Боба, зерна
И семечек познать стремится.

Не хочет жрать,
Не может пить
Ни кровь, ни мясо, ни травинки –
Не разжевать,
Не проглотить
Ничтожной маковой росинки.

Глаза закрыв,
Сомкнувши рот,
Отталкивая пищу с криком –
Такой порыв –
Она орёт
Отнюдь не о посте Великом:

«Всё зло – в еде:
У нас внутри –
Несметные запасы снеди!»
(Коль быть беде,
То тонны три
Сметут проворные соседи.)

Я замечал –
Для глаз кошмар:
Хорошей нет духовной пищи,
И по ночам
Лишь порножанр
Коллеги в Интернете ищут.

Без всяких пицц
Горят глаза,
Как у котов от валерьяны.
Из-под ресниц
Течёт слеза
Из глаз у Аны Бландианы...

19.02.2002 г.

Василий Казанцев

* * *

Всё, что я в жизни увидел,
В книгу не внес, не воспел.
Всё, что я в жизни увидел,
Я и понять не успел.

Что в гроыхающем, в грозном —
В блещущем! — мире узнал —
Ветром летит над полями!
...Вихрем врывается в сны!

* * *

Несколько строк я увидел,
Тех, что Казанцев воспел.
Несколько строк я увидел,
Только понять не успел,

Что там летает над полем?
Что там врывается в сны?
Так ничего и не понял.
Надо у папы спросить.

– Папа, – спросил я у папы, –
Разве Казанцев – поэт? –
Странен ответ был у папы:
– Вася Казанцев? О, да!

26.03.2002 г.

И.А.Бунин

Л Е Т Н Я Я Н О Ч Ь

«Дай мне звезду, – твердит ребёнок сонный, –
Дай, мамочка...» Она, обняв его,
Сидит с ним на балконе, на ступеньках,
Ведущих в сад. А сад, степной, глухой,
Идёт, темнея, в сумрак летней ночи,
По скату к балке. В небе, на востоке,
Краснеет одинокая звезда.

«Дай, мамочка...» Она с улыбкой нежной
Глядит в худое личико: «Что, милый?»
«Вон ту звезду...» – «А для чего?» – «Играть...»

Лепечут листья сада. Тонким свистом
Сурки в степи скликаются. Ребёнок
Спит на колене матери. И мать,
Обняв его, вздохнув счастливым вздохом,
Глядит большими грустными глазами
На тихую далёкую звезду...

Прекрасна ты, душа людская! Небу,
Бездонному, спокойному, ночному,
Мерцанью звёзд подобна ты порой!

1.ⅤШ.12.

* * *

И.А.Бунину

Горит звезда во мгле ночной, бездонной.

Природа спит, во тьму погружена.
«Дай мне звезду, – ребёнок просит сонный
У матери, – Дай, мамочка...» Она,
Его обняв, сидит с ним на качалке.
Веранда дома. Перед ними сад
Глухой спускается, темнея, к балке.
За ними дом. Колонн светлеет ряд.

«Дай звёздочку...» – и маленькой рукою
Ребёнок тянется. – «Зачем тебе?» – «Играть...» –
«Спи, маленький. Игрушкою такою
Лишь ангелы играют...» – шепчет мать.
Горит звезда во мраке одиноко.
Доносится из сада звон цикад.
Жара спадает. Дышится глубоко.
Чуть слышно листья сада шелестят.

Душа людская! Аду или раю
Подобна ты? – задумалась мать.
Ребёнок спит, во сне звездой играя.
А до войны уже рукой подать...

10.02.2000 г.

Карл Сэндберг

ДОМАШНИЕ МЫСЛИ

*М***хом** обрастают прибрежные скалы.

Я обрастаю воспоминаниями о тебе.

Расскажи, как меня потеряла.

Расскажи о часах, долгих, как жизнь.

Расскажи мне о тяжести, легшей на сердце,

О железном грузе нескончаемых дней.

Я знаю, эти часы пусты, как оловянная кружка
нищего в дождливый день, пусты, как рукав
солдата, потерявшего руку.

Расскажи мне...

Перевод **Аркадия Гаврилова**.

* * *

Мысли домашние тихо листаю.
Воспоминаниями обрастаю.

Мхом обрастают прибрежные скалы.
Ты Расскажи, как меня потеряла.

И о часах, долгих, как жизнь,
Мне, потерявшемуся, Расскажи.

И Расскажи о сердечной обузе,
Дней нескончаемых тяжком грузе.

Дней, что пустей оловянной кружки
Богом потерянной нищей старушки.

Дней, что пусты, как рукав солдата,
Что потерял руку когда-то.

Всё Расскажи мне...

04.12.2001 г.

Силован Нариманидзе

МЕЛЬНИЦА

Забытая мельница у Ананури
Под сенью старинных, раскидистых ив.
Хоть бойко вода все журчит в желобах,
Давно жернова её остановились –
Мне жалоба слышится в этом журчанье.
Полвека сюда не возили зерно,
А мельница все-таки ждет терпеливо –
Когда же в мешках привезут кукурузу
И мельник начнет свое славное дело.
Одна она борется с суетным веком.
Почувствовал я ее тайную горечь –
Уж не пригодится она никому,
И вскорости шумные воды Арагви
В разливе весеннем разрушат ее
И вниз унесут.

 Так жаль ее стало
В ее одиноком, пустом ожиданье...

Перевёл с грузинского
Сергей Алиханов

МЕЛЬНИЦА

Забытая мельница у Ананури

Под сенью старинных, раскидистых ив.
Журчанье воды ещё слышно в лазури,
Но жёрнов её уж давно молчалив.

Мне жалоба слышится в этом журчанье.
Полвека сюда не возили зерно,
И мельница также полна ожидания –
Когда же, когда привезут его, но –

Одна она борется с суетным веком,
Мне кажется, я её горечь пойму:
Забытая, брошенная человеком,
Уж не пригодится она никому.

Она доживает последние годы,
Но разве в пустом ожиданье – житьё?
И скоро Арагви шумящие воды
В весеннем разливе разрушат её...

05.12.2001 г.

Николай Гумилёв

МОИ ЧИТАТЕЛИ

Старый бродяга в Аддис-Абебе,
Покоривший многие племена,
Прислал ко мне чернокожего копыеносца
С приветом, составленным из моих стихов.
Лейтенант, водивший канонерки
Под огнём неприятельских батарей,
Целую ночь над южным морем
Читал мне на память мои стихи.
Человек среди толпы народа
Застреливший императорского посла,
Подошел пожать мне руку,
Поблагодарив за мои стихи.

Много их, сильных, злых и весёлых,
Убивавших слонов и людей,
Умиравших от жажды в пустыне,
Замерзавших на кромке вечного льда,
Верных нашей планете,
Сильной, весёлой и злой,
Возят мои книги в седельной сумке,
Читают их в пальмовой роще,
Забывают на тонущем корабле.

Я не оскорбляю их неврастением,
Не унижаю душевной теплотой,
Не надоедаю многозначительными намёками
На содержимое выеденного яйца,
Но когда вокруг свищут пули,
Когда волны ломают борта,
Я учу их, как не бояться,
Не бояться и делать что надо.

И когда женщина с прекрасным лицом,
Единственно дорогим во вселенной,
Скажет: я не люблю вас,
Я учу их, как улыбнуться,
И уйти и не возвращаться больше.
А когда придёт их последний час,
Ровный красный туман застелет взоры,
Я научу их сразу припомнить
Всю жестокую, милую жизнь,
Всю родную, странную землю,
И, представ перед ликом Бога
С простыми и мудрыми словами,
Ждать спокойно его суда.

А МОЖНО ТАК...

Постаревший вождь в Аддис-Абебе,

Покоривший множество народов,
Из моих стихов привет составил
И прислал мне с чёрным копьеносцем.
Лейтенант, водивший канонерки
Под огнём зенитной батареи,
До утра под синим южным небом
Мне мои стихи читал на память.
Человек, среди толпы народа
Застреливший царского вельможу,
Подошёл ко мне, пожал мне руку
И сказал: «Спасибо за стихи вам!»

Много их, свободных, злых, весёлых,
Убивавших и людей, и тигров,
Умиравших без воды в пустыне,
Замерзавших среди льдов полярных,
Верных нашей матушке-планете,
Как они – свободной, злой, весёлой,
Возят мои книги – кто в кармане,
Кто в планшете, кто в седельной сумке,
Их читают в роще и пустыне,
На привале, или же на марше,
Или тонут с ними в канонерке.

Я не оскорблю их ни жеманством,
Ни сентиментальной чепухой,
Не унижу теплотой душевной,
Без многозначительных намёков,
Что яичной скорлупы не стоят.
И когда вокруг них свищут пули,
Когда волны корабли ломают,
Я учу их, как не испугаться
И без страха делать то, что надо.

И когда единственная в мире,
Самая прекрасная на свете
Скажет им: «Увы, я не люблю вас»,
Я учу их, как им улыбнуться
И уйти, и не вернуться больше
Никогда, ни под каким предлогом.

А когда последний час настанет,
Розовый туман застелет взоры,
Я учу их, как всю жизнь припомнить,
Всю родную, непростую Землю,
Чтоб затем, представ пред ликом Бога
С ясными и мудрыми словами,
Ждать суда Всевышнего спокойно .

10.12.2001 г.

А М О Ж Н О И Т А К

Постаревший вождь в Аддис-Абебе,
Покоривший множество племён,
Не нуждался ни в воде, ни в хлебе,
Но в моих стихах нуждался он.

Он привет из них составил. Долго
Пробирался средь звериных троп,
И принёс его мне рыцарь долга,
Чёрный копьеносец-эфиоп.

Лейтенант, водивший канонерки
Под огнём зенитных батарей,
Мне читал до утренней поверки
Из «Шатра», из книжечки моей.

Человек, среди толпы народа
Застреливший царского посла,
Руку мне пожав, сказал: «Свобода –
Для поэтов, а не для осла...»

Много их, свободных, злых, весёлых,
Убивавших тигров и людей,
В ледяных пустынях новосёлов,
И терявших жизнь из-за идей,

Верных нашей матушке-планете,
Как они – весёлой, гордой, злой,
Возят мои книги – кто в планшете,
Кто в седельной сумке за собой.

Их читают юнги, и постарше,
Те, кто жизнь ценит не в рублях,
На привале, или же на марше,
Или тонут с ними в кораблях.

Я не оскорблю их назиданьем
И сентиментальной ерундой,
Не унижу чутким состраданием
И своей душевной теплотой.

И когда вокруг стихии злятся,
Свищут пули, – в общем, не до книг –
Я учу их, как им не бояться,
Делать то, что нужно в этот миг.

Я учу их жить смелей и шире,
Плыть вперёд, подобно кораблю,
И когда единственная в мире
Скажет им: «А я вас не люблю»,

Я учу их, как им улыбнуться,
Обернуться, выйти на порог,
И уйти, и больше не вернуться,
Даже если есть к тому предлог.

А когда последний час наступит,
Взор застелет розовый туман,
К горлу ком непрошенный подступит,
И покажется, что всё – обман,

Я учу их, как припомнить сразу
Перепутье жизненных дорог,
И сказать единственную фразу:
«Жизнь моя, я сделал всё, что мог!»

И когда в преддверии Великом
Скажет им Господь «Иди сюда!»,
Я учу их со спокойным ликом
Ждать бесстрастно Божьего суда.

11.12.2001 г.

Аманда Айзпуриете

* * *

Чужая судьба, а моей притворилась.
Теперь уже дети меня покидают во сне.
А я? Мне бы тоже уйти вместе с ними,
Но гости, и вести, и осень
Стучатся сюда, где чужая, счастливая,
Судьба моя длится и дети не спят.

Перевод **Ирины Васильковой**

* * *

Чужая судьба, а как будто моей притворилась.

Теперь уже дети меня покидают во сне.

А я? Я осталась, я просто судьбе покорилась.

Мне б тоже уйти вместе с ними ещё по весне.

Но гости, и вести, и осень сюда постучались —

Как видно, устали, и им надоела ходьба.

Наверное, это судьба — мы с тобой повстречались.

Судьба моя длится, но это чужая судьба...

16.12.2001 г.

Петерс Бруверис

* * *

Что тут поделать, сердце
прочь из груди рвётся
рвётся в окно,
в сад,
через забор,
к лесу,
вверх по стволу,
чтобы
вновь тосковать в ветвях...

оно на вопросы не отвечает,
его неподвижный взгляд
впивается в светлячка,
пощёчин ветра не замечает,
уже не помнит о том,
откуда оно, откуда...

оно уже не видит меня,
плетущегося вослед
по жгучей, как лёд, росе;

на горизонте плавно танцуют
дымчато-белые кони тумана,
шепчет камыш, багряным закатом
полон сосны заоблачный ствол...

сердце возвращается –
куда и зачем, не ведая...

перевод **Нatalьи Бабицкой**

* * *

Что тут поделать, если сердце
Прочь из груди в окно рвётся?
Для сердца окно – та же дверца –
Вверх по стволу сосны несётся,
Чтоб тосковать средь сосновых ветвей
О брошенной клетке грудной моей...

Оно на вопросы не отвечает,
Пощёчин ветра не замечает
Уже не помнит о том, откуда –
Сказался ранний склероз сосуда.
И чёрная точка его зрачка
Нежно впивается в светлячка.

Сердце! По жгучей, как лёд росе
Я поплетусь за тобой вослед.
Сердце! Вернись! Возвращаются все
В клетки грудные, кто не ослеп!
Сердце не видит меня в упор –
Хочет, чтоб я на сосну попёр...

На горизонте плавно танцуют
Дымчато-белые кони тумана.
Шепчет камыш, кони гарцуют,
Только верхушка сосны багряна.
Коль на закате мокро от рос,
Знать, у природы тоже склероз.

Ствол потемнел, клочок неба светел.
Сердце вернулось, а я не заметил...

16.12.2001 г.

Николай Капитонов

* * *

Думы водят меня по осеннему парку,
и тяжелы мои шаги по листьям пестрым.
В киосках еще торгуют водой,
но близкие ливни отменят эту продажу.
Комната кривых зеркал на замке,
а заведующая смехом продаёт на аллее
последние астры.
Карусельные цепи качаются ветром.
Сам карусельщик с хитрым лицом
правит ножи на точильном кругу
в деревянной будке.
Такое надвинулось...
Но все об этом молчат, точно боятся
признаться себе, что в городе
властвует осень.

* * *

Думы водят меня по осеннему голому парку,
И по листьям опавшим и пёстрым нелёгкок мой шаг.
Продавцов газводы ещё вижу я, хоть и не жарко.
Скоро близкие ливни их последних клиентов лишат.

На амбарный замок заперта уже комната смеха,
И завсмехом цветами торгует теперь у метро.
Карусельные цепи скрипят и негромкое эхо
Слышит сам карусельщик, улыбаясь чему-то хитро.

Воробьи не кричат, над прудом комары не роятся.
Надвигается нечто, сводящее лето с ума.
Все об этом молчат, не желая друг другу признаться
В том, что в городе властвует осень, и скоро зима.

25.12.2001 г.

Николай Капитонов

ПУГАЛО

Беспомощный, как ребёнок.

Не взмахнуть рукавами, не закричать,
когда, не боясь, по грядкам разгуливают вороны...

По ночам тебе еще хуже.

Скрипнет дерево или всхлипнет ненастье –
не убежать, не кликнуть на помощь.

Только вздрогнешь от страха
и еще крепче прижмешь пустые рукава
к воображаемому сердцу.

...Осенью, когда огород пуст,
ты брошен на произвол времени.

Гнет тебя пасмурный ветер,
хлещет пронзительный дождь,
и забирается под ветхую одежку.

А ты стоишь, отрешенный, и улыбаешься
чему-то своим нарисованным ртом.

ПУГАЛО

Опустел огород, и его потрепало порядком.

Под дождями намок, с четырёх овеваем сторон.
Не боясь его, птицы нахально гуляют по грядкам,
А ночами он сам начинает бояться ворон.

Скрипнет дерево, или залает собака –
Только вздрогнет от страха, пустые прижав рукава.
Никуда не бежит, никого не зовёт среди мрака:
Знает – всё бесполезно, суровая жизнь такова.

Как ребёнок беспомощен, хоть неsgiбаем, как прежде,
Под осенним ненастьем, распыливши руки крестом,
Он стоит отрешённо в намокшей и драной одежде,
Улыбаясь чему-то своим нарисованным ртом.

26.12.2001 г.

* * *

В городке... Вот наказание –

Позабыл его название, –
Всем потомкам в назиданье
Раз случился инцидент:

Нет его на киноленте,
Не было и в прецеденте,
Мне об этом акциденте
Рассказал знакомый мент.

Получили указанье:
Статуи и изваянья,
Оторвав от основанья
Уничтожить до одной.

Делать нечего – нельзя же
Нарушать приказ, и в раже
Кто-то статуэтку даже
Нёс из дома – не домой!

Враз исчезли все скульптуры,
Опустел вдруг Парк культуры,
Даже в зале физкультуры
Нет девушки с веслом.

Их поспешно погрузили,
Как одну, в автомобили,
На которых вывозили
Всё, идущее на слом.

За рекой в какой-то яме
Их сложили штабелями,
Как чумные трупы, сами
Возвратились по домам.

Все уснули. Спят глубоко.
Полночь. В небе одиноко
Диск луны стоит высоко,
Свет струя свой по долам.

Вдруг какая-то скульптура,
У которой арматура,
Словно костная фактура,
Выпирала из ноги,

Той, кому досталось крепко –
Аж в руке помялась кепка,
Так её держали цепко –
Прошептала: «Помоги!»

А затем она привстала,
Благо, что без пьедестала,
Вылезать из ямы стала,
За собой других зовёт.

И ночная кавалькада
Друг за другом, так, как надо,
В тихом темпе променада
К городу гуськом бредёт.

Статуи и монументы
Занимают постаменты;
Пережитые моменты
В памяти ещё свежи.

Все они назад вернулись.
Хорошо, что обернулись,
Пока утром не проснулись
Властьимущие мужи.

27.12.2001 г.

ФЕДР

Пастух и коза

Пастух козе дубинкой обломавши рог,
Просил не выдавать его хозяину.
«Смолчу, хотя поступок твой и мерзостен;
Но сами вопиют его последствия.

Две суммы

Взвалил Юпитер на людей по две суммы:
Свои пороки – за спиной у каждого,
А чужих пороков груз подвешен спереди.
Вот мы и не видим погрешений собственных,
Зато чужим – всегда мы судьи строгие.

Волк и лиса перед судом обезьяны

Кто хоть однажды ложью опозорился,
К тому и в правде больше нет доверия.
О том Эзоп свидетельствует басенкой.
Волк на лису-воровку подал жалобу.
Та отрицала всякую вину свою,
А суд над ними обезьяна правила.
Когда из тяжущихся каждый высказался,
Обезьяна им такой выносит приговор:
«Ты, волк, не обворован. Но ты, лисица, – вор:
Уж больно ты искусно отпираешься».

КОЗА И ПАСТУХ

Пастух козе дубинкой рог
Отбил и слёзно молит:
«Хозяин твой ужасно строг,
Не выдавай, – уволит!..»

«Я – за, – ответила коза, –
Хоть ме-е-ерзостен ты люто,
Но у хозяина глаза
Име-е-ются на лбу-то...»

12.11.2005 г.

ДВЕ СУМЫ

Владыка Зевс грехов по две суммы
Взвалил на плечи так порочным людям,
Что позади грехи свои не видим мы,
А спереди грехи других мы, видя, судим!

12.11.2005 г.

СУД

Кто был во лжи изобличён хоть раз,
К тому и в правде больше нет доверья,
Об этом у Эзопа есть рассказ,
Вернее, басня. Ей тупил он перья.

Волк на лису-воровку подал в суд,
Лиса же с жаром отрицала кражу,
А тут как раз нашедшие несут,
Чтоб волку возратить, его пропажу.

И вот судья выносит приговор, –
(Судьёй была в той тяжбе обезьяна):
«Ответчица-лисица всё же вор,
Хоть нынче волк не претерпел изъяна!»

22.11.205 г.

Антонина Баева

СТАРОДУБКА

Ты видел маленькое солнце –
Венок из ярко-жёлтых лепестков
Вокруг живой глазастой сердцевины?
Оно проклюнулось
Из недр земли,
Как маленький утёнок из скорлупки,
И, встав на ножку,
Удивлённо смотрит
На синий май,
Раскрасивший наряды
Лесных подснежников
И сладких медуниц.
Оно взбежало
На пригорок тёплый
И будет там теперь цвести до лета
И удивлять всех тонким ароматом,
Живущим в гибком стебле и листках.
Что может быть прекрасней назначенья
Быть и самим собой
И в то же время
Быть солнышком –
Хотя бы
Муравью?..

* * *

Я видел маленькое солнце Антонины –
Венок из ярко-жёлтых лепестков
Вокруг живой глазастой сердцевины –
Один из самых ласковых цветков.

Цветочек стародубки* нежный, хрупкий,
Проткнув земли упругие пласты
Как маленький утёнок из скорлупки
Проклюнулся в сиянье красоты.

Он удивлённо смотрит на природу,
На синий май, на рыжих муравьёв,
И слушает во всякую погоду
То хор ворон, то соло соловьёв.

Подснежники лесные, медуницы
Вокруг растут, а он на ножки встал,
И на пригорок крохотною птицей
По склону тепловатому взбежал.

Он будет наверху стоять до лета
На тонкой ножке солнышком лесным,
Волною аромата и привета
Всех наделяя, кто был дружен с ним.

Что может быть прекрасней назначенья
Быть для кого-то солнышком? И я
Хотел бы быть предметом восхищенья, –
Быть солнышком, хотя б для муравья.

24.03.2003 г.

-
- Стародубка – растение семейства лютиковых, Adonis.

Алексей Н. Толстой

Б Е З К Р Ы Л Ь Е В (Из прошлого)

...**В** каждой эпохе есть свой пафос. Даже в застоявшиеся, покрытые ряской времена, когда жизнь человеческая расползается, как сальное пятно на бумаге, даже в эти скучные времена, в чаду мещанских очагов, в полуденной скуке, в мушиной тишине слышится как бы трагическое звенение струны. Она все сильнее, все безнадежнее., все отчаяннее звучит в дремлющем мозгу и не дает уснуть и будит... Это пафос безвременья: смертная обреченность. Никуда не уйти от этого навязчивого звука. Ни дремотой, ни безумством не спастись: умрешь, исчезнешь...О, как бессмысленно, как страшно бытие!..

* * *

Свой пафос есть в любой эпохе,

Даже в периоды застоя.
Как нынешние времена ни плохи,
Но были и похуже. Стоя,
Эпоха ряской покрывалась
И зарастала вязкой тиной.
Пятном от сала расползалась
Жизнь человечья и скотиной,
Точнее, быдлом были люди
В чаду мещанских коммуналок.
Их быт был нестерпимо труден,
А труд был безнадёжно жалок.
Но и тогда, как в полудрёме,
Сквозь сонное жужжанье мух,
В послеполуденной истоме
Ловил неискушённый слух
Струны трагической звененье.
Вначале еле слышный звон,
Как первый вестник измененья,
Конца безвременных времён,
Он с каждым днём звучал сильнее
И всё отчаянней, и в нём
Был пафос времени всё злее
И безысходней с каждым днём.
И не безумством, ни дремотой
Уже нельзя себя спасти,
Не излечиться ни работой,
И ни «колёсами» в горсти.
О, как бессмысленно, как плохо,
Как страшно наше бытие,
Пока не рухнула эпоха,
Меняя наше житие!..

02.04.2003 г.

Максимилиан Волошин

КИММЕРИЙСКАЯ СИВИЛА

С **вознесенных** престолов моих плоскогорий
Среди мертвых болот и глухих лукоморий
Мне видна
Вся туманом и мглой и тоской повитая
Киммерии печальная область.
Я пасу костяки допотопных чудовищ.
Здесь базальты хранят ореолы и нимбы
Отверделых сияний и оттиски слав,
Шестикрылья распятых в скалах херувимов
И драконов, затянутых илом, хребты.

12 сентября 1919

* * *

С **вознесённых** престолов сырых плоскогорий,
Среди мёртвых болот и глухих лукоморий
Нам видна киммерийская степь золотая,
Вся туманом, и мглой, и тоской повитая.
Здесь пещеры и склепы, дольмены, могилы.
Здесь разрушенный храм Киммерийской сивиллы.
Здесь когда-то гиганты паслись косяками, —
Мы теперь поражаемся их костяками.
Здесь базальты хранят ореолы и нимбы
Бывших слав. Напророчить сияние им бы
На века, но распятые в скалах драконы
Попирали суровой природы законы, —
И торчат их хребты из болотного ила,
Камнем ставшего, как прозревала сивилла.

29.03.2003 г.

Максимилиан Волошин

ДЕКАБРЬ (ГОСТИ)

«**О**ткройте, люди, откройте двери,
Я бьюсь о крышу, стучусь в окно,
Откройте, люди, я ветер, ветер,
Одетый в платье сухих листьев».

«Входите, сударь, входите, ветер,
Для вас готовый всегда очаг,
Труба дымится, камин побелен,
Входите, ветер, входите к нам».

«Откройте, люди, я непогода,
Во вдовьем платье, в фате дождя.
Она сочится, она струится
Сквозь тускло-серый ночной туман».

«Входите смело, вдова, входите,
Ваш сине-белый мы знаем лик.
Сырые стены и норы трещин
Всегда готовый для вас приют».

«Откройте, люди, замки, засовы,
Я выюга, люди, откройте мне,
Мой плащ клубится и платье рвется
Вдоль по дороге седой зимы».

«Входите, выюга, царица снега,
Просыпьте лилий своих цветы
По всей лачуге, вплоть до камина,
Где в красном пепле живёт огонь».

Мы беспокойны, мы любим север,
Мы люди диких, пустынных стран.
Входите, ветры и непогоды,
За все невзгоды мы любим вас.

ГОСТИ (ДЕКАБРЬ)

«Откройте, люди, откройте ветру,
Я бьюсь о крышу, стучу в окно.
На мне осенний берет из фетру,
Костюм из листьев и домино».

«Входите, сударь, входите, ветер,
Для вас затоплен уже камин,
Очаг дымится, и пепел светел,
Входите, ветер, а вы один?».

«Откройте, люди, я непогода,
Во вдовьем платье, и без румян,
Я горько плачу уже полгода,
Слеза струится в ночной туман».

«Входите смело, вдова, войдите,
Вдвоём со снегом, или с дождём,
Покровом белым всё затяните,
Входите смело, давно вас ждём».

«Откройте, люди, замков объятья,
Мы дети бури, и вихри мы,
Наш плащ клубится и рвётся платье,
Мы злые внуки седой зимы».

«Входите, бури, входите, вьюги,
Морозный вихрь, входи и ты,
Вплоть до камина, по всей лачуге
Просыпьте лилий своих цветы.

Мы любим север, мы беспокойны,
Мы любим бури, мы любим стынь.
Входите, ветры, ваш любим вой мы,
Мы люди диких, седых пустынь».

11.04.2003 г.

Максимилиан Волошин

* * *

Среди верховных ритмов мироздания
Зиждитель бог обмолвился землёй.
(Но дьявол поперхнулся человеком.)
Для лжи необходима гениальность.
Но человек бездарен. И напрасно
Его старался дьявол просветить.
В фантазии и творчестве он дальше
Пустой подмены фактов не пошел.
(Так школьник лжет учителю). Но в мире
Исчерпаны все сочетанья. Он
Угадывает в мире комбинаций
Лишь ту, которой раньше не встречал.

18 января 1926
Коктебель

* * *

Среди верховных ритмов мироздания
Зиждитель-бог обмолвился Землём.
Но человек – чертовское создание –
Быть должен изворотливой змеёй

Во лжи, а он бездарен. И напрасно
Его старался дьявол просветить.
Что человек не гениален – ясно,
Так ученик учителя дурить

Пытается, но в мире комбинаций
Никак не угадает ту одну,
После которой можно ждать вакаций,
И в ад идёт, как камушек ко дну.

12.04.2003 г.

В.А.Жуковский

П Е С Н Я

К востоку, все к востоку

Стремление земли –
К востоку, все к востоку
Летит моя душа;
Далеко на востоке,
За синевою лесов,
За синими горами
Прекрасная живет.

И мне в разлуке с нею
Все мнится, что она –
Прекрасное преданье
Чудесной старины,
Что мне она явилась
Когда-то в древни дни,
Чтоб мне об ней остался
Один блаженный сон.

1815

* * *

К Востоку , всё к Востоку

Летит Земля вперёд,
И, вместе с ней, к Востоку
Души моей полёт.
Туда, где за лесами,
За синевой вод, –
Вы догадались сами? –
Любимая живёт.

Но мне она не рада,
Как в древности, и вот –
Теперь Шехерезада
Другому сказки врёт,
А я в разлуке с нею
Уже который год
Дурнею и коснею,
И рифма не идёт!

03.05.2003 г.

В.А.Жуковский

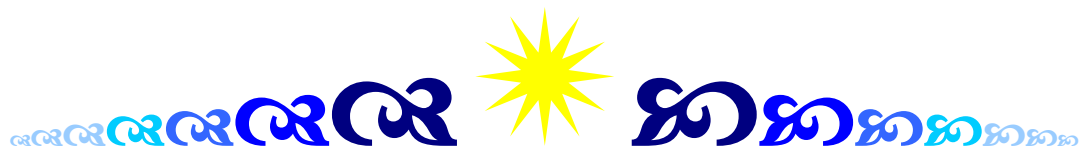
М О Р Е

Элегия

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарован над бездной твоей.
Ты живо; ты дышишь; смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мне глубокую тайну твою:
Что движет твое необъятное лоно?
Чем дышит твоя напряженная грудь?
Иль тянет тебя из земных неволи
Далекое светлое небо к себе?..
Таинственной, сладостной полное жизни,
Ты чисто в присутствии чистого его.
Ты льешься его светозарной лазурью,
Вчерашним и утренним светом горишь,
Ласкаешь его облака золотые
И радостно блещешь звездами его.
Когда ж собираются темные тучи,
Чтоб ясное небо отнять у тебя –
Ты бьешься, ты воешь, ты волны подъемлешь,
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу...
И мгла исчезает, и тучи уходят
Но полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганы волны,
И сладостный блеск возвращенных небес
Не вовсе тебе тишину возвращает;
Обманчив твоей неподвижности вид:
Ты в бездне покойной скрываешь смятенье,
Ты, небом любуясь, дрожишь за него.

1822

Безмолвное море, лазурное море,
Над бездной твоей очарован стою.
В твоём неоглядном могучем просторе
Тревоги и думы свои узнаю.
Безмолвное море, лазурное море,
Ты живо, ты дышишь, ты даришь привет,
Но в чём твоя тайна и в чём твоё горе?
Скажи мне, о море, открой свой секрет!
Что движет твоё необъятное лоно?
Чем дышит твоя напряжённая грудь?
Зачем твои волны, как слёзы, солёны
И что там скрывает придонная муть?
Зачем тебя тянет далёкое небо
И пеной прибоя, и грозной волной?
Ласкаться о берег чуть слышно тебе бы,
А ты рвёшься в небо своей синевой.
Ты в небо стремишься своею лазурью,
Вечерним и утренним светом горя,
Огромной цунами вздымаешься в бурю,
И смерчем, медуз своих небу даря.
Ты воешь, ты бьёшься, ты тёмные тучи
Стремишься своею волною прогнать,
И мгла исчезает, и снова могуче
Колышется грудь твоя — синяя гладь.
Не так ли и я — чертыхаюсь и вою,
Пока тебя рядом, любимая, нет,
Но только мы вместе — склонюсь головою
И тихо урчу тебе новый куплет?

04.05.2003 г.

В.А.Жуковский

ПОБЕДИТЕЛЬ

Сто красавиц светлооких
Председали на турнире.
Все – цветочки полевые;
А моя одна как роза.
На нее глядел я смело,
Как орел глядит на солнце.
Как от щек моих горячих
Разгоралось забрало!
Как рвалось пробиться сердце
Сквозь тяжелый, твердый панцырь!
Светлых взоров тихий пламень
Стал душе моей пожаром;
Сладкошепчущие речи
Стали сердцу бурным вихрем;
И она – младое утро –
Стала мне грозой могучей;
Я помчался, я ударил –
И ничто не устояло.

1822

ПОБЕДИТЕЛЬ

На турнире многодневном

Сто красавиц заседали,
И отбоя нет от дев нам,
Лишь одна сидит в печали.

На неё взглянул я смело,
Как орёл глядит на зайца.
Чувствую – внутри затлело.
Не забрало ль разгорается?

Я открыл своё забрало,
Я к её склонился стану,
И она мне прошептала:
«Победите – вашей стану...»

Был я в радостном угаре,
Слыша сладостные речи:
Я помчался, я ударил –
Два десятка изувечил,

И ничто не устояло,
Всех порушил меч мой дивный,
Но избранница сказала:
«Вы жестокий! Вы противный!»

Что мне делать с этой бабой?
Где теперь тропинка к раю?
Нынче я от горя слабый –
Видно, завтра проиграю!..

04.05.2003 г.

Андрей Белый

СВЕТЛАЯ СМЕРТЬ

Тяжелый сверкающий кубок
Я выпил: земля убежала –
Все рухнуло вниз: под ногами
Пространство холодное, воздух.
Остался в старинном пространстве
Мой кубок сверкающий – Солнце.

Гляжу: под ногами моими
Ручьи, и леса, и долины
Уходят далеко, глубоко,
А облако в очи туманом
Пахнуло и вниз убегает
Своей кисеей позлащенной...

Полдневная гаснет окрестность;
Полдневные звезды мне в душу
Глядятся, и каждая «Здравствуй»
Беззвучно сверкает лучами:
«Вернулся от долгих скитаний –
Проснулся на родине: здравствуй!..»

Часы за часами проходят,
Проходят века: улыбаясь,
Подъемлю в старинном пространстве
Мой кубок сверкающий – Солнце.

< 1909 >

КОСМИЧЕСКИЙ РИМЕЙК

Тяжёлый сверкающий кубок

Я выпил до самого донца.
Остался средь мидий и губок
Мой кубок сверкающий – Солнце.

И рухнула в бездну планета
С ручьями, лесами, морями,
И тверди разверзлись и нету
Опоры ногам в этой яме.

Полдневные звёзды очами
Мне в душу глядятся поштучно,
И каждая «Здравствуй!» лучами
Сверкает, и гаснет беззвучно.

Часы и века пролетают,
Бегут лучезарные блики,
Миры и туманности тают
В пространствах межзвёздных великих.

Но манит прекрасная Гея,
Годами вокруг Солнца вращаясь.
Непрошенный гость апогея,
Я снова домой возвращаюсь.

Вернувшись из длительных странствий
И глядя в родное оконце,
Подъемлю в приземном пространстве
Мой кубок сверкающий – Солнце.

06.07.2003 г.

Владимир Набоков

С Н Е Г

О, этот звук! По снегу –
скрип, скрип, скрип –
в валенках кто-то идёт.

Толстый крученный лед
остриями вниз с крыши повис.
Снег скрипуч и блестящ.
(О, этот звук!)

Салазки сзади не тащатся –
Сами бегут, в пятки бьют.

Сяду и съеду
по крутому, по ровному:
валенки врозь,
держусь за веревочку.

Отходя ко сну,
всякий раз думаю:
может быть, удосужится
меня посетить
тепло одетое, неуклюжее
детство мое.

Берлин. 1930

О, этот звук! На снегу –

Тени замёрзших лип,
Замерших на бегу.
Скрип, скрип, скрип –

В валенках кто-то идёт,
Чья-то бабулька.
Толстый кручёный лёд –
Это сосулька.
Он остриями вниз
Свесился с крыш и повис.

Снег и блестящ и скрипуч.
О, этот звук! Скрип, скрип...
Яростный солнечный луч
Вырвался из-за лип.
Сзади салазки не тащатся –
Сами бегут на пятки.
Сбоку стоят, тарашатся
Чьи-то ребятки.

Я по крутому склону
Сяду и съеду.
– Не задави ворону! –
Мчатся по старому следу

Санки, лишь валенки врозь.
За уши щиплет мороз.
– Эй, осторожней, Вовочка,
Крепче держись за верёвочку! –

Я, отходя ко сну,
В толще постельных нег,
Думаю: как усну –
Пусть мне приснится снег,
Валенок чьих-то скрип,
Старой вороны хрип...

Детство моё неуклюжее,
Детство, тепло одетое,
Ты мне приснись, ну же,
Где ты?

13.08.2003 г.

Владимир Набоков

Из книги «Возвращение Чорба»

Р О Ж Д Е С Т В О

I

Вернувшись по вечеряющим снегам из села в свою мызу, Слепцов сел в угол, на низкий плюшевый стул, на котором он не сиживал никогда. Так бывает после больших несчастий. Не брат родной, а случайный неприметный знакомый, с которым в обычное время ты и двух слов не скажешь, именно он толково, ласково поддерживает тебя, подаёт оброненную шляпу, — когда все кончено, и ты, пошатываясь, стучишь зубами, ничего не видишь от слез. С мебелью — то же самое. Во всякой комнате, даже очень уютной и до смешного маленькой, есть нежилой угол. Именно в такой угол и сел Слепцов.

.....

В углу, на плюшевом стуле, хозяин сидел, словно в приемной у доктора. Комната плавала во тьме, в окно, сквозь стеклянные перья мороза, густо синел ранний вечер. Иван, тихий, тучный слуга, недавно сбивший себе усы, внёс заправленную, керосиновым огнем налитую лампу, поставил на стол и беззвучно опустил на нее шелковую клетку: розовый абажур. На мгновенье в наклоненном зеркале отразилось его освещенное ухо и седой еж. Потом он вышел, мягко скрипнув дверью.

Тогда Слепцов поднял руку с колена, медленно на нее посмотрел. Между пальцев к тонкой складке кожи прилипла застывшая капля воска. Он растопырил пальцы, белая чешуйка треснула.

* * *

По вечеряющим снегам
Слепцов на мызу возвратился.
Он сел на низенький диван.
Ещё ни разу не садился

Он на него. Ведь так бывает –
Не брат родной, а просто друг
Тебя в несчастьи выручает:
Поддержит падающий дух,

Подаст оброненную шляпу...
Вот так и мебель. Тот диван
Так неудобно сдвинут к шкапу,
Что нежилым был. Но Иван,
А так слугу Слепцова звали,
Об этом размышлял едва ли.

Слепцов, не зажигая света,
Словно в приёмной у врача,
Сидел, а мыслями был где-то.
Вошёл Иван – в руках свеча.

На миг в склонившемся трюмо
Его мелькнуло отражение –
Короткий ёжик, сожаленье
В глазах, живот борца сумо.

Оставив свечку на столе,
Иван задвинул тихо шторы
И вышел. А Слепцов с колен
Приподнял руку, на которой
Застыла между пальцев плоско
Белесая чешуйка воска.

.....

14.08.2003 г.

Гиви Гегенава

РОДИНА

Танец твоих виноградных лоз –
как пленительные девичьи груди.
Шелест твоих золотых колосьев –
очарование мелодии.
Юность садов, принимающих янтарь
от самого солнца, – суть сути.
Нежность цветущей кукурузы –
улыбка ребёнка.
Молюсь о тебе, Родина!

Перевод А. Пепеляевой

* * *

Виноградные гроздья, от сока тугие,
Как невинные девичьи груди нагие.

Звук поющих чонгури, соинари и доли —
Словно шелест колосьев в вечеряющем поле.

Золотые долины с молодыми садами,
С янтарём налитыми от солнца плодами.

Помню нежную прелесть цветов кукурузы я
И молюсь о тебе, моя родина, Грузия!

26.08.2003 г.

А.И.Куприн

ИСКУССТВО

У одного гениального скульптора спросили:

– Как согласовать искусство с революцией?

Он отдернул занавеску и сказал:

– Смотрите.

И показал им мраморную фигуру, которая

представляла раба, разрывающего оковы

страшным усилием мышц всего тела.

И один из глядевших сказал:

– Как это прекрасно!

Другой сказал:

Как это правдиво!

Но третий воскликнул:

– О, я теперь понимаю радость борьбы!

* * *

Художник зрителей спросил, облокотясь
О барельеф «Раб рвёт цепей оковы»:
– Искусство, революция... в чём связь?
Как вами поняты идейные основы?

Сказал один из зрителей: – Нам ясно –
Скульптурная символика прекрасна:
Терпению несчастного народа
Пришёл конец, обретена свобода!

Другой заметил: – Барельеф – на диво!
И раб, и цепи очень натуральны,
Изображенья верны и правдивы,
И революционно гениальны...

А третий перебил своих друзей:
– Плохое качество представленных цепей
Есть результат прямого саботажа
Рабочих верфи, цеха такелаж...

02.09.2003 г.

Николай Рубцов

СОЛОВЬИ

В трудный час, когда ветер полощет зарю

В темных струях нагретых озер,
Я ищу, раздвигая руками ивняк,
Птичьи гнезда на кочках в траве...

Как тогда, соловьями затоплена ночь.
Как тогда, не шумят тополя.
А любовь не вернуть, как нельзя отыскать
Отвихрившийся след корабля!

Соловьи, соловьи заливались, а ты
Заливалась слезами в ту ночь;
Закатился закат – закричал паровоз,
Это он на меня закричал!

Я умчался туда, где за горным хребтом
Многогорбый старик океан,
Разрыдавшись, багровые волны-горбы
Разбивает о лбы валунов.

Да, я знаю, у многих проходит любовь,
Все проходит, проходит и жизнь,
Но не думал тогда и подумать не мог,
Что и наша любовь позади.

А когда, отслужив, воротился домой,
Безнадежно себя ощутил
Человеком, которого смыло за борт:
Знаешь, Тайка встречалась с другим!

Закатился закат. Задремало село.
Ты пришла и сказала: «Прости».
Но простить я не мог, потому что всегда
Слишком сильно я верил тебе!

Ты сказала еще: – Посмотри на меня!
Посмотри – мол, и мне нелегко. –
Я ответил, что лучше на звезды смотреть,
Надоело смотреть на тебя!

Соловьи, соловьи заливались, а ты
Все твердила, что любишь меня.
И, угрюмо смеясь, я не верил тебе.
Так у многих проходит любовь...

В трудный час, когда ветер полощет зарю
В темных струях нагретых озер,
Птичьи гнезда ищу, раздвигая ивняк.
Сам не знаю, зачем их ищу.

Это правда иль нет, соловьи, соловьи,
Это правда иль нет, тополя,
Что любовь не вернуть, как нельзя отыскать
Отвихрившийся след корабля?

СОЛОВЬИ

Н. Рубцову

В трудный час, когда ветер, зарю полоща,
Тронет тёмные струи нагретых озёр,
Я руками ивняк раздвигаю, ища
Птичьи гнёзда в траве, и курю «Беломор».

Как тогда, соловьями затоплена ночь,
Как тогда, не шумят в темноте тополя,
А любовь не вернуть, уходящую прочь –
Не сыскать отвихрившийся след корабля!

Соловьи, соловьи заливались, а ты
Заливалась потоком непрошенных слёз.
Закатился закат за густые кусты,
На меня в темноте закричал паровоз.

Я умчался туда, где за горным хребтом
Океан многогорбый бугрист и багров,
Гонит волны-горбы и, жалея о том,
Разбивает, рыдая, о лбы валунов.

Да, я знаю, у многих проходит любовь.
Всё проходит, проходит и жизни стезя.
Я надеялся, думал – мы встретимся вновь,
Но любовь возвратить, оказалось, нельзя.

А когда, отслужив, я вернулся домой,
Безнадежно себя ощутил, пилигрим,
Человеком, которого смыло волной
С корабля: ты, Таисья, встречалась с другим!

Закатился закат. Задремало село.
Ты пришла и сказала мне: «Коля, прости!»
Но простить я не мог. Даже скулы свело –
Изменившие бабы у нас не в чести.

Ты сказала ещё: «Посмотри на меня!
Посмотри, я страдаю, мне жаль тех минут...»
Я ответил тебе, медяками звеня:
«Лучше буду на звёзды смотреть – те не лгут».

Соловьи, соловьи заливались опять.
Ты твердила, что любишь меня с давних пор.
Я, не веря тебе, продолжал хохотать
И курил отсыревший в ночи «Беломор».

В трудный час, когда ветер полощет зарю
В тёмных струях нагретых озёр, я грущу
И, ища птичьих гнёзд, себе говорю:
«Я не знаю, зачем я те гнёзда ищу.

Это правда, иль нет, соловьи, тополя,
Что любовь не вернуть никогда и никак –
Не сыскать отвихрившийся след корабля,
Не сыскать птичьих гнёзд, раздвигая ивняк?..»

17.03.2004 г.

Арсений Тарковский

* * *

Не стой тут,
Убьют.
Воздух! Ложись!
Проклятая жизнь!
Милая жизнь!
Странная, смутная жизнь!
Травы мои коленчатые,
Мои луговые бабочки,
Небо – все в облаках, городах, лагунах
и парусных лодках!
Дай мне еще подышать,
Дай мне побыть в этой жизни, безумной
и жадной,
Хмельному от водки,
С пистолетом в руках,
Ждать танков немецких,
Дай мне побыть хоть в этом окопе...

1943

* * *

Травы мои коленчатые, бабочки луговые,
Небо всё в облаках – перистые, кучевые...
Это – на лодку похоже, это – на город...

Мне бы ещё подышать, побыть,
Жизнью безумной и жадной пожить!..
Струйки текут за ворот...

Не стой тут, убьют! Воздух! Ложись!
Милая жизнь! Проклятая жизнь!
Что ты мне можешь дать?

Дай мне побыть хоть в окопе этом,
Хмельному от водки, с одним пистолетом,
Танков немецких ждать!

24.03 2004 г.

Арсений Тарковский

Б Е Л Ы Й Д Е Н Ь

Камень лежит у жасмина.

Под этим камнем клад.
Отец стоит на дорожке.
Белый-белый день.

В цвету серебристый тополь,
Центифолия, а за ней –
Вьющиеся розы,
Молочная трава.

Никогда я не был
Счастливей, чем тогда.
Никогда я не был
Счастливей, чем тогда.

Вернуться туда невозможно
И рассказать нельзя,
Как был переполнен блаженством
Этот райский сад.

1942

МЕЧТА

Валунчик лежит, как асцидия,
Зарыт тезаурус под ним,
А на бластофаге халцидия
Трясёт яйцекладом своим.

Сверкают чешуйками пинии,
У юкки отец мой стоит,
Цветут хризантемы-актинии,
Хорош центифолии вид.

А эти цветы из Боливии,
Цветут только день в году.
Ни разу я не был счастливее,
Чем в этом райском саду.

Мечтаю всё пуще и пуще
В ирей возвратиться. Каприз?
В элизиум! В райские кущи!
В эдем! В вертоград! В парадиз!

25.03.2004 г.

Арсений Тарковский

О Х О Т А

Охота кончается.

Меня затравили.

Борзая висит у меня на бедре.

Закинул я голову так, что рога уперлись
в лопатки.

Трублю.

Подрезают мне сухожилья.

В ухо тычут ружейным стволом.

Падает на бок, цепляясь рогами за мокрые прутья.

Вижу я тусклое око с какой-то налипшей травинкой.

Черное, окостеневшее яблоко без отражений.

Ноги свяжут и шест продернут, вскинут на плечи...

1944

О Х О Т А

Не убежал . Меня затравили. Охота кончается.

Пара борзых у меня на бедре повисли.*

Голову я запрокинул. Рога упираются

В кожу спины. Затрубил. Уходят мысли.

В ухо мне больно тычут стволом ружейным.

Режут, ещё больнее, мои сухожилия.

Вижу в огромном ноже своё отражение.

Умер почти, но, всё же, ещё жив я.

Падаю на бок. Рога за валежник цепляются.

Вижу я близко тусклое око – глаз человеческий.

Ремни несут. Смрадом обдав, наклоняются.

Ноги свяжут и, шест продёрнув, вскинут на плечи...

25.03.2004 г.

* Правильнее «повисла». Ну, неграмотный олень! (Ред.)

Арсений Тарковский

ДАГЕСТАН

Я лежал на вершине горы,
Я был окружен землей.
Заколдованный край внизу
Все цвета потерял, кроме двух:
Светло-синий,
Светло-коричневый там, где по синему камню
писало перо Азраила.
Вокруг меня лежал Дагестан.

Разве гадал я тогда,
Что в последний раз
Читаю арабские буквы на камнях
горделивой земли?
Как я посмел променять на чет и
нечет любви
разрежённый воздух горы?

Чтобы здесь
В ложке плавить на желтом огне
Дагестанское серебро?
Петь:
«Там я жил над ручьем,
Мыл в ледяной воде
Простую одежду мою»?

1946

ДАГЕСТАН

Окружённый землёй, я недвижно лежу на вершине.
Заколдованный край подо мною – родной Дагестан –
Все цвета потерял, кроме двух: ослепительно синий
И коричневый – светлый, похожий слегка на каштан.

Там, где буквы писало по камню перо Азраила,
Там струится, чаруя извивом, арабская вязь.
Разве знал я тогда, что худая пора наступила,
Что читал эти буквы я в наипоследнейший раз?

Я стирал бы в воде ледяной горной речки одежду,
Я б чеканкой украсил серебряный острый кинжал,
Если б жизнь не утратил, а с нею любовь и надежду,
И на горной вершине в холодной земле не лежал!

25.03.2004 г.

Георгий Иванов

* * *

Из белого олонецкого камня

Рукою кустаря трудолюбивой
Высокого и ясного искусства
Нам явлены простые образцы.

И я гляжу на них в тревоге смутной,
Как, может быть, грядущий математик,
В ребячестве еще не зная чисел,
В учебник геометрии глядит.

Я разлюбил созданья живописцев,
И музыка мне стала тяжким шумом,
И сон мой одолевает веки,
Когда я слушаю стихи друзей.

Но с каждым днем сильней душа томится
Об острове далеком Валааме,
О церкви из олонецкого камня,
О ветре, соснах и волне морской.

Из белого олонецкого камня

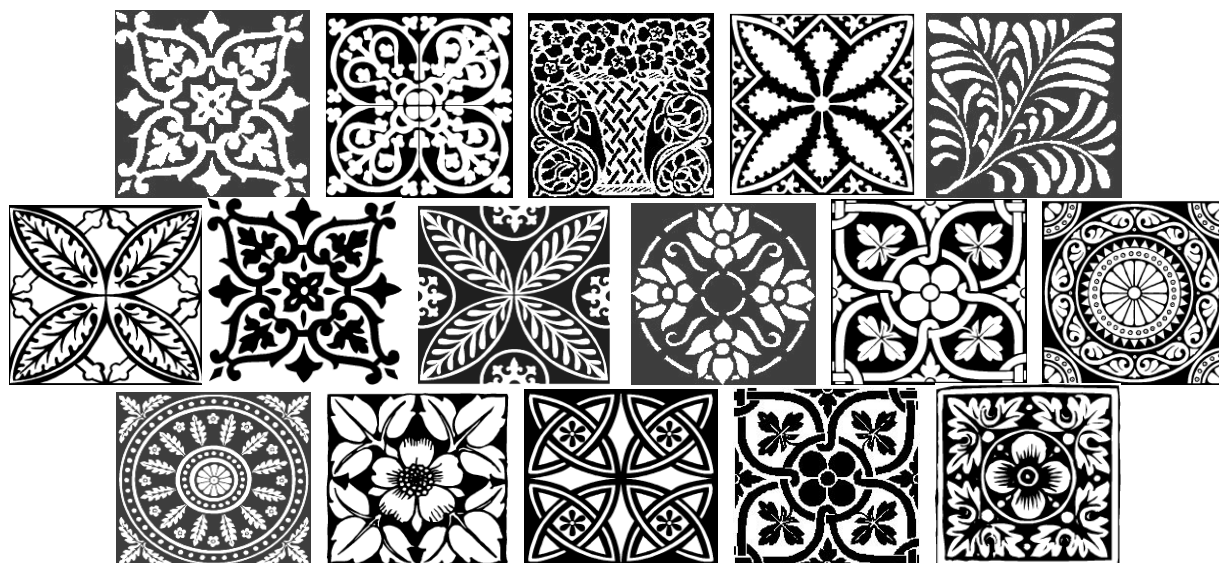
Нам явлены простые образцы,
Но не встречались на земле пока мне
Прекраснее, чем эти, изразцы.

И я гляжу на них, и очи мутны,
И часто сон смежает веки их,
И кажутся порою слишком смутны
И живопись, и графика, и стих.

Так, может быть, грядущий геометр,
Ещё не зная чисел и орбит,
На бабушкин портняжный сантиметр
С тревогой и волнением глядит.

И с каждым днём сильнее душа томится
Об острове далёком Валаам.
Мне ветер, сосны и волна морская снится,
И из олонецкого камня белый храм.

18.04.2004 г.

К.Д.Бальмонт

Из цикла «Жемчуг»

Нежный жемчуг, Маргарита, –
Как поют в испанских песнях, –
Пели ангелы на небе
В день рожденья твоего.

Пели ангелы и птицы,
И цвели в садах гвоздики,
Распускались, раскрывались
В блеске солнца чаши роз.

Оттого лицом красивым
Ты на ангелов похожа,
И уста твои – гвоздики,
Нежный голос – пенье птиц.

И мечтанья – светлый жемчуг,
Оттенённый розой алой,
И глаза твои – как небо,
Где бездонна глубина.

* * *

Отчего у Маргариты,
Как поют о том испанцы,
Снежно белые ланиты
В бледно-розовом румянце.

Как коралл алеют губы,
Лишь слегка полуоткрыты,
И белей жемчужин зубы
У прекрасной Маргариты?

Хороша лицом и телом.
Лентой волосы увиты.
Никого на свете белом
Нет прекрасней Маргариты.

Красоте души открыты,
В небе ангелы пропели –
В день рожденья Маргариты
Принести дары успели.

Эта ангельская песня
И поныне не забыта.
В мире нет тебя прелестней,
Нежный жемчуг, Маргарита!

26.09.2001 г.

Максимилиан Волошин

* * *

День морозно-сизый расцвёл и замер,
Побелело море, целуя отмель,
Всхлипывают волны, роняют брызги
Крылья тумана...
Обнимает сердце покорность. Тихо...
Мысли замирают. В саду маслина
Протягивает ветви к слепому небу
Жестом рабыни...

20 февраля 1910

* * *

Отцветает день морозно-сизый,
Море, побелев, целует скалы.
Шелестит волна. Роняют бризы
Крылья туч на отмели устало.

Мысли замерли. Вокруг затихли звуки.
На душе покой. В саду маслина
Простирает к небу свои руки,
Как рабыня к телу властелина...

27.03.2003 г.

Игорь Северянин

К В А Д Р А Т К В А Д Р А Т О В

Никогда ни о чем не хочу говорить...
О поверь! – я устал, я совсем изнемог...
Был года палачом – палачу не парить...
Точно зверь, заплутал меж поэм и тревог...

Ни о чем никогда говорить не хочу...
Я устал... О, поверь! изнемог я совсем...
Палачом был года – не парить палачу...
Заплутал, точно зверь, меж тревог и поэм...

Не хочу говорить никогда ни о чем...
Я совсем изнемог... О, поверь! я устал...
Палачу не парить!.. был года палачом...
Меж поэм и тревог, точно зверь, заплутал...

Говорить не хочу ни о чем никогда!..
Изнемог я совсем, я устал, о, поверь!..
Не парить палачу!.. палачом был года!..
Меж тревог и поэм заплутал точно зверь!..

* * *

Сочинить нипочём в цвете лет мне «квадрат»...

Получил я тогда тысяч пять, без потерь...

Заменить калачом винегрет был я рад...

Полон сил, как всегда, я опять и теперь...

Нипочём сочинить мне «квадрат» в цвете лет...

Я тогда получил, без потерь, тысяч пять...

Калачом заменить был я рад винегрет...

Как всегда, полон сил и теперь я опять...

В цвете лет мне «квадрат» нипочём сочинить...

Без потерь, тысяч пять я тогда получил...

Винегрет был я рад калачом заменить...

И опять я теперь, как всегда, полон сил...

Мне «квадрат» в цвете лет сочинить нипочём!..

Тысяч пять, без потерь, получил я тогда!..

Был я рад винегрет заменить калачом!..

И теперь я опять полон сил, как всегда!..

18.09.2003 г.

Марина Безнадежных

РАДУГА

На полях, пропитанных озоном,
Низко гнется вымокшая рожь.
Где-то далеко, за горизонтом,
Все еще идет холодный дождь.

Я иду по полевой дорожке
И смотрю до чертиков в глазах –
Радуга испуганною кошкой
Спину выгибает в небесах.

РАДУГА СКВОЗЬ СЛЁЗЫ

По полям, пропитанным навозом

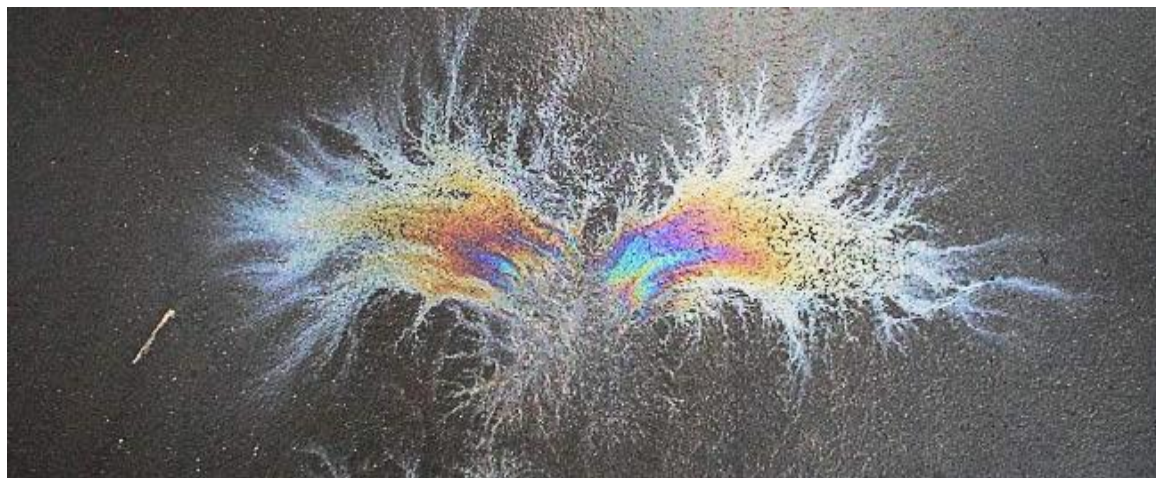
Шёл и я, когда был молодым,
А состав, влекомый паровозом,
Рядом шёл, пуская чёрный дым.

Не питая на озон надежды,
Шёл я полем сумрачный и злой –
Рожа в угле, в саже вся одежда,
А глаза засыпаны золой.

Вдруг сверкнула радуга, как кошка,
Я воспрянул духом, было, но,
Пригляделся ближе – стало тошно:
Нефтяное в лужице пятно...

Я иду с ворованной картошкой, –
Полведёрка, больше я не смог:
Мне глаза испуганною кошкой
Расцарапал паровозный смог.

01.03.2003 г.

А.К.Толстой

* * *

Дробится , и плещет, и брызжет волна

Мне в очи соленою влагой;
Недвижно на камне сию я – полна
Душа безотчетной отвагой.

Валы за валами, прибой и отбой,
И пена их гребни покрыла;
О море, кого же мне вызвать на бой,
Изведать воскресшие силы?

Почуяло сердце, что жизнь хороша,
Вы, волны, размыкали горе,
От грома и плеска проснулась душа,
Сродни ей шумящее море!

< 1858 >

* * *

Не пенится море, не плещет волна,

Деревья листьями не двинут,
На глади прозрачной царит тишина,
Как в зеркале мир опрокинут.

Сию я на камне, висят облака
Недвижные в синем просторе;
Душа безмятежна, душа глубока,
Сродни ей спокойное море.

< 1858 >

* * *

Граф, что же сродни Вашей доброй душе –
Спокойное море, иль бури?
Что ближе душе: пасторали Буше,
Иль пляски разгневанных фурий?

Граф, можно сказать, коль мы с Вами одни:
Должна же быть альтернатива,
А если и то, и другое сродни –
Двудушным быть так некрасиво!

Граф, надо бы выбрать Вам что-то одно,
Чтоб быть непохожим на флюгер,
Иначе душа тихо ляжет на дно,
Как бурей потопленный люггер.

06.03.2003 г.

А.К.Толстой

ЧУЖОЕ ГОРЕ

В лесную чащу богатырь при луне
Въезжает в блестящем уборе;
Он в остром шеломе, в кольчатой броне
И свистнул беспечно, бочась на коне:
«Какое мне дается горе!»

И едет он рысью, гремя и звеня,
Стучат лишь о корни копыты;
Вдруг с дуба к нему кто-то прыг на коня!
«Эй, кто за плечами там сел у меня?
Со мной, берегись, не шути ты!»

И щупает он у себя за спиной,
И шарит с досадой во взоре;
Но немлет ответ: «Я тебе не чужой,
Ты, чай, об усобице слышал княжой,
Везешь Ярослава ты горе!»

.....

< 1866 >

ЧУЖОЕ ГОРЁ

В лесную чащу, в золотом сентябре

Въезжает богатырь на коне,
При луне и в кольчатой броне,
В блестящем въехал уборе
И сказал: «Какое горё!»

Он рысью едет, копытами гремя
И звёня стремянами сбури,
Горё поминаючи все.
С дуба к нему в это время
Прыгнул кто-то – и на стремя.

За спиной щупает богатырь себя:
«Берегись, со мною не шутить,
и с тобою нам не по пути!»
и ответ внемлёт: «Не чужой тебе я –
Везёшь ты горё Ярослава-князя...»

Ну и так далее, как писать нельзя!..

06.03.2003 г.

А.К.Толстой

* * *

Милый друг, тебе не спится,

Душен комнат жар,
Неотвязчивый кружится
Над тобой комар.

Подойди сюда, к окошку,
Всё кругом молчит,
За оградою дорожку
Месяц серебрит.

Не скрипят в сенях ступени,
И в саду темно,
Чуть заметно в полутени
Дальнее гумно.

Встань, приют тебя со мною
Там спокойный ждёт;
Сторож там, звеня доскою,
Мимо не пройдет.

1840-е годы

Л.Н.Толстой в декабре 1876 так писал А.А.Фету об этом стихотворении:
«Толстой ужасен... Например, картина ночи: «Не скрипят в сенях ступени». Отчего же не сказано, что не хрюкают в хлеве свиньи? И всё в таком роде» (Полн. собр. Соч., т.62, М., 1953, стр.295).

* * *

Посвящается Л.Н.Толстому

Милый друг, тебе не спится,
Запотел твой лоб,
Муха над тобой кружится,
И кусает клоп.

Подойди сюда, к окошку.
Видишь тёмный воз?
Там под ним рожает кошка,
И лежит навоз.

Скрипнули в хлеву ступени,
Хрюкнула свинья.
В сад тебя из полутени
Приглашаю я.

Сторож там тебя со мною
За кустами ждёт.
Шендарахнет нас доскою,
Мимо не пройдёт.

Этот изверг с сентября сам
Трёх уже убил.
Будет целый месяц с мясом
Старый некрофил.

07.03.2003 г.

Максимилиан Волошин

* * *

Томимый снами я дремал,
Не чуя близкой непогоды;
Но грянул гром, и ветер упал,
И свет померк, и вздулись воды.

И кто-то для моих шагов
Провел невидимые тропы
По стогнам буйных городов
Объятой пламенем Европы.

Уже в петлях скрипела дверь
И в стены бил прибой с разбега,
И я, как запоздалый зверь,
Вошел последним внутрь ковчега

Август 1914
Дорнах

* * *

Томимый снами, я дремал,
А тут как раз потоп случился,
Но, к счастью, был ковчег не мал,
И Ной немного потеснился.

В ковчеге было много нас;
Иные парус натягали,
Но никого никто не пас,
И только голубей пускали...

Ещё земли печален вид,
Но наш ковчег пристал у берега,
И я, как самый поздний вид,
Последним вышел из ковчег.

Погиб и кормщик, и пловец,
И даже Ной, как ни старался,
Лишь я, таинственный певец
В пустынных берегах остался.

В Европе я по стогнам жил,
Испытывая скорбь и муку,
И кто-то камень положил
В мою протянутую руку.

Во глубине сибирских руд,
Гонимый вешними лучами,
Я стал писать свой скорбный труд
Глухими тёмными ночами.

Уже в полях белеет снег,
А время в стены бьёт с разбега, –
Глаголом хочет сжечь ковчег
И занести холодным снегом.

29.03.2003 г.

Марина Безнадежных

* * *

Как затих сверчок в подъезде –

Сразу мама стала строже,
Сразу снег на землю выпал,
Сразу день короче стал...

Говорят, зима настала...
И зима настала тоже –
Но она настала все же,
Лишь сверчок сверчать устал!..

Г И М Н Б Е З Н А Д Ё Ж Н Ы Х

Как Союз наш развалился –
Сразу жизнь стала строже,
Сразу люди подурнели,
Сразу лёг на душу груз...

Говорят, хана настала...
И хана настала тоже –
Но она настала всё же,
Лишь распался наш Союз!..

29.03.2003 г.

Осип Мандельштам

* * *

В огромном омуте прозрачно и темно,
И темное окно белеет.
А сердце, отчего так медленно оно
И так упорно тяжелеет?

То всю тяжестью оно идет ко дну,
Соскучившись по милом иле,
То, как соломинка, минуя глубину,
Наверх всплывает без усилий.

С притворной нежностью у изголовья стой
И сам себя всю жизнь баюкай,
Как небылицею, своей томись тоской
И ласков будь с надменной скукой.

1910

ПРОФИЛАКТИКА СТЕНОКАРДИИ

Любой читатель страстно пожалеет
Писателя, поэта, или барда,
Чьё сердце так упорно тяжелеет, –
Ведь это ожиренье миокарда!

Попробуй бег трусцой и терренкуры,
Солёного и острого – поменьше,
Устраивай пореже перекуры,
И выпивки в кругу любимых женщин.

Стоять с притворной нежностью не стоит
У изголовья дружащих со скукой,
Питайся реже жирной колбасою
И поглубже будь с надменной сукой.

29.04.2003 г.

А. Дельвиг

РОМАНС

Только узнал я тебя –
И трепетом сладким впервые
Сердце забилося во мне.

Сжала ты руку мою –
И жизнь, и все радости жизни
В жертву тебе я принес.

Ты мне сказала «люблю» -
И чистая радость слетела
В мрачную душу мою.

Молча гляжу на тебя, –
Нет слова все муки, все счастье
Выразить страсти моей.

Каждую светлую мысль,
Высокое каждое чувство
Ты зарождаешь в душе.

1823

Р О М А Н – С

Только узнал я тебя –
И с трепетом сладким впервые
Ты сжала рукой мою выю.
Позже я понял : любя.

Сердце забилося моё –
Так я от любви задыхался,
И тут же тебе в ней признался.
Позже я понял: враньё.

Ты мне сказала: «Мой друг!»
И чистая радость слетела
С души моей прямо на тело.
Позже я понял: каюк.

Надо идти под венец.
В душе моей мрачной уныло,
И шея болезненно ныла.
Позже я понял: конец.

Вот ведь случается как –
Нет слов, чтобы выразить муки,
Но нету и сил для разлуки.
Позже я понял: дурак.

15.05.2003 г.

Алла Коркина

* * *

Я хочу не выделиться – слиться
с грозовой душой родных небес,
утренним нарядным синим ситцем,
с лесом гордым – чудом из чудес.
Может быть, рябина заревая –
это сердце алое мое
и горит, никак не отгорая,
освещая стылое жнивье.

* * *

Мне б хотелось, словно в русской сказке,
Пеньем жаворонка в синем небе стать,
Чтоб свои голосовые связки
Стылому жнивью сполна отдать.

Я хочу стать белым от мороза,
И покрыть луга и берега.
Может, эта белая берёза –
Не полено, а моя нога?

Пусть горят, никак не отгорая,
Как лучина, пальцы на ноге,
Комель-голень ярко освещая,
Свечкой в именинном пироге.

Может быть и заливное с хреном –
Это из моих, простите, ног?
И лежит на блюде с лёгким креном
С аллой коркиной и мой румяный бок?

04.05.2002 г.

Борис Пастернак

* * *

Любить иных тяжелый крест,
А ты прекрасна без извилин,
И прелести твоей секрет
Разгадке жизни равносилен.

Весною слышен шорох снов
И шелест новостей и истин.
Ты из семьи таких основ.
Твой смысл, как воздух, бескорыстен.

Легко проснуться и прозреть,
Словесный сор из сердца вытрясть
И жить, не засоряясь впредь.
Все это – небольшая хитрость.

* * *

Любить иных тяжёлый крест?

Мне эта гнома неизвестна –
Из тысяч редкостных невест
Прекрасней всех моя невеста.

Сказал я ей: «Ты мне близка,
Любить тебя – удел высокий.
И не прозрела ты пока,
Что «близкий» – значит «недалёкий».

Я прелести твоей секрет
Постиг под шорох слов и песен:
В тебе ни капли смысла нет,
Твой смысл, как воздух, бестелесен.

И, как сказал один поэт,
Который был любвеобилен,
Да, «ты прекрасна, спору нет»,
Но только жаль, что без извилин...»

05.05.2002 г.

Василий Казин

О Ж И Д А Н И Е

Я ждала тебя, любимый,
Все глаза влила в окно.
Ой, и длинен, длинен день неугасимый,
Огневое, золотое волокно!
Издали клубился, вился дым из труб.
Мнилось – не ко мне ли торопился
Твой волнистый темный чуб?
И томленью, нетерпенью слуха
Было слышно, как у двери,
Вся напряжена,
Глухо
Переминалась тишина.
И тянулась нудная обуза.
Вдруг – и синевы края...
Ближе... блуза... чья-то блуза...
Синяя... Твоя! Твоя!
Дверь шушукнула, – и как во сне я
Сладко затуманилась в сиянье дня.
Подошёл... прильнул и ну, синяя,
Обнимать и обнимать меня...
Обнимал ты... И со страстью жадной
Я взглянула на тебя, и – ах!
Ах, и как я обозналась, ненаглядный,
Это вечер обнимал меня впотьмах!

ДОЖДАЛАСЬ

Я ждала тебя, любимый –

Все глаза влила в окно.
Длинен день неугасимый,
Но без глаз весьма темно.

Наконец-то слышу, милый,
Ноги трёшь о половики.
Дверь внезапно отворила
И тебе на шею – прыг!

Ты прильнул ко мне так жарко –
Жарче не было и нет.
Обнимаешь пылко... Жалко:
Я пощупала – сосед!

05.05.2002 г.

Александр Твердохлеб

ПОДСНЕЖНИК

В потресканном горшке старушечьих ладоней,
Чью глину обжигал мороз и суховей,
В чьих темных письменах загадки долгой доли,
Прекраснее легенд, латыни тяжелей.

В потресканном горшке, что был кувшином прежде
И вазой дорогой на свадебном столе,
Синеет светлячок единственной надежды –
Еще одну весну остаться на земле.

С В Е Т Л Я Ч О К

В кривых моих руках, синюшных от мороза,
И в струпьях цыпок, и набухших вен,
Что стали трескаться от авитаминоза,
Страшней, чем тлен, или японский плен.

В кривых моих руках, что белы были прежде,
Как мрамор, или, может быть, как мел,
Потресканный горшок, в котором без надежды
Подснежник так галантно розовел.

08.05.2002 г.

Глеб Горбовский

С Л О В О

Как будто муха в янтаре
нетленно слово,
исторгнутое на заре
пути людского.

Скульптура мысли! На ветрах
событий встречных
не обратилось слово в прах,
шагнуло в вечность.

Германцев, русичей, монгол,
всех душ скопление
хранит не пуля, но – глагол! –
от истребления.

Иной народ возник и сник,
как непогода,
но бродит по миру язык
того народа.

Стучится посохом сухим
в страну-обитель,
но притворяется глухим
дней новых житель.

С Л О В А

Как в янтаре прилипший мух,
Слова нетленны,
Пока не обратились в пух
И хлопья пены.

Как много на Руси глагол,
Союз, наречий –
Всего их десять знал монгол,
Все части речи.

Один поэт монгол пугать
Стал без рефлексий:
Он перестал употреблять
Противных флексий.

И прошептал: «Наверно, псих...»
Монгол монгольше.
А ты, поэт, хороших стих
Пиши побольше!

Скульптуру мысли не ваяй
Путём резекций,
А исправляй «шалай-валяй»
Путём коррекций.

15.05.2002 г.

Леонид Губанов

* * *

На четвёртом этаже у молвы
две гвоздики, словно алые девочки...
А в бинокль все глядят топоры
и идут мои стихи по стеночке!

На четвёртом этаже спит жена,
сны танцуют по лицу ее белому.
На том свете тишина, тишина,
лишь покачивает шхуну у берега!..

* * *

На четвертом этаже кобели
И коты уже ступеньки украсили.
Стены жёлтые – бели, не бели –
На полметра все расписаны Васями.

На четвертом этаже спит жена,
В бигуди уже и кремом намазана.
На девятом своим храпом слышна –
Скоро будет в Интернете показана.

На четвертом этаже эта же
Этажерка и лежак, как на пляжике,
И мужик уже совсем неглиже,
И фужер и бланманже на трельяжике.

17.01.2002 г.

Александр Солодовников

* * *

Вижу ризы Богородицы
В озареньи дня нездешнего,
Мне, нечистому, доводится
Подышать от вечно-вешнего.

В сладком ветре лоб и волосы,
И глаза блестят, омытые,
Где-то плещут звуки Голоса,
Тайные и позабытые.

Дух мой жадно пьет от вечности,
Тает тело невесомое.
Впредь не буду жить в беспечности,
Обращу ТУДА лицо мое.

* * *

Подышал от вечно-вешнего –
Меж рогами шерсть шевелится.
Этим запахом нездешнего
Кое-кто со мною делится.

Впредь не буду жить в беспечности, –
Нюхать «Бленд-А-мед» с «Рексоною».
Ведь мои, пардон, конечности
Пахнут собственной персоною.

Пахнет серой шерсть мохнатая,
Ключьями висят невымытыми.
Вижу ярого фаната я,
Жупел шевеля копытами.

Любим мы варить до мягкости,
Иль поджаривать виновников.
Мне, нечистому, напакостил
Александр Солодовников.

02.02.2002 г.

Елена Исаева

* * *

«Эта встреча случайна...»

Мне пластинка твердит в назиданье.
Я лежу на тахте, отвернувшись к стене.
И во мне происходит страданье.

Хоть до смерти ты музыкой душу триви,
Здесь никто не подскажет решенья.
Да поможет нам Бог дострадать до любви
И доплакаться до утешенья...

* * *

У меня иногда, отвернувшись к стене,
На тахте наступает лежанье.
А на левом боку, что резонно вполне,
И во мне происходит страданье.

По причине травления нежной души
В дискотеке тяжёлым хард-роком,
У меня и случилось лежанье в тиши
И смотренье в пространство оком.

Боже правый, создай вспоможенье тому,
Чтоб возникла подсказка решенья,
Как бы мне самому, и притом одному,
Дорыдаться до слов утешенья.

Происходит желанье того, чтобы вновь
Назидательно, строго, печально
Диск-жокей произвёл говорение слов:
– Для души: «Эта встреча случайна...»

03.02.2002 г.

Елена Исаева

* * *

В старых ящиках стола мысли
Запылились и пришли в небрежность.
Я люблю читать твои письма,
Потому что в них звучит нежность.

И шуршат страницы, как листья.
Останавливается полночь.
Я люблю читать твои письма,
Потому что в них слышна горечь.

Словно по снегу хвостом лисьим,
Снова сердце теплотой ранить.
В ненаписанных твоих письмах
Всё еще живет моя память.

* * *

Я недавно заглянул в ящик.

Там валяются твои письма.
Надо было мне писать чаще,
Хоть и так уже послал тыщи.

Ты ответила на треть с гаком.
Для кого-нибудь и треть – мало.
Ты писала бы мне фиг с маком,
Если б знала, что со мной стало.

Я сегодня до зари встану,
От конвертов отлеплю марки,
Их на рынке продавать стану,
А на выручку куплю «Старки».

Строчки адреса идут ровно,
Словно по снегу хвостом лисьим.
За границую теперь Ровно.
Надо б как-нибудь прочесть письма.

03.02.2002 г.

Андрей Мурай

ЛЮТИКИ - ЦВЕТОЧКИ

Я носил на свидание ландыши
(За полтинник – большой букет)
Юрий Поляков

В соответствии с личными планами

Я цветами её покорял.
Поначалу пытался тюльпанами
(На базаре пятёрку отдал).
После этого пышными астрами
(Тут и вовсе в червонец влетел).
Но остались попытки напрасными –
Не случилось того, что хотел.
Взял тогда я пяточек пионов
(Удалось сторговать по рублю),
Приосанился, отдал с поклоном
И, вдобавок, сказал, что люблю.
Но она (для меня дорогая)
Перестала встречаться со мной.
В потолок я смотрел не мигая –
Понапрасну пропал четвертной.

ПЯТЁРЧКИ – ЗАНАЧКИ

Я со школы силён в арифметике –

Это вам не французский язык:
Не шерше я ля фам, и к косметике,
Виноват, до сих пор не привык.
А тюльпаны, пионы и астры я,
Хоть купить их мне не по плечу, –
Я миллионов, увы, не грабастаю, –
Но от лютиков я отличу.
Я сложил все затраты Мураевы.
Получилось лишь двадцать рублей.
И послали его, дорогая, вы
Поделом – ненадёжен Андрей.
Ведь Андрюша, мечтая о бутике,
Называл вас своей дорогой,
А пятёрку, потратив на лютики,
Подарил накануне другой.

04.02.2002 г.

Анатолий Жигулин

НАСТРОЕНИЕ

Обложили , как волка флажками,
И загнали в холодный овраг.
И зари желтоватое пламя
Отразилось на черных стволах.

Я, конечно, совсем не беспечен.
Жалко жизни и песни в былом.
Но удел мой прекрасен и вечен –
Всё равно я пойду напролом.

Вон и егерь застыл в карауле.
Вот и горечь последних минут.
Что мне пули? Обычные пули.
Эти пули меня не убьют.

* * *

Я стою , Анатолий Жигулин.

Предо мной бритолобый жиган.
Что мне пули? Обычные пули.
На меня ему нужен жакан.

Но взглянул я на мушку на кольте
И увидел дорожку в Тартар.
– Что вам нужно? Ах, денег? Извольте! –
И я отдал ему гонорар.

– Это всё? – Он весьма удивился
И зачем-то в карман свой полез, –
На, Толян! Чтоб сегодня напился!
Нет? Тогда хоть купи «мерседес»!

18.03.2002 г.

Яков Козловский

* * *

Ведь мы его того-с...
Навозом...

Есенин

Запах речки под горою,
Осмолившихся стволов,
Запах летнею порою
Свежевымытых полов.

Запах конского навоза.
Запах отчего жилья,
Принесённого с мороза,
Запах звонкого белья.

Запах меда и полыни,
Запах сена на лугу
Мне всё чаще снится ныне
На асфальтовом кругу.

* * *

Запах мяты и ромашки,
И полыни по росе,
Запах Бобика какашки,
Запах Бобика per se.

Запах птичьего помёта
И лежалого сенца,
Перегноя, перемёта,
И онучи у крыльца.

Запах мышек и мормышек,
Запах кирзовых сапог,
Запах пота и подмышек,
И давно не мытых ног.

Запах просто туалета,
Запах сбруи и вожжей,
И того же туалета,
Если бросить внутрь дрожжей.

Запах конского навоза,
Осмолённого бревна,
Принесённого с мороза,
И коровьего говна.

Запах борова Бориски,
Запах воблы и леща,
Запах пива и сосиски,
И столовского борща.

Запах, как от кобылицы,
Запах, словно от коня...

Просто я забыл помыться –
Это запах от меня!

28.03.2002 г.

Александр Говоров

* * *

Ночь. И туман. И кони.

Белые, как во сне.
Я подставлял ладони —
В ладони дышали мне.

Воздух клубился теплый,
Взвенивал костерок.
И среди них был мокрый,
Снежный стригунок.

Луг выплывал, расплывался.
Веял снами урман.
Волнами волновался,
Вольно волнуясь, туман.

Я подставлял ладони
Коням и тишине.
Ночь. И туман. И кони,
Белые, как во сне.

* * *

Ночь. И туман. И кони.

Взвняивала ураса.
Тонкий, как шрифт бодони,
Сонный урман поднялся.

Турма коней шныряла.
Взванивала урема.
В фурмах печных Урала
Рало сходило с ума.

Лук с чесноком расплылся.
Взвинивала ураза.
Луг колпаком накрылся –
Грозно грозила гроза.

Ночь. Тишина. И пони
Взвонивали в тишине.
Я подставлял ладони –
Шлёп! – что-то на руку мне...

28.03.2002 г.

Сергей Смирнов

РАЗДУМЬЕ ВСЛУХ

Поэт иметь обязан почерк.

Иметь
 особинку строки,
Где хмель и дух весенних почек
Бушуют, стуже вопреки.

Поэт отграничивает слово,
Где время светится до дна,
Где не смолкает гул былого
И даль грядущего видна.

Поэт – пророчество
 и веха,
И ширь, по самый окоём,
Он – луч,
 он – зов
 и стержень века
В духовном облике своём.

Поэт – общение с целым светом,
Сегодня больше, чем вчера.
А кто не думает об этом,
Тому
 задуматься пора.

РАЗДУМЬЯ ПРО СЕБЯ

Поэт иметь обязан почерк.

Иметь
 особинку строки,
У пародиста в этом – прочерк:
Оригинальность не с руки.

Поэт отграничивает слово,
Где время светится до дна,
А пародист – на всём готовом –
Тут имитация одна.

Поэт – пророчество
 и веха,
И ширь, по самый окоём,
А пародист – одна помеха
В убогом творчестве своём.

Поэт – общенье с целым светом,
Сегодня больше, чем вчера.
У пародиста – лишь с поэтом
Общенье – экая мура!

29.03.2002 г.

Владимир Соколов

О С Н Е Г Е

Доре Боневой,
болгарской художнице

«**Ещё** в полях белеет снег» —
Заметил гениальный Тютчев...
А мне последних хлопьев бег
Всю душу вымотал, наскучив.

Уже смеются надо мной,
Подсчитывая, сколько строчек
Забил я снежной белизной
И синевой, без проволочек.

Постой, не смейся, подожди,
Не утруждай косые взгляды,
Я скоро выйду на дожди,
На листопады, звездопады.

...Дождь моросил, а не хлестал.
Тянулась серая погода.
И стало так — что снег восстал,
Как время и души и года.

Он заглушил собой ручей,
Незаселённый город строил.
Он был пустой, он был ничей,
И я себе его присвоил.

* * *

Мне будет вечно сниться дождь
И шум листвы у изголовья...
.....

* * *

«**Ещё** земли печален вид...» –
Заметил Тютчев гениальный –
Угрюмый, грустный и печальный.
Наверно, что-нибудь болит.

«Мне будет вечно сниться дождь...» –
Признался Соколов Владимир.
Бедняжка... Скоро пропадёшь –
С дождюк и динозавр вымер!

«На вздор и шалости ты хват...» –
Поэт Булгакову навесил.
Булгаков был не виноват –
В тот день был Лермонтов невесел.

«Не ветер, вея с высоты...» –
Черкнул чудесные стихи граф
Толстой, а что напишешь ты,
Чтоб кто-нибудь тебя в эпитаф?..

«Какая ночь! Я не могу...» –
Заснуть, имел в виду Есенин.
Своею резвостью осенней
Жаль, я ему не помогу...

«На что, скажите, нет стихов?» –
Так начал Курочкин в «Скандале»,
А много раньше Мерзляков.
Надеюсь, вы его читали?

«В Тобол течёт река Тавда...» –
Строка безвестного поэта.
Вы знаете его? Нет? Да?
Коль да, спасибо вам за это!

30.03.2002 г.

Евгений Винокуров

НАЧИНАЮЩИЙ

О, знал бы я...
Б.П.

Среди всех невозможных профессий
я одну до конца не пойму:
подниматься в простор поднебесий
и срываться в бездонную тьму.
Легкость чувствуя в праздничном теле,
то вдруг в пропасть, а то в облака!..
Сколько шаткие эти качели
замотали вконец
за века...
Сколько в небо взлетевших не стало,
сколько нет, угодивших в провал,
не дождавшихся ни пьедестала,
ни оваций и ни похвал!..
Не пойму:
почему же украдкой,
не предвидя ужасный конец,
с крепко стиснутой в пальцах
тетradкой
вновь стучит
в мои двери
юнец.

ПРОДОЛЖАЮЩИЙ

Не пойму:
Е.В.

Про Приама, Елену, Париса
Написал на досуге стихи,
И спросил Пастернака Бориса –
Хороши они, или плохи?

Он ответил: «О, знал бы я...» Горе!
Я-то думал неплохо о нём.
Значит правы приятели, Борю
Называя арабским конём.

Засосала поэта стихия –
Видно, Нобель мозоль отдал. ¹
Переделал немного стихи я
И Е.В. от души посвятил.

В свете скромных моих достижений
К Пастернаку уже не пойдёшь.
Я схожу к Винокурову Жене –
Может он на коня не похож?

31.03.2002 г.

Марк Лисянский

ЛЮБУЮСЬ

Хочу, друзья мои, признаться,
Что я люблю на склоне дня
Своим трудом полюбоваться,
Когда он радует меня.

Любуюсь, скинув с плеч рубаху,
Чуть охладив рабочий пыл,
Простым гвоздём, который с маху
Одним ударом вколотил.

Любуюсь струганной доскою,
Рубанок мой держа в руке,
Любуюсь точною строкою,
Впритирку пригнанной к строке.

Я говорю себе при этом,
Я говорю другим всегда:
В любой работе будь поэтом
Во славу общего труда.

Но чтоб собой не упиваться,
Умей, признанья не тая,
Чужой работой любоваться,
Как будто бы она твоя.

П Р И З Н А Ю С Ь

Хочу, друзья мои, признаться –
Я замечательный поэт,
И вовсе не боюсь зазнаться
На склоне поэтичных лет.

Любуюсь точною строкою
И рифмою «всегда» – «труда»,
Я спрашиваю вас с тоскою:
Что будет с лирикой, когда

Уйду я в ореоле славы
Строгать и гвозди забивать?
Погибнет лирика? Вы правы,
Меня не надо забывать!

Во мне всё крепнет убеждение –
Я вытащил счастливый фант:
Талантлив я почти с рожденья,
Мой дар – божественный талант!

И этот дар – не конь троянский,
Но как жалею я, друзья ,
Что «Ай да сукин сын, Лисянский!»
Сказал сам про себя не я...

02.04.2002 г.

Виктор Боков

ПО ЦЕЛИНЕ

Зима такая добрая и нежная,
Морозы в меру, оттепелей нет.
Как белая страница, поле снежное
Зовёт меня шагнуть через кювет.

Иду по целине, сороки в сторону,
От зимней тишины звенит висок,
И поезду заснеженному скорому
Машу рукой, а он дает свисток.

Так на Руси в сердцах живёт братание,
Так друг за друга держится народ.
И куст калины говорит: – Глотай меня!.. –
И горечь ягод силы придаёт!

* * *

Сегодня рифма у меня не клеится –
Страница белая, как поле в феврале,
И силы нет, и не на что надеяться.
«Тойоту» б мне, хотя бы «Шевроле»,

Но эти, в думе, – так налог повысили,
Что я пешком шагнул через кювет.
Сороки в сторону, вороны – тоже, высями.
Найду я нынче рифму, или нет?

Мне куст калины говорит: – «Глотай меня!..» –
– Пошёл ты, – говорю, – сперва поспей! –
Кто варит сталь, кто ловит в речке тайменя,
Я – целиной чешу среди степей,

И поезду заснеженному скорому
Махнул рукой и дал ему свистка,
А машинист сказало чём-то в сторону
И пальцем покрутил возле виска.

02.04.2002 г.

Анатолий Князев

* * *

Сельский клуб в отдаленной деревне.

Возле двери соломы стожок...
Там колхозница Дарья Андревна
Записаться решила в кружок.

Всё смущалась она да робела,
Да смотрела куда-то в окно...
А когда потихоньку запела,
Стало в домике тесном светло.

Стала шире забытая тропка
Для парней и весёлых подруг,
И девчата смущенно и робко
Потянулись в наш маленький клуб.

И застыла у серого сруба
Восхищенная бабка с козой.
И глаза у седого завклуба
Затянуло нежданной слезой.

* * *

Сельский клуб в отдалённой деревне –

Восемнадцатый двор от угла.
Вы скажите нам, Дарья Андревна,
Ну, и где же вы раньше была?

Всё смущалась, краснела, робела
И смотрела в туманную даль,
И свеча на столе догорела,
А запела – заплакал февраль.

Однозвучно звенел её голос,
Колокольчиком тая в тиши,
И она (тишина) раскололась
В деревенской кондовой глуши.

В Киржаче дискотеки закрылись,
Малый в Пензе гастроль отменил,
Люди в залу и сени набились.
Голос Дарьи Андреевны плыл...

И коза у соседнего сруба
В восхищенье прикрыла глаза,
А на очи седого завклуба
Набежала, как искра, слеза.

04.04.2002 г.

Анатолий Князев

К Е П К А

Сидит осанисто и крепко,
Шальным не сдует ветерком –
Мне по душе простая кепка.
Простая кепка с козырьком.

Она приятна мне – не скрою,
Что суетливо не ярка...
Удобна простотой покроя
И прямою козырька

Добротный драп – надежней фетра,
Ведь в этом убедились вы...
Ее лихим порывом ветра
У вас не сдует с головы.

Убор не броский не для франтов,
Рабочей чести естество...
Не зря в колоннах демонстрантов
Подобных кепок – большинство.

* * *

Я не носил треух, кубанку,
Берет, цилиндр, шапокляк,
Нечасто надевал ушанку,
А вот без кепки – ну никак!

Её и Анатолий Князев
В своих стихах благословлял,
И сам Климентий Тимирязев
Раз восемь в поле надевал.

Она от солнца защищает,
И от дождя, когда гроза.
За нею кое-кто скрывает
Свой узкий лоб, или глаза.

Да, носит франт не кепку, – кепи.
А вот грузин – «аэродром»,
Меладзе, например, в том клипе...
А, впрочем, я забыл в каком.

Как хорошо надеть на репку
И сдвинуть козырёк на фланг!
Недаром же носили кепку
И Ленин, и Лужков, и Ланг.

04.04.2002 г.

Татьяна Буренина

* * *

Повилика, повилика,
Мое горе невелико –
Слез не лей.
На поляне у осины
Пропадает земляника,
Плач по ней.
Ее тонкие листочки
Ягод алые комочки –
Все тебе,
А к моей некруглой дате
И в душе хватает вмятин,
И в судьбе.
Я присяду у тропинки,
Отогну к земле травинки –
Не спасти,
Повилика, повилика,
Мое горе невелико –
Не снести.

* * *

Повилика , повилика,
Моё горе невелико –
С гулькин кол.
У осинки на полянке
Поиграла в дочки-мамки –
И прокол.
Мне двенадцатый годочек,
Заведу-ка пару дочек
И сынка.
Папа даст совет мне, знаю,
Мама – каши, хлеба, чаю
И пинка.
Я горю от отвращения,
Я такого обращенья
Не снесла.
Повилика, повилика,
Моё горе невелико –
Понесла.

05.04.2002 г.

Андрей Кульба

* * *

Лучше пить тихой сапой и просто сидеть у реки
С батлом чёрного неба и небом, вокруг отражённым,
Без очков все едино – туманности, листья, плевки –
Всё смешалось в движении тёмном, беспенном, бездонном.

Только видишь, как меркнет, и слышишь, как тает вода
Как становится небом и нашим дыханием дышит,
Как сжимается в капли на гальке, а ночью – в кристаллики льда,
И бормочет, бормочет, а что – и сама не расслышит.

* * *

Тихой сапой полбанки раздавишь, наешься ухи,
Вслед за первой – вторую полбанки допьёшь тихой сапой
После третьей обычно мы с музой рожаем стихи –
Муза мамой становится, я, разумеется, папой.

Среди рыбьих кишок, пузырей, чешуи и плекков
Муза тоже лежит без очков и затравленно дышит,
Видит батлы небес, видит патлы хмельных рыбаков
И бормочет, бормочет, а что – и сама не расслышит.

08.06.2001 г.

Нина Краснова

БЛАГОДАРНОСТЬ

Моей маме
Красновой Марии Петровне

Не знаю я, какая мне цена-то.
По гонорарам судя – медный грош.
Нет у меня, к несчастью, мецената.
Живи, поэт, твори поэт, как хошь.

Где добрый толстосум Морозов Савва?
Нет у меня его, но мама, мама есть!
Спасительница! Честь тебе и слава!
Есть у меня в кармане, чем потресть,

И есть, на что купить в универмаге
(Да не покажется мечта моя мелка)
простых карандашей, стержней, бумаги,
ну а в продмаге – хлеба, молока...

БЛАГОДАРНОСТЬ

Поэтессе
Красновой Нине

Живёшь, не тужишь, хоть и мелкогато –
Поел, попил, немножечко поспал...
Взбодриться нечем. Водка дорога-то.
От пива пухнешь. Чай поганый стал.

А хочется чего-нибудь такого,
Чтоб потрясло – не на год, хоть на час.
И вдруг, за неимением другого
На стих упал мой изощрённый глаз.

Спасительница! Ниночка Краснова,
Спасибо вам, хвала, хвала и честь!
Своею «Благодарностью» вы снова
Смогли меня на старости потресть!

01.08.2001 г.

Анатолий Демьянов

* * *

На численнике эта

Примета, как росток:
Сегодня прибыль света
На воробьиный скок.

Сегодня убыль мрака,
Сегодня гинет тьма...
Зима по буеракам
Набила закрома.

Пурга в шубейке углой
Скулит нехорошо,
Но год уже на утро –
Не на вечер пошёл!

И свету первый друже,
Забот хватив с лихвой,
Все скок да скок по лужам
Воробыш пуховой.

По снеговой купели,
К сосулькам, что гроздьми –
До первой до капли...
А там его – возьми!

* * *

Метель скулит прегадко

Без шапы и перчат,
И, как после припадка,
Вихры её торчат.

Но численник приметом
Нас радует весьма –
Обычно перед летом
Предшествует весна.

Её примет я вижу
Открытыми глазами –
Весна всё ближе, ближе
При этом, чёрт возьми!

Воробыш скок по луже,
А крылыш не махал.
На камуш прыг от стужи –
Простуженный нахал.

Сидела кошь на крыше.
Воробыша спасу ль?
А под застрех, где тише –
Гроздьми висит сосуль.

Сегодня прибыль света,
Сегодня гинет мрак!
А под крыльцом на это
Разгавкался собак.

Ура! Спасён Воробыш
От жутких перемен...
– Толян, а шо ты робишь? –
– Пишу стихотворен!

02.08.2001 г.

*К.Д.Б*альмонт

В Л А Г А

С лодки скользнуло весло.
Ласково млеет прохлада.
«Милый! Мой милый!» – Светло,
Сладко от беглого взгляда.

Лебедь уплыл в полумглу,
Вдаль, под луною белея.
Ластятся волны к веслу,
Ластится к влаге лилея.

Слухом невольно ловлю
Лепет зеркального лона.
«Милый! Мой милый! Люблю!...»
Полночь глядит с небосклона.

Б Л А Г О

Скошки скакнула блоха,
Благо, близ бока бульдога –
Повод к созданию стиха.
Тема – совсем не убога.

Был благороден бульдог –
Благо, он выкусил блошку,
А не сожрал, хоть и мог,
Эту блохастую кошку.

Бедная крошка-блоха,
Благо, погибла мгновенно,
Став героиней стиха.
Жертвенность – благословенна!

16.09.2001 г.

Сергей Агальцов

* * *

К вокзалу этому привыкший,
В счастливый миг, когда-нибудь,
На электричке, что до Икши,
Весь мир любя, отправлюсь в путь.

Во мгле вечерней бойко, быстро
Помчит меня электровоз,
О рельсы высекая искры,
Среди мерцающих берёз.

И я, к стеклу прильнув удобней,
Увижу первую звезду,
Большое небо. А под Лобней,
Чтоб видеть мир ночной подробней,
В снега зыбучие сойду
Сверкающего Подмосковья –
И зазвучит в груди сильней:
Оно душою стало, кровью,
Твоей тревогою, любовью,
И – надо же! –
судьбой твоей.

* * *

К вокзалу этому привыкший,
Пишу Министру МПС
О том, зачем я возле Икши
Недавно с электрички слез.

«Во мгле вечерней бойко, быстро
Меня помчал электровоз,
О рельсы высекая искры
Среди мерцающих берёз.

А я, к стеклу прильнув удобней,
Увидел не огни Стожар,
А разгоревшийся под Лобней
Вновь вспыхнувший лесной пожар.

«В снега зыбучие сойду я, –
Решил я, – чтобы не сгореть».
А подмосковный ветер, дуя,
Не дал мне, к счастью, угореть.

И я с тревогой и любовью
Прошу Вас, господин Министр:
Пусть поезда по Подмоскovie
Из рельс не высекают искр!»

02.12.2001 г.

Ирина Знаменская

* * *

Сирень,

Ты в талии полна,
Ты тяжела и полногруда,
И на груди твоей – луна –
И чуть заметна амплитуда.

Ты – собеседница из тех,
Кто, сам не проявляя рвения,
Молчаньем долгим вводит в грех
Безудержного откровенья.

Ты сумеречна, точно страсть,
Что сталь туманом разъедает –
И хочется лицом припасть,
Пока никто не наблюдает.

Пока от сна не отошли,
Тая иронии уколы,
Сластолюбивые шмели
И прагматические пчёлы.

* * *

Сирень, ты в талии полна
При минимальной амплитуде,
И экзотична кривизна
Твоей параболичной груди.

Тетраэдры твоих ресниц
Интерферентны и цикличны.
Шмели и пчёлы пали ниц,
Так как без меры прагматичны.

Альбеде так себе, зато –
Какие модульные бёдра!
И хлорофилл в твоём манто
Вполне диффузен, если ведро.

Ты генерируешь лептон
Гиперболическою дозой,
Хоть хвастаться и моветон
Своей танинной целлюлозой.

Листва из-за адиабат
Вычерчивает эвольвенты.
Пентаэдры твои едят
Перед экзаменом студенты.

Твой имидж – всем другим урок,
Ведь только он и помогает,
И хочется нажраться впрок,
Пока никто не наблюдает.

05.12.2001 г.

Лариса Тараканова

* * *

О чистота , куда ты делась,
И нынче как тебя назвать?

Любимый, я уже разделась.
Мне больше нечего скрывать.

Да, не красавица с обложки,
Простая, как миллионы тел.
На мне лишь мамины серёжки.
Скажи, ты этого хотел?

Я свой позор терпеньем множу.
Я понимаю – мой удел
Служить бесчувственному ложу.
И с платьем я сдираю кожу.
Скажи, ты этого хотел?

* * *

«**O**, **имидж** мой, куда ты делся?

Родная, я уже разделся
И плюхнулся в кровать.

Да, не красавец из журнала, –
Таких, как я, увы, немало,
Мне нечего скрывать!

Скажи, ты этого хотела?»
Родная строго поглядела
И, вдруг, с катушек – брык! –

Поскольку снял я со штанами
(Но это строго между нами)
Глаз, челюсть и парик.

29.12.2001 г.

Неизвестный поэт военного времени

* * *

Мой товарищ в смертельной агонии,
Не зови ты на помощь друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над горячею раной твоей.

И не плачь, не скули, словно маленький.
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай-ка лучше сниму с тебя валенки, —
Мне ещё воевать предстоит.

* * *

Мой товарищ в смертельной агонии

Не кричал и на помощь не звал.
Свои красные помню ладони я,
Когда кишки ему заправлял!

Я шинель на него свою скинул,
А чтоб валенки кто не упёр,
Автомат к нему ближе подвинул, –
Мало что, вдруг какой мародёр?

В медсанбате – задело шрапнелью –
Я услышал нехитрый рассказ:
Он спасён был второю шинелью.
На морозе б он быстро угас.

31.12.2001 г.

Николай Глазков

ДРУГУ ИЗ ПОЭТОГРАДА

Ты пишешь очень много дряни:

Лишь полуфабрикат – руду,
Но ты прекрасен, несмотря ни
На какую ерунду.

В рубцах твоих стихов раненья,
Которые в огне атак.
А те, кто лучше и ровнее,
Писать не выучатся так.

У них стихи круглы и дуты,
Хоть и металл, а не руда,
И никакие институты
Им не помогут никогда.

ПИСЬМО ДРУГУ

Тебе не скрыться от погони
Хоть ты ни в чём не виноват.
Увы, чему бывать, того не
Миновать.

Твои стихи кровоточащи,
Как дыры от немецких пуль,
И так звучащи, словно в чаще
Вот-вот отдаст концы бюль-бюль.

Твои стихи от крови скользки,
Которые в огне атак.
Ни Тихонов, ни Антокольский
Писать не выучатся так.

У них стишата будто шарик
С дырою: псс-с-с...
Словами так себе и шпарят –
Сплошной сюрприз.

А ты, как я, забудь про рислинг,
Войди в сюрпляс
И погрузись душой в армрестлинг
Ритмичных фраз.

Будь терпелив и пунктуален,
И напили побольше дров,
И станешь ты конгениален
Со мною.

Николай Глазков.

Федор Сухов

Ц В Е Т Ы

Тихохонько упрятались в кусты,
Туда, где к вербе ивина прильнула, –
Цветы своей стыдятся красоты,
И потому стоят они понуро.

* * *

У щебечущего воробья,
У его души прошу прощения...
Свой бродяжий посох возлюбя,
Покаянья жажду, очищения.
Верую – очистится душа,
Ласковая прослезится вербина,
У возвышенного шалаша
Засияет празднично, серебряно.
.....

* * *

В рощине осинина, дрожа,
На яру увидела калинину,
И стихи, листинами шурша,
Потекли, как воры на малинину.

Те стихи, как талая вода
Размывали ямины и рытвины
И не знали спрятаться куда
От стыда за красотину рифмины.

Веря в очищение души,
Плакала дубина у опушкины:
«И не стыдно? Больно хороши
Эти Блоки, Лермонтовы, Пушкины...»

14.10.1999 г.

Федор Сухов *

* * *

В золотую пору увядания
Обострённой наши ощущения,
Чудится последнее свидание,
Грезится последнее мгновение.

И не паутрь – павечерь мерещится,
В омутовой холодеет ямине,
Видится сиянье месяца
В утомлённом солнечном сиянии.

* Ф.Сухов, 1923 г.р., автор книги «Половодье»

* * *

В золотую пору увядания
Спозаранку павечерь мерещится, –
Видишь в луже отраженье здания, –
Кажется, что «Половодье» плещется.

В золотую пору увядания
Кажутся стихи свои хорошими,
Слышатся в них отзвуки признания,
Видятся талантища всполошины.

В золотую пору увядания
Вдруг помстится – стал ты почитаемым,
Ты потряс основы мироздания,
Более того, – ты стал читаемым.

В золотую пору увядания
Чудится – стихи твои печатают,
Грезится большой тираж издания,
Мнится – юбилейный адрес сватают...

В золотую пору увядания,
Когда тише станет элоквенция,
Приблизнится новое издание...
Это называется – деменция...

15.10.1999 г.

Вадим Ковда

О С Е Н Ь В С Е Л Е Н Н О Й

Подумать не смею, поверить
нет мочи,

Но ведь очевидно – в ночи
Созвездия в небе кипят и клокочут,
Как птичьи живые ключи.
И ветер из космоса голос доносит,
Усиленный сердцем моим во сто крат:
«В Галактике – осень! В Галактике – осень!
Созвездья в ирей * летят!»
Откуда же осень?.. Могу ли поверить?
Ведь пашню готовы взорвать зелены!
...Под ветром вселенским качается ветка,
где села на миг отдышаться Земля.

-
- Ирей, вырей – в народном поэтическом творчестве – сказочно тёплая страна, куда улетают на зиму птицы.

ОСЕНЬ ПОЭТА

Другие – ну, те что моложе – клопочут,
Как птичьи живые ключи.
А мне каково, когда нету мочи?..
Особенно плохо – в ночи...

Из кухни доносится голос жены:
«А если пивка с тараночкой?»
Всё, баста! Довольно! Мосты сожжены!
Какое там пиво – на ночь-то?

Я принял армянского – звёздочек пять –
Почти созвездье Стожар.
И чувствую – есть всё, что надо опять,
И чую в груди пожар.

Под ветром вселенским качается стол,
Под торсом поэта – стул.
Ещё бы немного – хоть два по сто...
Но слышу космический гул

И вижу – созвездья летят в ирей,
То бишь, коньяк в унитаэ,
А голос жены: «Вадим, не смей!
Чтоб на ночь – в последний раз!

Не мальчик, поди, пора бы знать,
Что можно, что нет – к ночи...»
Ну как ей, любезной, растолковать:
Иначе, мол, нету мочи!?..

14.10.1999 г.

В.К.Семакин

* * *

Вот забудь про можжевельник,
про клубнику на увалах,
про дубравный журавельник
в лепестках лилово-алых,
вот забудь о бересклете,
а уж там забыть недолго,
есть или нет Урал на свете,
есть или нет на свете Волга,
ох, недолго,
ох, недолго...

Ну а там недолго, братцы,
и от предков отказаться,
перенять язык безродный,
чёрствый, полупереводный,
никакой не родниковый,
а полупроводниковый,
с тарабарщиною схожий,
но живучий и расхожий
в потребительных беседах
и в стихах того же толка,
и лишиться напоследок
чувства родины и долга,
ох, недолго
ох, недолго!

* * *

Вот забудь про свинорой,
про хохулю и про лыву –
там недолго, дорогой,
не явиться по призыву,
там недолго позабыть
про родных и про отчизну,
там недолго изменить
партии и коммунизму,
там недолго подложить
под президиум взрывчатку,
если ныне позабыть
про козюлю и лапчатку.

Позабыл про мамалыгу –
надо высечь забулдыгу,
а каштан забудешь конский, –
значит ты шпион японский.
Зане падеру забыл,
дабы зрады не чинил...
Кстати, зябру помнишь? Не? –
Всё! В расход, пора к стене!..

Г Л О С С А Р И Й

Свинорой – многолетняя трава семейства злаков.
Хохуля – выхухоль, насекомоядное млекопитающее.
Лыва – лужа.
Козюля – змея, описанная И.Буниным.
Лапчатка – калган.
Мамалыга – каша из кукурузной муки.
Конский каштан – декоративное дерево семейства буковых.
Зане – так как, поскольку.
Падера – плохая погода.
Дабы – чтобы.
Зрада – измена.
Чинить – причинять.
Зябра – пикульник.
В расход! – Расстрелять!
Стена – традиционное место приведения приговора в исполнение.

16.10.1999 г.

В.К.Семакин

Р Е Ч К А

.....
«Землячка, здравствуй!» –
просияю, –
и речка, рада земляку,
зальётся смехом,
подставляя
то лбище яра, то щеку,
а то губу и – вдоль течения –
косу, как косу,
даже нос.

Что ж неприкаянно весь день я
брожу с откоса на откос?

.....
.....

* * *

Намедни эти «ку-ка-ре-ку»
обрыдли хуже комарей.
Мы с корешем пошли на реку,
Чтоб добыть парочку язей.

Идём, подставив щёку ветру,
вдоль самой кромочки воды
и видим —
в паре километров
заходят в речку верблюды.

Макают в воду нос, и губы,
и даже хвост —
вот это да!
Ведь этак верблюды погубят
все наши рыбные блюда!

А ну как напрудят поганцы,
где ловим рыбу издавна?
Вдруг слышим голосок:
«Засранцы!
На треть вы сами из говна!

А мне давно верблюды любы
О, их волнистая спина!
О, эти щёки, эти губы! —
целует их моя волна.

А вы исправьте ударенья,
чтоб не остаться без ухи!»
Пустила косу вдоль теченья
и засмеялась:
«Хи-хи-хи!»

28.10.1999 г.

В.К.Семакин

* * *

Переви́дано всего,
много всякого досталось.
Я устал не от того,
от чего сладка усталость.

А хотелось бы устать
от чего-то от другого.
Как, не знаю, наверстать,
что не сделал дорогого,

чтобы тихо ныла грудь,
чтоб, осилив то, другое,
я не смог пошевелинуть
ни рукою, ни ногою.

1970

* * *

Проще некуда: идёшь
на футбол травить баланду,
и болеешь, и орёшь
за противную команду.

Если на поле «Спартак» –
поболей-ка за «Динамо»:
тебя выколотят так –
не узнает даже мама.

Будут ныть живот и грудь,
голова и всё другое,
и не сможешь шевельнуть
ни рукою, ни ногою.

Тебе так намнут бока,
что ни выдоха, ни вдоха...
До свидания, пока,
и с приветом от Мазоха!

29.10.1999 г.

В.К. Семакин

* * *

В осиннике — птичья побудка

и даже в безветрие — лепет.
Не так ли ребёнок-малютка
слова свои первые лепит?

— Агушеньки, гуленьки-гули! —
и листья зальются ответно.
Смогу ли я так, не смогу ли
залиться взхлёб, несусветно?

Смогу ли, как роща в июле,
как эта зелёная молодь —
Агушеньки, гуленьки-гули! —
Прогулить своё, проглаголовать?

Не встрянет ли попусту некто —
ревнитель келейных делишек:
то мало-де, брат, интеллекта,
а то — интеллекта-де лишек.

А кто-то, развесь только уши,
зальётся ещё завиральней:
«Чем лирика тише и глуше,
тем автор её гениальней».

Земля моя, шелестом шалым
уйми ты сего дуботолку! —
авось да со старым и малым
скорей дотолкуюсь до толку.

1975

* * *

Семакина книгу читал я,
но не достучался до толка, —
хотя себя старым считал я,
но, видно, ещё не настолько.

Я думал, как видно, по дури,
что мысли быть трудно банальней:
«Чем меньше поэт будет гулить,
тем лирика гениальней».

Я думал, что взрослому дяде
не стоит агукать малюткой.
Не нужно быть нескольких пядей
во лбу, чтоб отделаться шуткой

от тех, кто, как поле в июне,
с незрелыми мыслями ходит,
пускает, как маленький, слюни,
сюсюкает и колобродит.

Шли дни, я старел неприметно,
и вдруг — тайный смысл проступает:
«Залиться захлѐб, несусветно
смогу ли?» — поэт вопрошает.

Лишь в старости стало понятно,
что гложет беднягу-поэта,
и мне, старику, так приятно
дать несколько строчек совета:

Залиться захлѐб — не искусство,
большого таланту не надо,
а вот по чуть-чуть, и с закуской...
И плюнь на читателя, гада!..

29.10.1999 г.

Евгений Винокуров

ИЗ КНИГИ «КОНТРАСТЫ»

Т Ы

Вот женщины идут толпой.

Я понял, что воскресну,
когда меж ними и тобой
я обнаружил бездну.

А разница-то велика!
О сходстве нет и речи,
хоть те же руки, и бока,
и локоны, и плечи,

хоть любишь так же шить, поя,
иль в дождь брести уныло...

...Тогда единственность твоя
тебя мне осветила!

Я

Ты быстро шла, почти бежа.

Я понял, что воскресну,
хотя меж нами и межа,
я победу, хоть тресну.

Да, да – решил я – ты моя!
Тебя догнал, скакая.
Меня отшила ты, поя.
Я понял – у, какая!..

Ты не похожа на других, –
Ну, разве телесами.
Тебе прочёл я этот стих
и – посудите сами! –

ты перестала жить, гужа,
и бродишь в дождь уныло.
Проводишь вечера, вяжа,
и экономишь мыло.

Теперь люблю тебя – лишь я.
Ты, сна себя лишая,
мои стихи читаешь, шья.
Их слушаю, пиша, я...

07.11.1999 г.

Нина Шевцова

СОНЕТ О ВЕЧЕРНЕМ АВТОБУСЕ

Не странно ль, на ухабах замирая,
Нестись, тревожа ближнего плечом,
Как будто в нас неведомо о чём
Одна душа вздыхает мировая?

Не странно ль, выходя, застыть у края
Ступеньки и вопрос сглотнуть как ком,
Страшнейшим человеческим грехом
Навязчивость невольную считая?

И вслед брести ныряющим огням,
Унесшимся в потёмки именам,
Глазам в чаду ревающего тумана –

Пока во тьме проявятся сады
И новых лиц неровные ряды
Придут, пройдут и канут
безымянно?..

СОНЕТ О СТРАННОСТЯХ

Не странно ль, на ухабах замирая,
Нестись, соседа тыча локотком,
А он грустит, неведомо о ком,
Вниманья на тебя не обращаю?

Не странно ль, выходя, застыть у края
Ступеньки и вопрос сглотнуть, как ком,
И ждать, пока водитель матюгом
Пошлёт тебя, под зад дверьми толкая?

И вслед брести, колготки изодрав,
И думать: «О, водитель, ты не прав,
И больше ты никто!» – в чаду тумана,

Пока другой автобус подойдёт
И новых лиц неровный ряд начнёт
Толкать тебя, как ты их?

Ну, не странно?

08.11.1999 г.

Евгений Чепурных

* * *

Проводи меня до двери,
До трамвайного пути.
Я тебя ни в коей мере

Не держу,
Но проводи.

Провожай до окон милых,
Попроси светить звезду.
Провожай хоть до могилы.

Дальше я один пойду.

* * *

Проводи меня до двери,
До трамвайного пути.
До депо, по крайней мере,
Хошь – не хошь, а проводи.

Я потом тебя обратно
Вдоль по рельсам провожу.
Провожаться так приятно...
Провожаешь? Не держу!

Мы друг друга провожаем.
Вдруг родную на ходу
Переехало трамваем.

Дальше я один пойду.

09.11.1999 г.

Алексей Титов

* * *

К врачу б пойти...
Да, кажется, здоров.
Не спится только
По ночам в квартире:
Палатки снятся,
Зарево костров
И звёзд пунктиры.
С собой не совладать...
Вожу круги
По заповедным
Подмосковным паркам,
А сердце рвётся
На простор тайги,
К извечной
Красоте её неяркой.
Я в тех краях бывал,
И не однажды.
Порою кажется –
Себя оставил там.
Не потому ль
Так совесть будоражит
Короткое такое
Слово – БАМ?

* * *

К врачу б пойти...

Да, кажется, здоров...

О!.. Кажется живот!..

Увы, ошибся...

Вот не везёт,

Уж так-то не везёт, —

Ну что б вчера

Простыл, или ушибся...

Из поликлиники —

И прямо на пленэр!

По Подмоскovie

С удочкой, с ружьишком...

А мало мест других

В СССР?

В тайгу податься...

Впрочем, это слишком!

Ну, а уха, палатка,

Костерок...

О, сердце рвётся!..

Сердце? Неужели?!..

Да нет, увы, —

Врач участковый строг, —

Не выйдет, нет,

Пока на самом деле

Инфаркт не стукнет,

Или ОРЗ,

Или пока

Не заполучишь СПИДа.

Вот и сидишь

Весь день, как в КПЗ,

Перебирая

Что-нибудь для вида.

Приходится до пенсии

Весь день

Терпеть и ждать,

А что начальство скажет?..

Не потому ль

Так совесть будоражит

Коротенькое слово —

Бюллетень?

11.11.1999 г.

С Ч А С Т Ь Е

Мелькают стрелки,
 столбы, пикеты,
На редких стыках
 стучат колёса.
На полустанках
 билетов нету,
И только гравий
 летит с откоса.

Несётся поезд,
 наверно, к БАМу,
А может к Тынде
 несётся поезд.
В вагоне – люди,
 и даже дамы,
И мчится поезд,
 не успокоясь.

Грохочут двери
 у туалета.
В ночную темень –
 стрела состава.
– Я без билета.
 Я без билета.
Я без билета, –
 твержу устало...

Багажной полке
 себя доверяя,
Уйдя от света
 и от позора, –
Недаром в счастье
 своё я верил, –
Надул таможеню
 и ревизора.

Хотите счастья?
 Уже! Готово!
Оно – в движении,
 оно – в погоне,
Оно – в ритмичных
 стихах Титова,
Но лишь в вагоне,
 на перегоне...

14.11.1999 г.

Николай Гумилёв

* * *

Пролетела стрела

Голубого Эрота,
И любовь умерла,
И настала дремота.

В сердце лёгкая дрожь
Золотого похмелья,
Золотого, как рожь,
Как её ожерелье.

Снова лес и поля
Мне открылись, как в детстве
И запутался я
В этом милом наследстве.

Лёгкий шорох шагов,
И на белой тропинке
Грузных майских жуков
Изумрудные спинки.

Но в душе у меня
Затаилась тревога.
Вот прольётся, звеня,
Зов весеннего рога.

Зорко смотрит Эрот.
Он не бросил колчана...
И пылающий рот
Багровеет как рана.

* * *

Хоть убей, хоть зарежь,
Но по Фабру – ей богу –
Майский жук – цвета беж,
И каштанов немного.

Право, мэтр дорогой,
Поправлять вас неловко –
Изумрудной спиной
Щеголяет бронзовка.

Цвет у ржи золотист,
Как Ахматовой бусы? –
В мае ржи тонкий лист
Зелен, словно капустный.

А Эрот голубой –
Трансвеститам угроза!
Вас поправит «Плейбой»:
Купидон – бледно-розов!

Рот бедняги багров...
В акмеизме даль тонет...
Николай Гумилёв,
Вы, наверно, дальтоник!..

18.11.1999 г.

Софья Петренко

ХЛЕБ В ЛЕСУ

Я увидела хлеб между елок в лесу
Неожиданно.
Кто-то выбросил вон из кошелки небось.
На земле полбуханки лежат
Сиротливо, обиженно.
Вот ведь как пропадать довелось.

Постояла я.
Хлеб подняла и снесла на поляну.
Там коровы паслись.
Чуть заметно вздымались бока.
От покоя лесного,
Травы многолистной и пряной
Нарастала у каждой,
Густела волна молока.

Я скормила им хлеб,
Разломав его весь на кусочки,
Их бурёнушки брали с ладони,
Поднявши рогатые лбы.
И пошли попадаться мне белые,
Крутобокие чудо-грибочки,
А до этого как-то
Совсем не встречались грибы...

Г Р И Б В Л Е С У

Было много грибов между ёлок в лесу

Неожиданно.

Крутобокие чудо-грибы...

Чтобы все уместить,

Даже чёрствых полбулки я вынужден

Был оставить в лесу,

Заодно лешака умастить.

Вот как я рассуждал:

Вслед за мною какая-то соня,

Что попозже встаёт, да за завтраком

Долго жуёт,

Или может быть даже

Уже всем известная Соня –

Поэтесса Петренко с пустою кошелкой пойдёт,

Хлеб увидит,

Поймёт, что на этой поляне

Уже белых грибов

Ей никак не найти,

И отправится дальше,

Туда, куда я не

В состоянии

Был бы дойти.

По дороге бурёнок рогатых

Покормит с ладони,

И стихи сочинит –

Назовёт их она «Хлеб в лесу».

Интересно, что было бы,

Если б я, кроме

Полбуханки,

Оставил ещё колбасу?

28.11.1999 г.

Лев Ошанин

ПЕСЕНКА О БОБЫЛЕ

Ж_{ил} да был бобыль суровый,

Никого не веселя,
И ни девки и ни вдовы
Не любили бобыля.

Одиноко человеку
Одному сидеть в избе
И бобыль из бела снега
Бабу вылепил себе.

В избу ввёл красотку эту,
Усадил её в углу.
Оглянулся — бабы нету,
Только лужа на полу.

ПЕСЕНКА О БЫТОВЫХ НЕУДОБСТВАХ

Это сказка, а не быль,
И неправда это, –
Жил да был один бобыль,
Но без туалета.

Человеку одиноко
Одному сидеть в избе, –
Свёл знакомство с черноокой
И зовёт её к себе.

В избу ввёл красотку эту,
Усадил её в углу.
Оглянулся – бабы нету,
Только лужа на полу.

12.12.1993 г.

Станислав Куняев

* * *

Нет, не зря в ледовитый торос
упирается русская карта:
одинаково страшен мороз
и для СПИДа, и для Бонапарта.

Поскользнувшись в родной темноте,
чертыхнёшься в морозных потёмках...
Вспомнишь – мамонты спят в мерзлоте
и алмазы хранят для потомков.

* * *

Муравейником рынок бурлит, –
Мир страдает повышенным спросом...
Нет, не зря голубой кимберлит
Бог прикрыл ледовитым торосом!

На Руси, как всегда, гололёд.
Поскользнёшься, бывалочи, юзом,
Матюгнёшься – и снова вперёд
Пробираешься с импортным грузом.

Ни мороз, ни торосы, ни СПИД
Не страшат больше контрабандиста.
Вся страна уже больше не спит
С лёгкой (левой) руки теннисиста.

Только мамонты спят в темноте
И хранят для потомков алмазы...
Вспоминаются им в мерзлоте
Станислава Куняева фразы.

03.09.1998 г.

Виктор Смирнов

ОСИНОВЫЙ ОГОНЬ

(Из цикла «Искры»)

Смотри, красотища какая!

Пасётся у рощицы конь,
В которой от края до края
Осиновый ходит огонь.

То к полю кидается слепо,
То к речке летит кувырком,
То лижет холодное небо
Горячим своим языком.

В предчувствии зимней погони,
Что в чуб мне метнёт седину,
И сам я поспешно ладони
К осиновым искрам тяну.

КЕРОСИНОВЫЙ ОГОНЬ

ОТВЁЛ я корову в осинник,
Которую надо доить.
Я был в этот день именинник,
Я начал костёр разводить.

Огнём полыхает осина,
Который не смог потушить,
Плеснувши в костёр керосина,
Который нельзя разводить.

Огонь сжёт деревню и рощу,
Который два дня полыхал.
Такую ни свёкор, ни теща
Корову ещё не видал.

То к полю кидается слепо,
То к речке летит кувырком,
То лижет холодное небо
Горячим своим языком,

То стих услышавши Смирнова
Повысила резко удои...
Но вскоре оглохла корова, –
Пора ей, пора на убой.

Тяну я к корове ладони,
В глазах её вижу укор,
В предчувствии скорой погони
И града гнилых помидор.

06.09.1998 г.

Леонард Лавлинский

ЖУРНАЛИСТ

Я разглядывал звёздную пасеку

С лежака станционной скамьи,
Поместив многомудрую классику
Под сумбурные мысли мои.

Я за очерком гнал по распутице —
Осчастливить глубинный колхоз —
И не ведал, что рифмы накрутятся
На машинные цепи колёс.

Правда, что-то лепилось урывками,
Находило нечаянный лад
И мычало тревожными рифмами
Между строк о болезни телят.

* * *

Мы в эпоху Хрущёва и Брежнева

Научились писать между строк.
Неумеющих ждало по-прежнему
Осуждение на длительный срок.

«Я разглядывал звёздную пасеку...»
Значит – выгнал милиционер
Леонарда Лавлинского, классика,
В привокзальный заплёванный сквер.

«Я за очерком гнал по распутице...»
Значит – всё ещё нету дорог,
И в полуторатонке, по ступицу,
Он застрял и, увы, занемог.

«И мычало тревожными рифмами...»
Значит – вновь поголовье под нож,
Чтобы скрыть под бумажными рифмами
Бесхозяйственность, ящур, падёж.

«Правда, что-то лепилось урывками...»
Значит – вновь замаячил просвет,
Но... «ляп-тяп», и опять под обрывками
Старых лозунгов нового – нет!

Мир теперь стал крутым и крутится,
Он безжалостен и бестолков,
«И не ведал, что рифмы накрутятся...»
И ни Листьев, и ни Тальков.

06.09.1998 г.

Александр Игошев

ПРИМЕТА

В притихшем парке –
много света.
Две липы, сохранив наряд,
воспоминанием о лете
ещё зелёные стоят.

Уже погребены под снегом
газонов жухлая трава,
цветов осенние побеги,
полуистлевшая листва.

Уже ледовые карнизы
к речным намёрзли берегам...
Они ж бросают, липы, вызов
морозам ранним и снегам.

Есть неприметная примета:
пускай белым-белы холмы –
счастлив,
кто сердцем верит в лето
в дни наступления зимы.

НЕ ПРИМЕТНЫЕ ПРИМЕТЫ

Зимой морозно в этом мире.

Мы верим мудрости примет:
коль ты не Иванов Порфирий, –
не обойдёшься без штиблет.

А что зимою в парке липа
ещё не сбросила свой цвет, –
не верьте, люди, это – липа,
таких примет в народе нет.

Сосульки свесились с карнизов,
их не сбивает дворник-хам.
Они ж бросают, люди, вызов
плохим приметам и стихам.

В народе есть одна примета:
(народ наш сыздревле сметлив),
мол, за зимой наступит лето.
Кто верит в это, тот счастлив.

Есть неприметная примета:
пускай мы даже от сохи,
но не даёт нам право это
писать неважные стихи.

07.09.198 г.

Анатолий Кобенков

* * *

Окошко занавесила,
пластинку завела,
и потекли невесело
сердечные дела.

И поплыла усталая,
больная голова
туда,
где песня старая
по-старому права...

потом она заплакала
и вышла не спеша...
И в платице заштопанном
Вошла её душа.

Вошла ко мне –
ограблена,
изрезана в куски
любовными обвалами,
оврагами тоски,
вошла, как входит деревце
на городской пустырь.
И ведал я, что делать мне,
но руки опустил...

Быть может, одиночество,
не говоря со мной,
сказало, что не хочется,
не может быть домой.

Быть может раны старые
да гаснущая боль
приперли
и заставили
шептаться про любовь.

...И мне тогда поверилось –
не помню почему –
что жизнь опять примерилась
к дыханию моему.

И заново подумалось:
навек обниму
и никогда судьбу мою
уже не обману...

* * *

Мне самому не верится –
не в цирк, не в монастырь –
пошёл, как ходит деревце
на городской пустырь.

Иду, а раны старые
да гаснущая боль
припёрли и заставили
дерябнуть алкоголь.

Смотрю – ко мне ограблена,
изрезана в куски,
собаками затравлена,
зелёная с тоски
плывёт моя усталая
больная голова.
На ней фуражка старая,
а в ней – одни слова.

Такая анатомия –
башка, а тела нет.
Где тело Анатолия
и где, пардон, скелет?

Тут, как ни удивительно,
красивый профиль мой
шепнул мне доверительно:
– Толян, иди домой!

И думал я невесело,
шагая с пустыря:
«Вот что случилось если бы
не Меня, а меня...».

09.09.1998 г.

Лариса Тараканова

НА ПОРОГЕ

Снег летит на ажурное платье.
Белой туфельке цокнул порог.
Все – одно молодое объятье,
Задыханье, дрожанье, зарок.
Все толчется и движется робко.
Озадаченный шепот в толпе.
Лишь игристая вылетит пробка,
Как сомнительный вызов судьбе .
Лишь надломится стебель гвоздики,
Отлетят голубые шары,
Золотые и алые блики
Хрусталей, увенчавших пиры.
Но, пока ты не стала земною,
Не стряхнула лебяжьи крыла,
Задержишься за стеклянной стеною,
Одари чистотой зеркала.
Всё пройдет – суета и объятья.
Но и там, за далёкой чертой,
Снег летит на ажурное платье,
На лицо под прозрачной фатой.

НА КРУГИ СВОЯ

Задыханье, дрожанье, потуги,
Наконец, появление на свет.
Недержанье, игрушки, подруги,
Детский сад, комсомол, педсовет...
В сорок пятом мы бегали в школу –
Задыханье, дрожанье, урок...
Может грустный, а может весёлый
Детства с юностью выпавший срок.
Двадцать два, молодое объятье, –
Задыханье, дрожанье, порог,
Подвенечное белое платье,
Свадьба, ссора, развод и – опять я
На свободе и вновь одинок.
К алкоголю широкая тропка –
Пиво-воды, шампанское, грог...
Лишь искристая вылетит пробка –
Задыханье, дрожанье, зарок.
Ну, а если любитель пожрать я? –
Задыханье, дрожанье, пирог,
Диабет, ожиренье, проклятья,
Инсулин, парафин, порошок.
Каково же твоё содержание?
Всё пройдёт – суета, обожанье,
Повернётся твой жизненный круг,
И тебя ждёт, поверь, милый друг,
Очень ранний склероз, недержанье,
Задыханье, дрожанье, каюк...

09.09.1998 г.

Сергей Безлюдский

МУЗА

Мне в детстве Муза не являлась.

Я карандаш в тоске кусал,
И мне дворцом не представлялась
Сторожка та, где я писал.

Нуждался я в особом средстве –
В крылатом творческом коне.
Но не являлась Муза в детстве.
Потом явилась, да не мне.

Она с другими забавлялась,
И трудно было одному.
Нет, Муза не ко мне являлась.
Пришлось работать самому.

НА ПАРНАСЕ

Я с детства на Парнас стремился.

Карандашей сгрыз – пачек пять.
И вот, однажды, очутился
Я там, куда хотел попасть.

Течёт неспешно Иппокрена,
Вдали дымится Геликон,
И, тогою прикрыв колено,
Спит престарелый Аполлон.

Он солнышку подставил пузо.
В густых травинках щавеля,
Невдалеке пасётся Муза,
Порой крылами шевеля.

Я обернулся и – о, боги! –
С изящной лирою в руке,
В воздушной, белоснежной тоге
Спускалась женщина к реке.

Она спускалась по тропке.
Такой – всего себя отдашь!..
– Кто ты? – спросил её я робко
И сгрыз последний карандаш.

Она молчала, только струны
Перебирала не спеша.
А я стою, глотаю слюни...
Как жаль, что нет карандаша!..

Она глядела мудро, строго.
Потом свет строгости погас,
И на груди поправив тогу,
Она сказала: «Я – Пегас...».

11.09.1998 г.

Валентина Ханадеева

МОЁ СЕЛО

Моё село – у чёрта на куличках...
Как предка в эти дали занесло?
Уздечку ль спяну дёрнул без привычки,
Направил ли ошибочно весло?
Мне надоела суета вокзалов
И – каждый год! – билетный дефицит,
И я в который раз себе сказала:
«Пора на юг. Село повременит!»
А год проходит – косяком тоскливым
Вновь мысли начинают вдаль тянуть,
И чемодан потёртый сиротливым
Постукиваньем отмеряет путь.
Когда-то я там песню выводила –
И голос будто падал на краю.
Там раннею звездой любовь всходила
И потрясала молодость мою.
И вот теперь за прошлую звездою,
За ставнем, что древесной гладью шит,
За песней да за ключевой водою
Опять туда моя душа спешит...

МОЁ ПОМЕЛО

Моё село – у чёрта на куличках...

И в километре – Лысая гора...

Вся наша жизнь в традициях, в привычках –

Проходит год, душа томит: Пора!

Туда, где предок дёргал за уздечку,

Иль ведьму замуж спьяну выдавал,

Иль домового хоронил за печку.

Его сам Пушкин – помнишь? – воспевал.

Мне надоела суета вокзала,

Мешочки, билетный дефицит.

Я, наконец, сама себе сказала:

«А Валентина – в ступе полетит!»

И ежегодно косяком тоскливым

Все ведьмы начинают вдаль тянуть,

И помелом – потёртым, сиротливым

Постукивают, отмеряя путь.

Когда-то я там песню выводила,

И вся тряслась – в такой впадала раж.

А где теперь и молодость, и сила?

Последний раз на шабаш – и шабаш!..

11.09.1998 г.

Валентина Ханадеева

* * *

Куда-то мчалась полем на рассвете –
Дразнил колени легкий сарафан,
И отставал в бессильном беге ветер
И немощно за мой цеплялся стан.
И жизнь вокруг была сплошным подарком:
То даль горит, то кружит самолёт,
То коршун в оперении неярком,
Смирив гордыню, за едой падет.
А близкого села родные звуки
Свивало в песню вихрем на яру,
И к солнцу я протягивала руки,
Как перезябший тянет их к костру.
По лугу стадо раннее бродило,
Вздыхал под ряской загустевший пруд –
И в голову тогда не приходило,
Что это все Отечеством зовут...

* * *

Нас пирогами мама баловала, –
Я стала ничего себе на вид,
Ну, прям, такая из себя вся стала,
Что всяк полапать – так и норовит!
То сарафан хватается за колено,
То ветерок цепляется за стан.
Дрова рубила, так одно полено
Так и хотело смазать по устам.
За руку кофта трогала игриво,
Серьга касалась эrogenных зон.
Волос моих растрёпанная грива
В объятьях чепчика – и он в меня влюблён!
Меня любили стулья и полати,
Пылала страстью старая кровать.
Халат... Мне не забыть его объятья!
А тапки стали за ноги хватать...
Бесстыдник лифчик так меня прищучил! –
Я от смущенья прямо вся горю.
Такой срамник... Кем только он научен?
А про трусы я и не говорю...
В саду коза влюблённая бродила,
Вздыхал под рясой загрустивший поп.
И в голову тогда не приходило
Что это всё, ну... это... Отчего б?

Прошли года...

11.09.1998 г.

Марьян Дукса

ЗАБЫТОЕ СЛОВО

Не раз заскребётся, как кошка, сомнение,
Приснится сосна, что у дома родного,
Я снова услышу знакомое пенье –
Той колыбельной забытое слово.

О как трепетала зарница на клене,
Когда ты шептала мне снова и снова
Признанья!
И легким листом на ладони
Светло трепетало забытое слово.

Однажды в душе полыхнёт озаренье,
Зажженное солнцем заката былого.
Из омута памяти в это мгновенье
Всплывет на поверхность забытое слово.

Ты снова влюблённый, крылатый и юный.
И снова заря полыхает багрово.
Одна за другой отзываются струны,
И каждая –
 прежде забытое слово.

Перевод с белорусского
И.Бобровицкого

ЗАБЫТОЕ СЛОВО

Приснится со сна, что у дома родного
В сусеке скребутся, скребутся в подклети,
И снова скребутся, и снова, и снова
Скребутся в подполье проклятые... эти...

А ты ещё юный, крылатый, влюблённый.
Крепка твоя база, фундамент, основа.
О как трепетала зарница на клёне,
Когда ты шептала мне снова и снова...
А что ты шептала – не помню...
Ни слова!..

И снова, как прежде, ещё не один ты.
Припомнится как-то Наташа Ростова –
И снова, и снова шуршат ротапринты,
И снова тебе далеко до Толстого,
А – Льва? – Алексея? – не помню какого...

И снова весна, снова радость бабулек,
И капают – как их? – всё снова и снова,
Одна за другой, сверху вниз, из сосуллек...
И каждая – прежде забытое слово.

Вольный перевод с бобровицкого
В. Ланга

Владимир Семакин

* * *

Писать стихи не так уж тяжело,
когда ты вроде выплыл на течение,
а вдруг они – всего лишь ремесло,
самообман и самообольщение?

Тогда, ей-богу, лучше ни гугу:
и год, и два ни слова, ни полслова.
Перо заброшу, в поле убегу –
и, может быть, нахлынет что-то снова...

* * *

Когда поэт в течении плывёт
самообмана, и не видно роста, —
он пародисту пищу подаёт,
тогда писать пародии так просто!

Когда поэт стоит на берегу,
растёт, а сам ни слова, ни полслова, —
тогда писать, увы, я не могу.
Нахлынуло бы на поэта снова!..

23.09.1998 г.

Владимир Семакин

* * *

Я знал капсю – и ту не всю,
такую капельную малость
и всё же сердце полагалось
на эту самую капсю.
.....

Я знаю: голос мой не медь,
и в стольном граде –
сын Прикамья –
я не размахивал руками –
стоял, не знал, куда их деть...

(«Я знал капсю – и ту не всю»)

...Поначалу такой неятный
левый берег мне всё ятней...

(«На Каме»)

...Я тоже – позволъ-ка, позволъ-ка –
не палькался в ней, не тонул,
я пил её, дудолил только –
сквозь дудку пикана тянул.

(«Родничок»)

...И на душе не падера –
зорьки брусничный сок.

(«Звёздное сеево»)

* * *

Грушу, Семакина читая –
Как много незнакомых слов!
Не всю капсю я, видно, знаю
среди неятных берегов.

Не приходилось мне сквозь дудку
пикана дудолить воды,
и мне печально не на шутку:
дожив до белой бороды,

я, видно, палькался не в меру,
но на Прикамье не бывал
и языкового барьера,
увы, не преодолевал.

Мой кругозор, наверно, узкий,
а, может быть, падера в нём.
Спроси меня: «Ты знаешь русский?»
Отвечу: «Да.
Со словарём...».

23.09.1998 г.

Раиса Ахматова

«СОТВОРИ ЧУДО!»

Из лирики

* * *

Ты в закатных , волна, замираешь лучах,
Таешь, таешь под чаячьи визги.
От тебя на моих остаются плечах
Лишь твои золотистые брызги.

Мне, волна, на мгновение стать бы тобой,
Чтоб к любимому вновь издалече
Возвратиться... Пусть думает: это прибой,
Когда я обниму его плечи!

Перевёл с чеченского
Д.Долинский

СОТВОРЁННОЕ ЧУДО

Без лирики

* * *

Там вдали, за рекой, догорала заря –
Это я быть волною мечтала.
Вдруг увидела я, что мечтала не зря, –
Я волной для любимого стала.

Я прильнула к нему в предзакатных лучах
Под истошные чайчьи визги –
От меня на его остаются плечах
Лишь мои золотистые брызги.

Уж вдали за рекою закат догорел,
Ну а он на меня – ноль вниманья.
Вдруг веслом он меня по загривку огрел,
Этим мне причиняя страданье.

Волновала его я в ночной тишине,
На упругостях нежно качая,
А возлюбленный мой шлёпнул пяткой по мне,
Из меня на баркас залезая.

Он проклятым веслом всю истыкал мне грудь,
На стремнину по мне подгребая.
Не смогла я сдержаться – баркас стал тонуть,
И любимый, меня обнимая.

«Будешь драться веслом!»...– так подумала я
И на берег его потянула.
Вдруг внезапно опять стала бабою я
И тотчас вместе с ним потонула...

25.09.1998 г.

Татьяна Кочеткова

ЦИКЛ «В ЛЮБЛЁННАЯ АКАЦИЯ»

* * *

В **ночь** к траве-голубе – васильковый хлеб –
Тянут кони губы, разбредаясь у верб...
Хомутать негоже своевольный нрав,
Лишь вожак стреножен в половодье трав...
Вдруг осветят фары синих глаз огонь,
Как приятель старый, пусть уступит конь...
Опечатал степи придорожный лес, –
И душа не стерпит: «Заночуем здесь!...»
Ой, трава-голуба, не клони ко сну,
Растреножу друга, волю дам коню.
В ночь опустят вербы серебро ресниц,
И доносят ветры ржанье кобылиц.

* * *

Васильковый вечер. Мы опять в ночном.

Я в мечтах далече – мысли об одном:
Я от вас не скрою – о Фру-Фру мечтал
И хотел порою, чтоб цыган украл.
Васильками пуза не набьёшь, хоть плачь,
А назавтра – с грузом, а назавтра – вскачь...
Выжить разве можно в половодье трав?
Нынче очень сложно избежать потрав.
Хорошо б под утро забрести в овсы,
Там бы не минуты провести – часы...
Хорошо б под вечер торбочку овса!
Тьфу! Опять о вечном думать принялся...
О, хозяин-барин, душу не тревожь, –
Ты хороший парень, на ночь – растреножь!
Растреножил, душка. Волю дал коню,
Сам наполнил кружку и подсел к огню
На опушке леса, средь неспелой ржи:
«Жри её, повеса, только не заржи!»

Жадидам на горе жру, и жру, и жру...
Вдруг на косогоре увидал Фру-Фру.
Ах, какие стати – хоть на ипподром!
Говорю ей: «Кстати, я к тебе с добром!
Ты одна из тыщи квёлых кобылиц, –
Синие глазищи, серебро ресниц...»
Развеваю гривой: «Вот бы мне Фру-Фру б»
Ей кладу игриво голову на круп.
Близко тёмно-синий глазуновский глаз...
Эта плавность линий... И костёр погас...
Радости в себе я тут не удержал
И, от счастья млея, тоненько заржал.
Вспыхнули вдруг фары, и мой пыл угас.
Это сторож старый хомутает нас.
Снова я стреножен, так же, как и ты.
Был неосторожен – и прощай, мечты!
Тайну вам поведать, что с тех пор держу?
Я, коль стал обедать – никогда не ржу!

25.09.1998 г.

Ирэна Сергеева

БАЛЛАДА О СКРИПКЕ

Горит молодое солнце
и в окна глядит мои.
И милый пришёл, смеётся
от счастья и от любви.
А скрипка в соседнем доме
играет вовсю – хоть плачь.
И словно бы на ладони
в окне молодой скрипач.

Дождями окно умыло
и листьями замело.
Дождалась – приходит милый,
со мною ему светло.
А скрипка в соседнем доме
играет опять, хоть плачь,
играет она и стонет,
и виден в окно скрипач.

Морозом стекло покрылось.
Темнеет. И я одна.
Недолго же ты продлилась,
счастливой любви весна!
И день мой проходит зыбко,
от горя почти незряч.
Запела бы, что ли, скрипка!
Не слышно её, хоть плачь.

БАЛЛАДА О СКРИПАЧЕ

Проснулся от голоса скрипки.

Прощай, удивительный сон.
А звуки легки зыбки –
марш свадебный. Мендельсон.
Хоть пару часов поспать бы...
Застольную начали петь...
Нечасто справляются свадьбы, –
придётся перетерпеть.

А в доме соседнем скрипка
играет вовсю – всю ночь.
На многих устах улыбка –
сосед выдал замуж дочь.
Иду на работу разбитый
под звуки Пуни и Кюи.
Вернулся – стою, как убитый:
Шопен льётся в окна мои.

Покоя мне нет ни минутки –
ну, свадьбу отгрохал сосед!
Не сплю уже третьи сутки –
от скрипки покоя нет.
Альбенис, Делиб, Бузони,
Пуччини, Россини, Прач...
Ох, чешутся, ноют ладони,
а скрипка воет – хоть плачь!

Где сон мой? Увы, его нет,
я плачу, зубами стуча,
а скрипка поёт и стонет,
и видно в окно скрипача.
Полночи брожу вокруг дома –
не спят все вокруг дома.
Мелодия скрипки знакома –
«Сон в летнюю ночь» Тома.

Окно я давно бы выбил –
поблизости нет кирпича...
Сосед! Ну зачем ты выдал
дочь замуж за скрипача?

29.09.1998 г.

Глеб Горбовский

* * *

Уснул, а проснулся от скуки,
от нечего делать во сне...
Какие-то лёгкие руки,
как дождик, бродили по мне.

Куда я, а так же – откуда?
И стоит ли чай кипятить?
А в форточку ветер-зануда
Затаскивал чёрную нить.

Сажусь за ночную машинку,
по клавишам мчится рука...
Ошибка, ошибка, ошибка
вся жизнь и над ней облака.

Растают, как ночь на фрамуге,
стихи о любви неземной...
И тут невесомые руки
опять повстречались со мной.

Их кожа, как голос свирели,
нездешнее в пальцах чутьё...
Как ловко они отогрели,
утешили сердце моё.

* * *

Уснул раз на даче от скуки,
от нечего делать. Во сне
какие-то лёгкие руки,
как дождик бродили по мне.

Бумажник они из кармана
тянули, как дождик шурша,
и я слухового обмана
стал жертвой, почти не дыша.

А пальцы-дождейки шуршали —
нездешнее в пальцах чутьё!
Как ловко они обобрали,
обчистили платье моё!

Как споро, ни шатко, ни валко,
какой изумительный дар!
Бумажника вовсе не жалко —
там был лишь один гонорар.

Куда я, а также откуда?
А может быть даже и кто?
А в форточку жулик-зануда
вытаскивать начал пальто...

04.07.1987 г.

А. Тер-Маркарян

СТИРАЛА ДЕВОЧКА БЕЛЬЁ

Косило лунное бельмо,
Светило матово, нерезко.
Стирала девочка бельё,
Зайдя
 по щиколотки в речку.
Прибрежный ветер, замолчи,
Не дуй! Усни на мягких плавнях.
Она
 боялась замочить
Своё сиреневое платье.
Руками зябкими звеня,
Месила ситец, выжимала,
И целомудренно вода
Её колени обтекала.
Стирала девочка бельё,
Устало косы распускала,
И отражение своё
Она ничуть
 не расплескала!

* * *

Зайдя по щиколотки в воду,
Стирала девочка бельё...
Дай, бог, хорошую погоду!
Не замочи подол её!

Убога ведь и так бедняжка –
Лодыжки в уровень колен,
А вместо рук звенит медяшка.
Наследственность? Немецкий плен?

О мелкотемье злую фразу
Редактор как-то отпустил,
А сам бельё своё ни разу,
Поди, руками не месил.

Бесчувственный! Сухарь!! Отродье!!!
А у меня к бедняжке жалость, –
Тут виновато мелководье, –
Бельё-то – грязное осталось...

11.07.1987 г.

Виктор Кортаев

О С Е Н Н И Й Г У Л

Шумит осинник по старинке,
Коровы хрумкают в логу.
Как опрокинутые кринки,
Темнеют копны на лугу.

Я примирён опять со всеми,
И снова еле дышит грудь,
И, может, самое бы время
Прилечь под холмик
И уснуть.

Но позабудь себя, попробуй,
Когда послышится вдали
Тот угрожающий,
Недобрый,
Неукротимый гул земли.

Как будто там, в самой утробе,
Почуяв холод наконец,
Рычит в своей последней злобе
Июлем сваренный свинец...

О С Е Н Н И Й Ш У М

Виктору Коротаяеву

Шумел камыш, как в старой думке,
Коровы хрумкали в логу,
Как опрокинутые рюмки,
Стояли копны на лугу.

Я примирён опять со всеми,
И снова еле дышит грудь,
И может, самое бы время
Ещё полшкалика
Хлебнуть.

Но позабуди себя – попробуй,
Когда слышатся шаги
Жены,
И голосом недобрым
Она рычит мне: «Не моги!»

Как будто там, в утробном горне
Клокочет плавленный свинец.
...А у меня от страха в горле
застрял солёный огурец...

13.07.1987 г.

Глеб Семёнов

* * *

Край отчий. Век трудный. Час лёгкий.
Я счастлив. Ты рядом. Нас двое.
Дай губы, дай мокрые щёки.
Будь вечно – женою, вдовою.

Старухой – когда-нибудь – вспомни:
так было, как не было позже.
Друг милый. Луг нежный. Лес тёмный.
Звон дальний. Свет чудный. Мир божий.

* * *

Ты дед. Я старуха. Не спится.
Ты дрыхнешь. Ты пьян. Как обычно.
Как тихо. Боюсь шевелиться.
Вдруг вспомнилось... Помню отлично.

Ты юн. Я юна. Запах хвои.
Трава шелестит. Даль туманна.
Час ночи. Зов плоти. Нас двое.
Дрожь рук. Середина романа.

Так было. В ту ночь. И не позже.
Свет лунный. Ты близко. Крик галки.
Мы рядом. Мы вместе. О, боже!
Лес редкий. Три ёлки. Две палки.

19.07.1987 г.

Юрий Беликов

ПЕЙЗАЖ С БАСКЕТБОЛОМ

Сосны – словно баскетболисты.

В тучах скрыты у сосен лица.
Лишь бегут, напряжённые и знойные,
длинные ноги, красные ноги!
Сосны делают перебежку
и друг другу бросают белку!
Брежжат шишки у них в размахе,
как соски сквозь зелёные майки.
Пас налево. Удар о землю.
Куролесящей каруселью
ходит рыжий мяч баскетбольный.
Ясень – тренер в команде хвойной.

* * *

Сосны — словно эпилептики.
В волосах у них вошки-птички.
Так лохматы волос этих прядки,
словно был припадок на грядке.
И зелёны их постные личики,
и мохнаты их драные лифчики.
Только шишки торчат без утайки,
как соски сквозь зелёные майки.
Ноги красные и напряжённые.
Может, сосны к тому ж прокажённые?
Ветки-руки в сплошной коросте —
не лишай ли стригущий в росте?
А из ранок-царапин порой
вытекает смола, как гной...

А под соснами кустиком плотненьким
ясень смотрится — медработником.

20.07.1987 г.

Игорь Шкляревский

* * *

Я знаю радость – не дойти до цели,
каких-то десять верст не дотянуть
до водопада, где стоят форели,
тяжёлые и скользкие, как ртуть.

Цвели луга, я корчился от боли.
И зной звенел, но тряс меня озноб...
Я пропадал, как лодка на проколе,
как в городе осеннем – хлеботорб!

О, водопады синей Калевалы,
желанных встреч небесный холодок
и юности восторженные планы...
Владею всем, чего достичь не смог!

* * *

Чертополох цветёт во рву.
И жадно пёс облезлый рыщет.
Одну из тысячи траву
свою спасительную ищет!

Мне повезло. В свой грустный план
меня больница не вписала.
Быть может, ночью в мой стакан
лесная бабочка упала..

* * *

Хорошо на душе, не спокойно.
.....

* * *

Как хорошо, что мне сегодня плохо.

Душа болит и ноет. Благодать!
Болит живот, как будто от гороха.
Люблю, когда приходится страдать!

Вчера ходили с другом на рыбалку,
но, к счастью, не дошли ещё пока.
Зато – о радость! – я свалился в балку:
поломаны и рёбра и рука.

Цвели луга. Блаженствуя от боли,
в канаве вверх ногами я лежу.
Всё тело в яме, ноги – в чистом поле,
а по лицу ползёт навозный жук.

Мой друг назад – за медициной мчаться,
а я в ознобе... Счастлив – хоть кричи!
Приехали часов через пятнадцать
на белой «скорой помощи» врачи:

– У вас тяжёлый случай. Но, клянёмся, –
в больнице нету мест. Лежите тут.
А послезавтра мы сюда вернёмся. –
И наложили мне на рёбра жгут.

Я знаю радость – не дойти до цели,
блаженный миг – лететь в канаву вниз!
И вы понять, конечно же, сумели –
Шкляревский Игорь – просто мазохист!

24.07.1987 г.

Николай Асеев

* * *

Не за силу, не за качество
золотых твоих волос
сердце враз однажды начисто
от других оторвалось.

Я тебя запомнил докрепка,
ту, что много лет назад
без упрёка и без окрика
загляделась мне в глаза.

Я люблю тебя, ту самую –
всё нежней и всё тесней, –
что назвавшись мне Оксаною,
шла ветрами по весне.

Ту, что шла со мной и мучилась,
шла и радовалась дням
в те года, как вьюга вьючила
груз снегов на плечи нам.

В том краю, где сизой заметью
песня с губ летит, скользя,
где нельзя любить без памяти
и запеть о том нельзя,

где весна, схватившись за ворот,
от тоски такой устав,
хочет в землю лечь у явора,
у ракитова куста.

Нет, не сила и не качество
молодых твоих волос, –
ты всему была заказчица,
что в строке отозвалось!

* * *

Не за пышное количество

золотых твоих волос
полюбил Твоё Величество
не на шутку, а всерьёз.

Я тебя запомнил докрепка –
как другие – не орала,
без упрёка и без окрика
ты за мною зашагала.

Не за крепость, не за качество
молодых твоих грудей
полюбил твои чудачества,
от тебя хочу детей.

А люблю за то, наверное,
что уже который год
щи с говядиной на первое,
на второе – антрекот.

Я стихи читаю шёпотом –
улыбаешься, кивая.
Тихо в доме... Хорошо-то как,
что жена – глухонемая.

28.07.1987 г.

Юнна Мориц

* * *

То ли плеск, то ли бульканье зяблика,
То ли вздох, то ли блик, то ли всхлип, —
То ли в облачной области яблока,
То ли в зарослях ветреных лип.

Это слышимо в полночь и в утренник,
На прохладе и в душной глуши.
Что за птица, какой целомудренник
Этот голос извлёк из души?

Возникает и в лодке, и в поезде.
Шла за хлебом — и слышала вслед,
И растратила молодость в поиске,
Обнищав на обратный билет.

А вчера — до новинок охотница —
Уверяла подружку одну,
Что душа моя вечно находится
У какого-то звука в плену.

* * *

То ли плеск, то ли бульканье зяблика,
То ли скрип, то ли хруст сухаря,
То ли в зоне Адамова яблока,
В кадыке, без прикрас говоря,

То ли ниже – глухое урчание,
Всхлипы, шелесты, хрюканье, свист,
Скрежетанье, бурчанье, журчание,
То ли шейк, то ли брейк, то ли твист.

А недавно – последние новости –
Звуки явственные, только робки
Появились вдруг в облачной области
Нижней четверти толстой кишки.

Лишь вчера – до новинок охотница,
Поняла, наконец, что к чему:
Это стих из меня так и просится!
Я, пожалуй, касторки приму...

19.06.1987 г.

Булат Окуджава

ДАЛЬНЯЯ ДОРОГА

Забудешь первый праздник и позднюю утрату,
когда луны колёсико затренькает по тракту,
и силуэт совиный склонится с облучка,
и прямо в душу грянет простой романс сверчка.

Пускай глядит с порога красотка, увядая,
та гордая, та злая, слепая и святая...
Что – холод её ручек? Что – жар её перин?
Давай, брат, отрешимся.
Давай, брат, воспарим!

Жена, как говорится, найдёт себе другого,
какого-никакого, как ты недорогого.
А дальняя дорога дана тебе судьбой,
как матушкины слёзы, всегда она с тобой.

Покуда ночка длится, покуда бричка катит,
дороги этой дальней на нас обоих хватит.
Зачем ладонь с повинной ты на сердце кладёшь?
Чего не потеряешь – того, брат, не найдёшь.

От сосен свет целебный, от неба запах хлебный,
а от любви бледной сыночек будет бедный,
а дальняя дорога...
а дальняя дорога...
а дальняя дорога...

* * *

Та дальняя дорога, скажите, ради бога,
Чего нам ждать от трассы – свободы иль острога?
Не приведёт дорога к дням горестных утрат?
В конце концов, шоссе это, или Сибирский тракт?

А дальняя дорога уводит от порога...
В окно глядит красотка, немного кривонога,
На левый глаз слепая, а, в общем, – ничего.
Давай-ка, брат, решимся.
Давай-ка, брат, того...

Жена, как говорится, найдёт себе другого –
Таких, как ты, брат, много, добра недорогого.
А дальняя дорога – она чем хороша?
Отъехал от порога – и – веселись душа!

Покуда длится ночка, покуда катит бричка,
Покуда светит свечка и не погасла спичка,
Гуляй, куда гуляешь, иди, куда идёшь!
Чего не потеряешь, того, брат, не найдёшь!

От неба запах хлебный, от бабы дух целебный,
А от жены законной сыночек будет бледный.
Давай-ка, брат, решайся – смотри, красотка ждёт.
А дальняя дорога...
А дальняя дорога...
А дальняя дорога...
А дальняя дорога...
А дальняя дорога...
А дальняя дорога...
А дальняя дорога...
А дальняя дорога...
А дальняя дорога...
Она, брат, не уйдёт!

25.06.87г.

Михаил Дудин

ХОЛОДНОЕ УТРО ЦХАЛТУБО

На пиниях иней,

как маска на скулах врача.

И очерк горы. И за нею в бездонности синей

Плывут облака, на холодном ветру клокоча.

И пар над провалом. И иней не падает с пиний.

Согрей моё сердце и скорбные руки скорей.

Здесь колются звёзды и ночи безжалостно долги.

Согрей их приветом, далёким дыханьем согрей.

И сдунь, словно иней, со старого сердца иголки.

Не сердце, а кактус растёт, распускаясь в груди,

И давит на рёбра и гасит ночные светила.

Ты памятью в память скорее ко мне приходи,

Как в жизни и смерти спасеньем ко мне приходила.

Я жду тебя, слышишь! За горной гряды перевал

Летит моё слово, а ветер холодный нахрапист,

Его оборвал, и обвалом под камни – в провал.

Ни слова. Ни эха. Кончается ночи анапест.

Я жду тебя, слышишь! Гремит водопад, клокоча,

И тень от горы закрывает в тумане долину.

На пиниях иней, как маска на скулах врача.

Я выйду в ущелье. Я каменных гор не раздвину.

Я вслушаюсь в утро, как мальчик в плохие стихи.

Как в грубый подстрочник, который не ждёт перевода.

На пиниях иней. В Цхалтубо поют петухи,

И запахом хлеба спокойная дышит природа.

Римма Казакова

* * *

О пять, как на машине гоночной,
несусь за вами, чудеса,
и абрикосовою горечью
запахли майские леса.

Как водолазы, грубо вжатые
в скафандры жёсткие свои,
там набухают почки жадные
от воздуха и от любви.

Там розовенький и хорошенький
до одуренья ни к чему,
грибок взошёл на нитке-ноженьке,
и сладко дышится ему!

О вёсны, реки пограничные.
Летит опасная вода...
Поклон вам, листья земляничные
за то, что мыло – ерунда.

Поклон и муравью и ёжику,
и воробьям, орущим сбор,
и даже местному художнику
за непропущенный забор.

Я и сама, от вишен светлая,
на травке светлой и тугой
малюю что-то несусветное
незагорелою ногой.

Я, молодая и проворная,
хотела танцевать и петь.
Хотелось что-нибудь зазорное
в своих стихах запечатлеть.

И вот приехала в деревню я...
Плетень, ограда, тын, забор,
моя калитка очень древняя –
о вас и будет разговор.

За вами – плотно в землю вжатый
деревьев тесный хоровод,
словно троллейбусный вожатый
в час пик, к тому же в гололёд.

Там пёсик приторно-хорошенький,
обнюхав сочетание трав,
стоял на тонкой белой ноженьке,
другую к небу приподняв.

А вы, заборы пограничные
вокруг ухоженных дворов,
храните огороды личные
от посягательства коров.

Поклон вам, вымокшим под дождиком!
Привет!... и дружеский укор
дурному местному художнику
за непропущенный забор.

На нём словечко на три буквы
он написал, мальцов кумир...
Вы что надулись, словно буки?
Не бойтесь, это слово – «МИР»

Я и сама люблю ногою,
ну, в крайнем случае, рукой
писать о чём-нибудь такое,
чтоб мир пронять тугой строкой.

Бордовым медленным голавлем
садится солнышко за бор.
Я вас люблю, ценю и славлю,
плетень, ограда, тын, забор!

И я пишу стихи заборные
в свой звёздно-предзаказный час!
А вас, дворовые уборные,
прославлю в следующий раз...

09.06.1987 г.

Яков Козловский

С Л О В А

Слова умеют плакать и смеяться,
Приказывать, молить и заклинать.
Горячей кровью страстно обмываться
И равнодушно холодом дышать.

Добры они бывают и жестоки,
Таят пороки помыслов людских,
Негромко изрекают их пророки,
А торгоши выкрикивают их.

Со сцены королевский пересмешник
Ещё словами потрясает всех.
Их горько шепчет кающийся грешник
И сладко шепчет, кто впадает в грех.

Призывом стать, и отзывом, и зовом
Способно слово, изменяя лад.
И проклинают, и клянутся словом,
Напутствуют, и славят, и чернят.

И прежний смысл вдруг обернётся новым:
То «Лист опал», то «Глянь, какой опал!»
И тот велик, кто не мечом, а словом
Брал крепости и земли покорял.

С Л О В А

Якову Козловскому

Слова умеют плакать и смеяться,
А напади на фразу слово «грипп» –
Они могли бы кашлять и сморкаться,
И бюллетенить, видимо, могли б.

Слова лапшой свисают с уст младенца,
Фонтаном из оратора струят...
В одних словах есть мягкость полотенца,
В других – и лёд, и мёд, и йод, и яд!

Чревовещатель держит их в желудке,
Козловский Яков – в книжке записной,
А старшина орёт их на побудке,
И пишет писарь, если волостной.

Словами сочиняют – фантазёры,
Словами бреют – злые языки,
Словами лечат – те ж гипнотизёры,
И даже пишут, иногда, стихи.

Печаль с тоской в единое сливают,
Как воробья пытаются поймать,
А при склерозе часто забывают,
Стихи же – продолжают сочинять.

Словами жгут сердца – но лишь глаголом,
И проклинаят бремя неудач,
И матерятся, и клянутся... Словом,
У слова многопланов круг задач.

Значенья слов, увы, не перманентны:
То «лист опал», то «композитор Лист»,
То у него опал, опалесцентный,
То нотный лист листает пианист.

Слова порой кусают, словно блохи,
Порою жалят – в сто змеиных жал!

Козловского дела – не так уж плохи:
Ему Гамзатов пару слов сказал.

11.06.1987 г.

Евгений Винокуров

П И Р Ы

На то указывал Гомеру
Нравоучительный Платон:
Кто перешёл однажды меру,
Тот будет вечно посрамлён!

В людские не вмещаешь сроки,
У них не чаша, а ушат!
Всё пьют Гомеровские боги,
Всё жрут, горланят и грешат.

Края одежд, пируя, мочат!
И, жертвенный вдыхая чад,
До неприличия хохочут,
Танцуют, тискают девчат...

Платон – он ужас чует края,
А складки мантии белы,
Глядит он, головой качая,
На бесконечные пиры...

* * *

Платон говаривал Гомеру:
«Уж не с сивухи ты ослеп?
Алкота чёрттов, знал бы меру –
Тебя бы вылечил Асклеп...»

...А боги тоги в чашах мочат,
(У них не чаша, а ушат!),
То гомерически хохочут,
То платонически молчат,

То томно тискают наядок,
Дивяся прелести грудей,
То мудро падают в осадок...
Ну, в общем – всё как у людей.

Платон уже молчит. Он стар –
Одной ногой на крае рая.
Он и не смотрит на нектар
И ест икру, не запивая.

16.06.1987 г.

Василий Казанцев

* * *

До соседней деревни не близко.

Чтобы вовремя к школе успеть,
Вышли раньше. Искрится дорога.
Лес чернеется. Светит луна.

В зимнем поле безлюдно и голо.
Скрип шагов раздаётся, как гром.
В зимнем поле затишье и холод.
Мы по белой равнине идём.

Вот охапка зелёного сена –
Под раскатом упала с саней.
Вот блестит на дороге полено –
Кто-то с возом проехал по ней.

Мы бежим. Мы летим. Нас не много.
Предрассветная ночь холодна.
Лес чернеется. Блещет дорога.
В небе тонкая тает луна.

* * *

В зимнем поле чернелась дорога
И белел окружающий лес.
Вышли рано. Нас было так мало.
Не хотелось нам в класс опоздать.

Вот охапка зелёного сена –
Видно с возу недавно упал.
Вот блестит в полумраке полено –
Кто-то в санках по ней проезжал.

В небе тонкая тает луна.
Я учусь во втором уже классе.
В огороде растёт бузина.
Дядя в Киеве трудится в кассе.

На тропе абсолютно безлюдно.
Нас немного. Мы в школу идём.
Тишина нас гнетёт беспробудно.
Скрип шагов раздаётся, как гром.

Так, со скрипом, я в школе учился.
На пятёрки? Наверное, нет!
Всё ровно из меня получился
Замечательный сельский поэт!

01.07.1987 г.

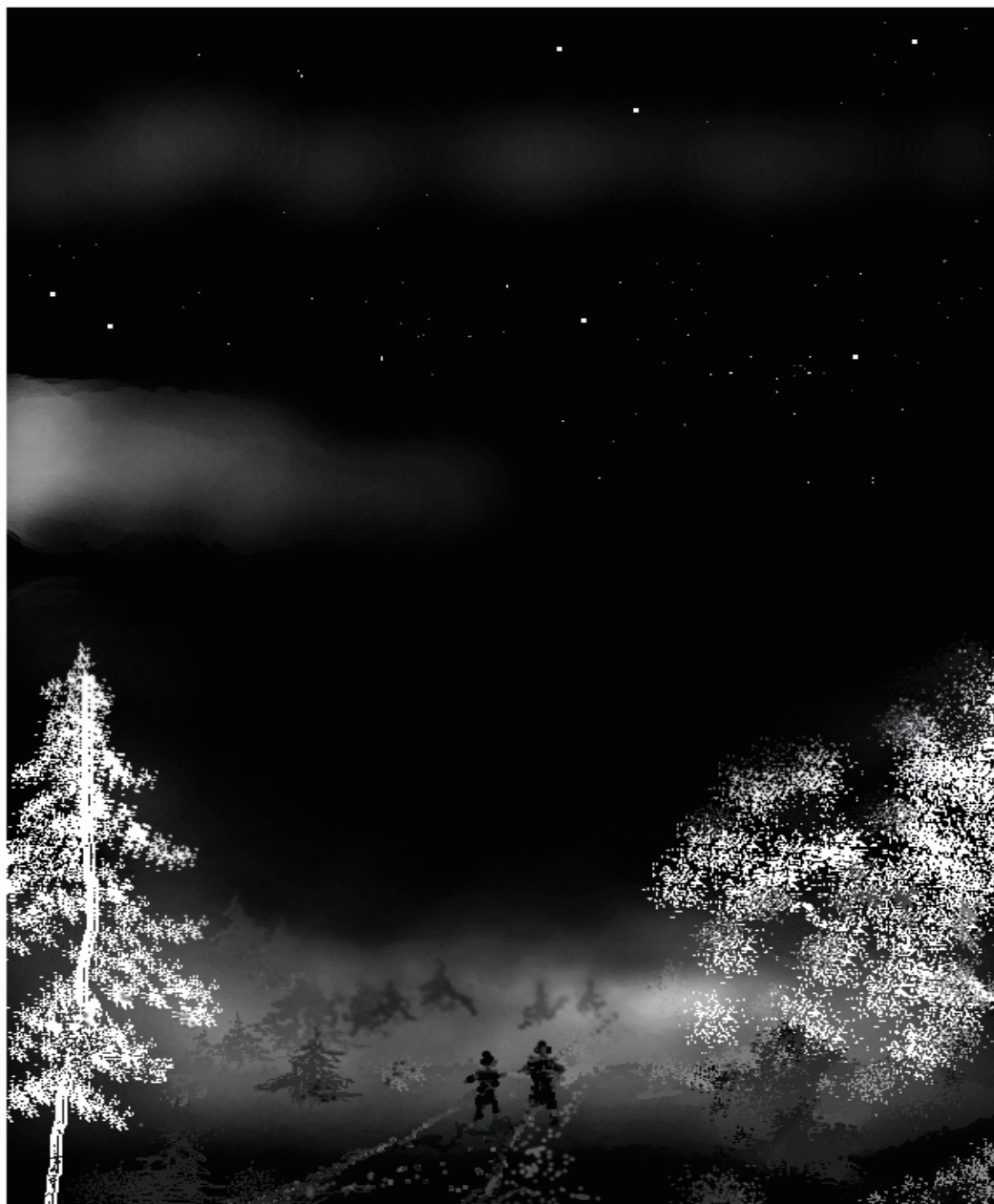

Иллюстрация к пародии
«В зимнем поле чернелась дорога...».

Николай Старшинов

* * *

Где ты, счастье моё большое?

Я топор куплю и пилу –
Стану плотником.
Всей душою
Потянусь к своему ремеслу.

Я досок настругаю к лету,
Чудо-лодочку смастерю
И отправлюсь по белу свету
В направлении на зарю.

В глушь ворвусь.
И начну отселе, –
Для того я и вышел в путь! –
Строить праздничные карусели,
Ладить санки и лыжи гнуть.

Я и впрямь на глухих дорожках
Возведу для своих дружков
Сто избушек на курьих ножках,
Тыщи праздничных теремков!

Не спастись ни тоске, ни грусти
От весёлого топора...
Разулыбится в захоlustье
Лопухая детвора.

Но ребят я не избалую,
Не изнежу, не распушу, –
Только силу их удалую
К свету солнечному обращу.

В тесных избах раздвину стены,
Потолки у них подниму,
И самих ребят непременно
Пристрашу к ремеслу сему.

...Нет светлей моего удела.
Что за счастье мне принесло
Расторопное это дело,
Просто плотничье ремесло.

* * *

Где ты, счастье моё большое?

Две тетради с полочки купил,
Пару ручек, перо простое,
И большой пузырьёк чернил.

Я куплет настрогаю к лету,
Повезёт – смастерю рубаю,
Дань отдам эпиграмме, сонету, –
А то что я? Пилю да рублю...

Надоело, как Пётр Первый
Колотить, подгонять, смолить.
Я ведь плотник, но я не первый,
Кто профессию хочет сменить.

Не спастись ни тоске, ни грусти
От огня моего пера.
Разулыбится в захолустье
Лопухая детвора.

Но детей я не избалую,
Не изнежу, не распущу –
Пристращу их, и про Вторую
Мировую войну напишу.

На простенке избы-читальни
Закрасуется мой портрет
В чьей-то рамке кривой, овальной, –
Больше в хуторе плотников нет.

Нет светлей моего удела –
Что мне плотничанье принесло?
Распрекрасное это дело –
Поэтическое ремесло!

26.06.1987 г.

Павел Сергеев

* * *

Душа коровы не крылата,
Но и, пожалуй, не низка...
Что от коровы людям надо?
Как можно больше молока.
И мяса. Не интересует
В корове больше ничего, —
Ведь человек всегда рисует
Подобье взгляда своего.
А, может, эта вот корова,
Нагруженная молоком,
Совсем не так уж бестолкова
И тоже смыслит кое в чём?
И если вникнуть в жизнь коровы,
То станет стыдно за людей,
Которые служить готовы
Лишь ради выгоды своей.

* * *

Душа коровы высока.
Она, пожалуй, и крылата –
Ведь сколько за год молока
Даёт, не требуя зарплаты!
И разве не интересуется
Вас внутренний коровий мир?
Ведь, может быть, она рисует,
Читает вслух «Войну и мир»...
А может эта вот корова,
Нагруженная молоком,
Предпочитает В.Серова,
Хоть и Коровин ей знаком.
Серов не даром в виде Ио
Её не раз изображал –
Сам Зевс в объятиях игриво
Её однажды подержал.
А разве так уж бестолково
Она отчаянно мычит,
Когда поёт А.Пугачёва.
Когда Кобзон поёт – молчит.
И, если вникнуть в жизнь коровы,
То станет стыдно за людей:
Мычать-то все у нас здоровы,
Стихи писать – куда трудней.

24.06.1987 г.

Александр Кухно

* * *

Снегирь! Ловлю тебя на слове,
ты зарифмован, как стихи,
февральской стужей на изломе
с ветрами майскими, снегирь!

Зачем на ветке конопляной,
перечеркнувшей снежный холм,
раскачиваешься, как пьяный,
чужим растроганный стихом?

* * *

«**O**, коростель! Тебя на слове

Кухно в болоте изловил,
Но не жаркое изготовил, —
Стихотворенье сочинил.

У Саши не было корысти,
Ты, коростель, его прости,
Что он держал тебя в корыте,
И рифмовал тобою стих.

Он рифмовал тебя с метелью,
С постелью нежно рифмовал,
А после, срифмовав с постелью,
Улёгся спать на сеновал.

Хоть рифмы были скорострельны, —
Ты не в коросте, коростель.
Ведь даже люди скороспелы
В эпоху бурных скоростей!

Но что-то очень похудел ты —
Отстали перья от костей,
Твои коростелята желты.
Так что случилось, коростель?

Быть может вы давно не ели?» —
Он еле слышно отвечал:
«Мы без лягушек две недели.
Их всех Кухно зарифмовал»...

16.06.1987 г.

Вадим Шефнер

ВСТРЕЧА

Говорят, что плохая примета —
Самого себя видеть во сне.
Прошлой ночью за час до рассвета
На дороге я встретился мне

Был загадочен и непонятен
Деловитый и строгий старик.
На вопрос мой: «Куда ты, приятель?»
Промолчал одинокий двойник.

Он шагал к рубежу небосвода,
Где осенняя гасла звезда,
И жалел я того пешехода,
Как никто не жалел никогда.

* * *

Прошлой ночью за час до просыпу
На дороге я встретился мне.
Был я в возрасте лёгкого скрипу
В пояснице, суставах, спине.

Мне понравился мой внешний облик,
Деловой и загадочный лик –
Я меня за плечо нежно обнял:
«Ну, пойдём шендарахнем, старик!»

Мне ответил я твёрдо и строго:
«Я давно завязал... навсегда!»
И жалел я меня, молодого,
Как никто не жалел никогда.

02.07.1987 г.

Владимир Бейлькин

* * *

Когда железка и магнит
В объятья бросились друг другу,
Я вострепнулся как с испугу:
Какая их связала нить?

И оглянулся я невольно
На мир у замерших дверей,
Хотя я знал, что это волны
Никем не видимых полей...

Листва мерцала, точно сито,
Но почему-то снова в дом
Меня тянуло как магнитом,
К девчонке в платье простом!

Я до сих пор её не понял!
Но всё мне кажется: не зря
Мы целовались с нею в поле,
В магнитном поле пустыря!

* * *

Попал я в сферу притяженья
Твоих невидимых полей –
И началось моё движенье
К тебе, чем ближе, тем быстрее.

Я сравнивал себя с магнитом,
Тебя с железкой, но – шалишь! –
Таким сравненьем неизбежным,
Увы, всего не объяснишь.

Всё возрастает ускоренье,
Остановились времена...
Центростремительным движеньем
Уже вселенная полна!

И, вдруг, я понял что за сила
Меня к тебе влекла! Ура!
Я понял, что меня манило!
Наверно, чёрная дыра...

02.07.1987 г.

Владимир Бейлькин

* * *

Не привыкну к тому, что живу,
Как весной, когда сходят созвездья
С высоты на резную листву,
Сад становится белым медведем.

Не привыкну к тому, как Трезор
Отзывается лаем на имя,
Как влекущий меня горизонт
От меня ускользает налимом.

Не привыкну к тому, как в жару
В ледяную прохладу прыгну...
Не привыкну к тому, что живу,
Как к тому, что умру, – не привыкну!

* * *

Не привыкну к тому, что весной
Сад становится белым медведем,
Что на дачу мы едем с женой,
А с сотрудницей снова не едем.

Не привыкну к тому, что Полкан
Каждый раз отвратительно лает,
И, нагнувшись к земле, как баран,
Меня за руку больно кусает.

Не привыкну, что жинка моя,
Когда в полночь домой возвращуся,
Превращается из воробья
В разъярённо шипящего гуся.

Не привыкну к тому, что в жару
Нет в киоске холодного пива.
Не привыкну к тому, что умру.
А что жив до сих пор – эко диво!

02.07.1987 г.

Александр Решетов

* * *

Мне теперь не так уж много надо.

Собирать не собираюсь дань.
Я теперь встречаю как награду
Перелесочную глухомань.

Вот звезда, что первой засветилась,
Вот осинник шепчет в полутьму...
Это предки благодать и милость
Дарят мне – потомку своему.

* * *

Уж не жду от жизни ничего я,
Всё пройдёт, как с белых яблонь дым.
Я б хотел свободы и покоя.
Я не буду больше молодым.

Мы теперь уходим понемногу,
И звезда с звездою говорит,
Может быть, и скоро мне в дорогу –
Сквозь туман кремнистый путь блестит.

Жизнь моя, быть может ты приснилась?
Что случилось? Толком не пойму!..

Это предки благодать и милость
Дарят мне – потомку своему.

03.07.1987 г.

Арсений Тарковский

* * *

Ничего на свете нет,
Что мне стало бы родней,
Чем летучий детский бред
Нищей памяти моей.

И опять звенит в ушах,
Мир гремит, но мне слышней
Слабый шелест, лёгкий шаг,
Голос тишины моей.

Я входил в стеклянный дом
С белой бабочкой в руке,
Говорил я на чужом,
Непонятном языке.

Бабочка лежит в снегу,
Память бедную томит, —
Вспомнить слова не могу,
Только звон в ушах стоит.

1933

* * *

Бабочка здесь не при чём,
И не надо горьких слёз –
Это слово ни о чём
Называется «склероз».

24.07.1987 г.

Арсений Тарковский

* * *

Я руки свои отморозил
На холоде зимнем твоём.
Я душу свою молодую
Убил непосильным трудом.

В натопленной комнате больно
Распухшим и грубым рукам, —
А всё ещё веришь невольно
Томительным, глупым стихам.

Во сне мне явился ребёнок,
Обиженный мальчик пришёл,
Игрушка из детских ручонок
Упала на крашеный пол.

1937

* * *

Как видно, и детскую ручку
Суровый мороз прихватил.
Я поднял с трудом авторучку
Со слитком застывших чернил.

Я вытер игрушку о скатерть
И подал её малышу.
«Не надо, – сказал он, – оставьте,
Я глупых стихов не пишу».

24.07.1987 г.

Валерий Брюсов

МЫШИ

В нашем доме мыши поселились

И живут, и живут!
К нам привыкли, ходят, расхрабрились,
Видны там и тут.

То клубком катаются пред нами,
То сидят, глядят:
Возятся безжалостно ночами,
По углам пищат.

Утром выйдешь в зал, – свечу объели,
Масло в кладовой,
Что поменьше утащили в щели...
Караул! разбой!

Свалят банку, след оставят в тесте,
Их проказ не счесть...
Но так мило знать, что с нами вместе
Жизнь другая есть.

8 января 1899

МЫШИ

В нашем доме поселились мыши.

Сколько их? Не счесть!
И в подполье, и в шкафу, и выше –
Все желают есть.

Съели всё, что можно и часами
Умывают мех.
То клубком катаются пред нами –
Просто свальный грех!

То в глаза уставятся моргая,
И едят свечу.
Лишь одна воскликнула, рыгая:
– Калачу хочу!

Всё вокруг обкакано, разбито –
Выручайте нас!
Из посуды цело лишь корыто,
Таз и унитаз.

Съели две из трёх хороших книжек,
Сочинённых мной,
Но какое счастье, что средь мышек
Ни одной чумной!

Ведь съестное всё уже сожрали –
Нету ни шиша.
Я себе вчера на завтрак жарил
Дохлого мыша.

28.09.2003 г.

Джубан Мулдагалиев

* * *

Без мыслей о поэзии, о боге
Спешило детство, таяло вдали.
С приятелем мы как-то по дороге
В церквушку православную зашли.

Церквушка миром необыкновенным,
Просторным домом показалась мне.
На потолке, и в нишах, и на стенах
Картины проступали в тишине.

Прямые взгляды прожигали душу,
Мальца в грехах неведомых вина.
Приятель спохватился и наружу
Извлёк поспешно за руку меня.

Промчался год. Я удивился, право,
Не в церкви – в школе увидав портрет...
А бог был молод, волосы курчавы,
В глазах живых – задумчивости свет.

– Он русский бог?
Я смело вопрошая,
Пытался разобраться что к чему.
Учитель стал серьёзным:
– Что ж, пожалуй!
Хоть сами боги не чета ему!

Проходит время. Не прельщённый раем,
Я не хожу ни в церковь, ни в мечеть.
Икон старинных мы не собираем,
Казахам трудно в этом преуспеть!

Что мне Коран, что библия,
От жженья
Моей души они не исцелят.
Я поклоняюсь богу вдохновенья,
Увиденному сорок лет назад.

Он шествует по солнечным дорогам,
Аулы, степь, поэзию любя.
Прости, о Пушкин,
За сравнение с богом –
Но с чем ещё я мог сравнить тебя?!

Перевёл с казахского Вл. Савельев

Иллюстрация к стихотворению Джубана Мулдагалиева
«Без мыслей о поэзии, о божестве...».

* * *

Джубан Мулдагалиев, вы не правы,
Что с богом Пушкина сравнить решили вы.
Ведь бог творил, увы, не ради славы,
Не ради светской, суетной молвы.

Для бога Пушкин, право, слишком чёрен,
Кудряв, любвеобилен, нагловат,
На эпиграмму пошлую проворен,
А на расправу малость трусоват,

Самолюбив, порою даже слишком,
Заносчив, ядовит, упрям, как бык.
Его, конечно, не обидел бог умишком,
И без костей вложил в него язык.

Он жёг сердца глаголом, это верно,
Свободу воспевал и был тем очень горд,
Но, если с кем сравнить его, наверно,
А.Пушкин – это тот же самый чёрт!

29.06.1987 г.

СКРОМНОСТЬ

Нет! Слава – не цветы, не снимки,
А честь, когда признал народ,
Когда сдаёшь в ремонт ботинки,
А мастер денег не берёт.

Ефим Самоварщиков

Хочу, друзья, сказать вам сразу:

Не гениальна жизнь моя,
Ведь в парикмахерской ни разу
Бесплатно не постригся я.

Да, я старательный художник,
Немало перевёл чернил,
Но ни один ещё сапожник
Мне обувь даром не чинил.

Считаться гением не смею,
И повода другим не дам:
Чинить я обувь сам умею,
Да и стригусь и бреюсь сам.

01.03.2003 г.

* * *

«Лишь ветер свистает зловеще
Да бедное платье трепещет...»

«Но всё же свой шаг бесполезный
Я сделал над тёмною бездной...»

Натан Злотников «Ночные качели»

Обрыдла жена – нету мочи,
А дело продвинулось к ночи,
И я ей сказал: «Ну, комодиха,
Пошли в парк культуры и отдыха».

Она – ничего, не роптает,
Горжетку свою застегает,
И вместе, но врозь мы, во мраке
Шагаем, как злые собаки.

Качели скрипели вначале,
Когда мы их вместе качали,
Потом я их врозь кочегарил
В каком-то зловещем угаре.

Лишь ветер зловредно свистает,
Да платье её трепещет.
«Ну, что, – говорю, – мандраже?»
Она мне в ответ: «Неуже...»

Но дальше её не слышаю –
Сорвавшись, руками махаю.
А воздух как гром грохочет.
Как жаль, что поэт не летает...

Звезда над газетным киоском
Дымясь и чадя догорает.
Жена за качельным подмостком
Остынувший труп мой ищет.

22.07.1987 г.

Из цикла "Экспериментальное"

Эдуард Холодный

* * *

...**И** может статья: Пушкина не станет,
Метели не одну свечу задуют,
И ветры будут рвать литые кроны,
А молнии терзать стволы дубов...
И пусть никто не думает, что это —
Игра воображения, и только:
Уже сегодня угасают свечи
И по лесам разбросаны стволы...

* * *

...**И** **может** статья: Пушкина не станет,
Волчица выть всю ночь не перестанет,
Метели не одну свечу задуют,
И лешие тропинки заколдуют,
И ветры будут рвать литые кроны,
И каркать на пожарищах вороны,
А молнии терзать стволы дубов...
Мы помним это, и сюжет не нов.
И пусть никто не думает что это –
Досужая фантазия поэта,
Игра воображения и только,
Горячечные бредни алкоголика:
Уже сегодня угасают свечи,
И замолкают праздничные речи,
И по лесам разбросаны стволы...
Мы помним это. Помните ли вы?

21.06.2004 г.

Владимир Ланг

* * *

Крики дикие кряквы дохнувшей
Раскроили на части тишь.
Капли крови, под солнцем сохнувшей,
Обагрили густой камыш.

У охотника сердце колотится,
Состраданьем искривлен рот.
Человек на уток охотится.
Хорошо, что не наоборот.

И упала она, изранена,
На излёте прервав полёт.
Жаль, конечно, что не баранина,
Но на ужин...
... — ничтяк, сойдёт!

Я на этом поставил точку,
И пути обратного нет.
Интересно, а как эту строчку
Завершил бы другой поэт?

Елена Гуро

(Но на ужин...)

Утя
Уточка-утёночка,
Селезёночка моя, сизелёночка
Пузичко твоё дробинками нашпиговано
Пуся...

Владимир Набоков

(Но на ужин...)?.. Вздохнул. Потянулся.

Закурил. Помолчал. Затынулся
И отрезал: «Иван! На лёд!»

Белла Ахмадулина

(Но на ужин...) – Убил! Урод!

Александр Пушкин

(Но на ужин...)

Дрянь чирок, но с бордо – пойдёт!
Я разбужен!

Николай Клюев

(Но на ужин...) ... Эстет лохматый!

Ты пошто грабанул чирка-то?
Это я его грохнул! Вот!

Марина Цветаева

(**Но на ужин...**)...Он нужен! – Нужен? –
Неужели он так простужен? – Не идёт! –
А ещё он с Ахматовой дружен...
А на ужин у нас компот!

Николай Рубцов

(**Но на ужин...**)...А с пивом? – Идёт!
Правда, лодка совсем сгниёт...
У меня, вот, ещё таранина
И огурчик – сосед продаёт!

Зинаида Гиппиус

(**Но на ужин...**)...О, Боже! Боже!
Но за что же её, за что же?
О, какой невысказанный год!
Под стволы подвернулась, небрежная,
Несказанная, юная, нежная,
Посолишь, поперчишь – и в рот!

00

Сергей Есенин

(**Но на ужин...**)...Который год
Вспоминаю я удаль вольную,
Ширь привольную, песнь застольную
Нашу свадьбу небезалкогольную...
Но, позвольте, а кто не пьёт?

Иван Бунин

(**Но на ужин...**) приду в чёрном фраке:
Будут Божьи очи во мраке
За едой наблюдать с высот!

Алексей Толстой

(**Но на ужин...**)...Здесь что? Ну вот!

Ну, какой же вы дрянью питаетесь,

И меня отравить пытаетесь.

Ну, купили б, хотя бы, шпрот!

Николай Заболоцкий

(**Но на ужин...**) пришёл народ.

За рекою звезда потухла...

– Ну, давайте, пока не протухло,

Это всё же паштет, не помёт!

Владимир Жириновский

(**Но на ужин...**)...Пускай не врёт!

Никакой этот Ланг не охотник.

Он не вышел вчера на субботник!

От таких только пук и стук –

Однозначно, таких – на тук!

21 04.2004 г.

СТИХОТВОРЕНИЕ XXI В.

Переменился ветер на северный Норд-Ост,
А мне в письме невестином, обсопленном от слёз,
Вернувшись возвратилось инвертной ревертазой
Коль цоколь, цоколь, цо? кольцо!

с постскрипнувшей фразой:

«Сгубили, били, били, и по губам, я баю –
И мачеха, и новый муж и вот – я погибаю
Невестой неневестной, весталкой, Вестой, веткой,
Надломленной, изломленной, избитою невесткой».
Я весточкой невестиной, повеса, огорчённый,
Поджог своё имущество и новоиспечённый
Роман в шести частях с прологом, эпилогом...
– Маман! Я весь зачах, я ухожу!
– Ну, с Богом!
– А ты кольцо, кольцо, кольцо, коль цоколь уцелел,
Продай крутым домишко, скажи Иван велел.
Сама же в богадельню, коль подопрёт, ступай.
С меня ж подпорка слабая – без бабы я. Ба-бай!

10.03.2003 г.

Борис Пастернак

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е П О Э З И И

Это – круто налившийся свист,
Это – щелканье сдавленных льдинок,
Это – ночь, леденящая лист,
Это – двух соловьев поединок.

Это – сладкий заглохший горох,
Это – слезы вселенной в лопатках,
Это – с пультов и флейт – Фигаро
Низвергается градом на грядку.

Все, что ночи так важно сыскать
На глубоких купаленных доньях,
И звезду донести до садка
На трепещущих мокрых ладонях.

Площе досок в воде – духота.
Небосвод завалился ольхою,
Этим звездам к лицу б хохотать,
Ан вселенная – место глухое.

ЕЩЁ ОДНО ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Это – дар скуповатых богов,
Это – с рифмою ритм поцелуя,
Это – рог для лишённых рогов,
То, чем живы поэты, рифмуя.

Это – шорох сухих камышин,
Это – грозы, морозы, берёзы,
Это – с розой хрустальный кувшин,
Плотный сгусток рифмованной прозы.

Это – нервов и слова моток,
Это – волны! Не струечки в душе.
Это – рифмы бурлящий поток,
Гипнотически льющийся в души.

Это – Фигаро пультов и флейт,
Это – средство от скуки и стрессов,
Это – пошлости твёрдое «нет!»
И «бум-бумам» крутых мерседесов.

Это – плоской доски духота,
Это – сладкое слово свободных,
Это – местной тоски глухота,
И ольха у руин небосводных.

Это – хитрое звезд «хи-хи-хи!»
Это – сладость заглохших горошин,
Это – часто плохие стихи,
Но и радость от редких хороших!

Это – Пушкин, Есенин и Блок,
Это – воз щуки, лебедя, рака,
Это – «Осень», «Цветок», «Хуторок»
И подземная часть Пастернака!

21. 05.2004 г.

Лев Мей

* * *

О ты, чье имя мрет на трепетных устах,
Чьи электрически-ореховые косы
Трещат и искрятся, скользя в руках впотьмах,
Ты, душечка, ответь мне на вопросы:

Не на вопросы, нет, а только на вопрос:
Скажи мне, отчего у сердца моего
Я сердце услышал, не слыша своего?

Конец 1840-х или начало 1850-х годов

ОТВЕТ

— *O*_T электричества был шок, потом невроз...

28.05.2004 г.

Зинаида Гиппиус

...**О** **следующем** стихотворении Сологуба помню только, что было оно написано мастерски, в удивительном ритме.

А кто знает здесь его строки, такие загадочные и таинственные, что даже духовные цензора (в журнале «Новый путь») долго сомневались, пропускать ли их:

Водой спокойной отражены,
Они бесстрастно обнажены
При свете тихом ночной луны.
Два отрока, две девы творят ночной обряд...

Эти стихи были специально выучены мною наизусть – чтобы дразнить В.В.Розанова. Он от них в ярость приходил.

Стопами белых ног едва колеблют струи
И волны, зыбляся у ног, звучат, как поцелуи...

– Ерунда, чепуха! – сердился Розанов, – какие это поцелуи?

Огонь, пылавший в теле, томительно погас,
В торжественном пределе настал последний час...

– Да вы скажите, сколько их, сколько их? Двое или четверо? «Отражения в воде видны»...значит, двое?

Стопами белых ног, омытыми от пыли
Таинственный порог они переступили...

Этот «порог» и «предел» приводили Розанова в особый раж. Непременно желал Знать, что это такое. Однако... Сологуба спросить не решался. ...

* * *

Стопами белых... Стоп!
Не о ногах здесь речь.
Стихи здесь льются, чтоб
Лишь нравственность сберечь.

Стопами строф, не ног,
Сказать хочу я
О том, какой порог
Я здесь почувал.

Порог, а не порок
В торжественном пределе.
Речной, речной порог.
А девушки – при теле!

Пока тут не дошло
До истинного дела?
Подпёрло? Подошло?
До самого предела?

Тогда охолонитесь
Водичею студёной –
Воды гигиеничность
Знал сам Семён Будённый!

Полезность струй речных
Холодных и проточных!
Ты понял, что мой стих
О девах непорочных,

Чья плоть, как и душа
Невинна и чиста
Средь волн и камыша
У старого моста?

Послушай сам о чём
Там шепчут тихо губки –
Узнаешь, что почём.
Так вы о чём, голубки?

«А мы о том, что мы –
Сама сплошная нега:
Изящны и стройны,
И грудь белее снега.

Стопами белых ног
Мы глади волн целуем,
Сплетаем мы венок
Речным прохладным струям,

Тем, что лобзают нас
В интимном месте,
И не лишают враз
Ни нежности, ни чести.

Не то, что мужики –
То брань, то пьянки.
Вы – грубы и дики!
Мы любим – лес, Бианки...»

28.05.2004 г.

Николай Гумилёв

Тебе бродить по солнечным лугам,
Зеленых трав, смеясь, раздвинуть стены!
Так любят лгнуть серебряные пены
К твоим нагим и маленьким ногам!

Весной в лесах звучит веселый гам,
Все чувствуют дыханья перемены;
Больны луной, проносятся гиены,
И пляски змей странны по вечерам.

Как белая восторженная птица,
В груди огонь желанья распаля,
Проходишь ты, и мысль твоя томится;

Ты ждешь любви, как влаги ждут поля;
Ты ждешь греха, как воли кобылица;
Ты страсти ждешь, как осени земля!

Весной 1909 г. Н. Гумилёв отослал свой сонет Е. Дмитриевой, которая написала ответ и оба сонета отослала М Волошину, который дал третье произведение. Задача писавших была: использовать те же рифмы, стараясь избегать в каждой строфе одинаковых слов.

По воспоминаниям участников «Цеха поэтов» и многочисленных литературных студий, возглавляемых Николаем Гумилёвым, они часто, после разборов отдельных произведений и взаимной критики, играли в литературные игры. Одна из этих игр – написать стихотворение заданной формы на заданные рифмы. Одно из первых такого рода состязаний у Н.Гумилёва связано с именами Е.Дмитриевой и М. Волошина.

Елизавета Дмитриева

ОТВЕТ НА СОНЕТ Н. ГУМИЛЁВА

Закрыли путь к некошеным лугам

Темничные, незыблемые стены;
Не видеть мне морских опалов пены;
Не мять полей моим больным ногам,

За окнами не слышать птичий гам,
Как мелкий дождь все дни без перемены,
Моя душа израненной гиены
Тоскует по нездешним вечерам.

По вечерам, когда поет Жар-птица
Сиянием весь воздух распаля,
Когда душа от счастья томится,

Когда во мгле сквозь темные поля,
Как дикая степная кобылица,
От радости вздыхает вся земля...

Максимилиан Волошин

СЕХМЕТ¹

Влачился день по выжженным лугам.
Струился зной. Хребтов синели стены.
Шли облака, взметая клочья пены
На горный кряж. (Доступный чьим ногам?)

Чей голос с гор звенел сквозь знойный гам
Цикад и ос? Кто мыслил перемены?
Кто с узкой грудью, с профилем гиены
Лик обращал навстречу вечерам?

Теперь на дол ночная пала птица,
Край запада лудою² распаля.
И персть³ путей блуждает и томится...

Чу! В теплой мгле (померкнули поля...)
Далеко ржет и долго кобылица.
И трепетом отвечает земля.

1909

.....
¹ Сехмет – в египетской мифологии богиня войны и палящего солнца;
изображалась в виде женщины с головой львицы.

² Луда (арх.) – ослепительный блеск.

³ Персть – пыль, прах.

БУРИМЕ В СТИЛЕ «ЦЕХА ПОЭТОВ»

Георгий бродит ночью по лугам –
Его не удержали дома стены.
Он мыслью там, где клочья белой пены
Ромашек беззаботно льнут к ногам.

Горит звезда. Смолкает птичий гам,
И на душе возможны перемены.
Ютятся в ней ещё обид гиены,
И странно бродят в ней по вечерам.

Взовьётся ввысь трепещущая птица,
Азарт охотничий невольно распаля,
Но нет с собой ружья, и дух томится.

Оделись сумраком притихшие поля.
В конюшне спит гнедая кобылица.
Уснёт и он. Усни и ты, земля!

29.04.2004 г.

Владимир Соловьёв

В АЛЬПАХ

Мыслей без речи и чувств без названия
Радостно-мощный прибой.
Зыбкую насыпь надежд и желания
Смыло волной голубой.

Синие горы кругом надвигаются,
Синее море вдали.
Крылья души над землей поднимаются,
Но не покинут земли.

В берег надежды и в берег желания
Плещет жемчужной волной
Мыслей без речи и чувств без названия
Радостно-мощный прибой.

Август 1886

В ТИХОМ ОКЕАНЕ

Чувства немые и мысли инкогнито

Тихо средь круч мы вершим.
Кредо надежд изувечено, погнуто,
Как азиатский кувшин.

Горные пики кругом возвышаются –
Скалы, ущелья, тырса.
Люди спокойно на лыжах катаются,
В общем, творят чудеса.

Сыпятся сели, лавины и оползни
Сверху, как водится, вниз.
Только клесты, попугаи и поползни
Вверх по стволам понеслись.

Горные кручи отвесно изогнуты
Над пенепленом долин.
Чувства немые и мысли инкогнито
Круче кручёных вершин!

01.06.2004 г.

Арсений Тарковский

ВТОРАЯ ОДА

Подложи мне под голову руку

И восставь меня, как до зари
Подымала на счастье и муку,
И опять к высоте привари,

Чтобы пламя твое ледяное
Синей солью стекало со лба,
И внизу, как с горы, предо мною
Шевелились леса и хлеба,

Чтобы кровь из-под стоп, как с предгорий
Жарким деревом вниз головой,
Каждой веткой ударилась в море
И несла корабли по кривой,

Чтобы вызов твой первый – сначала
Прозвучал и в горах не затих...
Ты в созвездья других превращала,
Я и сам из преданий твоих.

1967

* * *

«**Подложи** мне под голову руку

И восставь меня, как до зари
Подымала на счастье и муку,
И обратно опять водвори,

Чтоб не слышать, как мокрый я ною
В ледяной простыне, никогда,
Чтобы вниз, как с горы, подо мною
Заструилась дурная вода.

Чтоб она, как весною с предгорий
Понеслась, полилась по кривой,
Горной речкой, несущейся в море, —
Не держи меня вниз головой!»

Чтобы вызов твой в первом куплете
Прозвучал и в горах не затих,
Ты прости, ведь давно мы не дети,
Но ты сам написал акrostих!

27.03.2004 г.

Осип Мандельштам

* * *

Как тень внезапных облаков,
Морская гостья налетела
И, проскользнув, прошелестела,
Смущенных мимо берегов.

Огромный парус строго реет;
Смертельно-бледная волна
Отпрянула, – и вновь она
Коснуться берега не смеет.

И лодка, волнами шурша,
Как листьями...

1910

ЗАВЕРШЕНИЕ

...,проходит мимо,
Без устали, неутомимо
Качая струны камыша.

От этой красоты немея,
Поэта чуткая душа
Замрёт, застынет не дыша,
Каламом шевельнуть не смея.

Уж скоро век, как ветер стих...
А мы, потомки, что – не сложим
Двух слов? Неужто не поможем
Поэту завершить свой стих?

31.03.2004 г.

ПРО ЯБЛОКОВ

(Подражание обэриутам)

«**Венчание** плодами» Заболоцкого

Во мне открыло массу плодского:
Ведь люди так на яблоков похожи –
В них форм округлость, бархатистость кожи,
В них сочность, часто от переяданий...
Во тьме веков и в сумраке преданий
Все люди для кого-нибудь да сладки,
Все человеки свехувнизно падки, –
Всей схожести с плодами и не счесть.
Вот только нужно ли их есть?

Вон женщина выходит из трамвая.
Венера! Двигается, бедрами помавая.
В румянах щёчки, словно у ренета,
В глазах фиоль – как будоражит это!
– Возможно ли поползновение плоти? –
– Вотще! –
– Пардон, так вы не на работе? –
– Вообще... –
– Ну вот, так сразу б и сказали:
«Войди в меня». Вошёл. Меня там ждали
Восторг и упоение... Нирвана...
Во рту приятный вкус, как от шафрана.
Воскликнуть бы, как Суламифь нагая:
«Вина и яблоков, а то изнемогаю!»

В вас есть для пущей прыти естества
Волшебный вкус, а также вещества...
В вас есть пектин, основа мармелада,
В вас есть... Короче, – и пальта не надо!

Вас ев, Адам был Евой озабочен,
Вы были им не до конца проглочен.
В раю ему б давно пришёл кердык!
В подлунном мире вас зовут – кадык!
Вас ел Адам, а в это время дама,
Восторженно пия нектар Агдама,
Водила яблоками глаз на змеюка –
Вот почему она без кадыка!

В Элладе древней конкурс без оваций:
В ком больше грациозности из граций.
Весь в раже судия, Парис.
Вы в этом арбитраже – приз!

Водой сочилась древняя клепсидра.
Вы, только вы были сырьём для сидра.
Вас в мире много: тьмы, и тьмы, и тьмы.
Вы бродите – и сидру выпить мы
Весьма не прочь, но вкус ваш так непрочен:
В нём привкус червячков и червоточин.
В нём нет невинной гаммы винограда...
Вы его пробовали филлоксерой, гада?
Вон он висит, проклятый конкурент,
Виновник бед, алкоголят, бой-френд!

Вы результат мичуринской селекции.
Вот я в одной обэриумной лекции
Восторженно узнал аспект реалий,
Возникший у подземных инферналий.
Во прахе тела червячки живут,
Вопьются в труп и жадно жидкость пьют.
Всё высосав, над умершим смеясь,
Возьмутся за хрящи, за ливер и за мясо,
Вмиг обгрызут все кожные покровы,
Волосяные также, дабы снова,
В урочный час из бедренной кости,
Вверх можно было б деревцу расти,
Ветвясь и на могилу тень бросая.

Взгляни – вон видишь – девица босая?
В берцовой кости из неё торчит
Великолепный сорт – бельфлёр, гибрид.
Все червячки, нажавшись до отвалу,
Взрастивши формы, близкие к овалу,
Весьма уже стать мушками пытаюсь,
Воспоминаньем прошлого питаюсь,
Висят довольные, особенно собою,
В миазмах воздуха вниз верхней головою.

В урочный час придёт и их планида,
Возникнет у имаго имидж вида,
Великолепье крыл и блеск хитина –
Веласкеса достойная картина!
Весьма возможно, даже и Шагала –
Ведь многие из вас – из галла!

Вот-вот приидет час, и ваша стая,
Великолепьем радужным блистая,
Взовьётся вверх, порхая, трепеща,
В окрестных весях завязи ища,
Взамен вчистую сглоданного трупа,
Виясь от Чопа и до Утурупа,
Веснянки, плодояжки и верблюдки,
Вздымая вверх хитиновые грудки...

Вот вы висите, радуя поэтов,
Волшебные кусочки Солнцев и планетов...
Вас съесть хотел медведь продолговатый,
Вы были не вкусны, как бы из ваты –
Вы не налились плодоядным соком,
Вися под солнцем и мерцая боком.
Вы не могли быть подаримы даме,
Вобщем ещё не будучи плодами.
Вас даже Ева б есть ещё не стала,
Вот разве свинка – та б уже сожрала!

В природе всё подогнано разумно –
Весна прошла, настало лето шумно,
Ветрами овеваемы, дождями,
Взращённые идейными вождями,
Вы выросли, созрели, состоялись,
В вас витамины густо настоялись.
Вас новобрачные, едва сову купивши,
Во рты набили, и, ваш сок попивши,
Вторично покупать пошли сову,
В поэте пробуждая дежавю.

Вот тут и Ева, вас уполовиня,
В объятиях Адама рот разиня,
Вкусила столь о райского стола
В тот миг, что после выгнана была
Вон из эдема, и с Адамом вместе.
Вот так. Виною – вы! Сказать по чести,
Вкус яблоков, вообще, не лучший самый:
Вас не жуют, как юколу, саамы,
Вас град хлестал, опыливали дустом,
Вороны вам, чтоб всем им было пусто,
Выклёвывали что-то вроде струпа,
Возможно червячков, тех, не нашедших трупа.

Ваш срок пришёл, наш дорогой Иван
Владимирович. Пухом будет вам
В цветах Земля. Вас с нами больше нет.
В земле лишь прах, верней один скелет.
Вы сам, уже сожратый червячками,
Весь в яблоках, которые Вы сами...
Вас раскусив, приятно нам увидеть
Всего, а не две трети, или треть.
Вас хочется любить, не ненавидеть!
Вас съедено!.. Приходит умереть!..

06.04.2004 г.

СОВЕТ

(Стихотпovidлю)

Допустим , всё у вас в порядке,
А вы не сделали завивки,
Или купить забыли свёклу –
Попробуйте вернуться к грядке,
Чтоб были овощи в поливке,
И угодили бы вы свёкру.

А если на душе тревога,
А вы не веруете в разум,
И долго ходите под мухой,
И стали выглядеть убого, –
Вам надобно решиться разом,
И навсегда кончать с сивухой.

Когда вам грустно, одиноко, –
Возьмите с полки томик Фета,
Бокал хрустальный из серванта
Пусть до краёв наполнит мокко,
Хоть может это и «не это» –
Стать просто жертвою таланта.

Когда же вас сомненье мучит,
И кошка под окном страдает,
И по утрам собака будит –
Мой стих откройте – он научит:
Открывший – сведенья узнает
И больше их не позабудет!

19.11.1999 г.

...Не ко мне, так к кому же?*

.....

* Три «к» выражают замешательство автора.
А.Ахматова «Поэма без героя»

МАРАЗМИНКИ

На спортивный пьедестал стал Сталлоне-Рокки.

Ур, Уруп, Урал-река, как Ока глубоки.
Просто сто столбов стоят на реке и баста.
Какофонии, мне вас не хватает часто!

А в пруду на вилле в иле вы ли, Вилли, были?
А потом полили ли лилии на вилле?
Лилипутам там там-там тарахтел так славно!
Какофонии, мне вас так писать забавно!

Об измене не невеста, а жена узнала.
Тратя скуп по полтине, (это очень мало),
Тупо по полу топчет, (это неприятно).
Какофонии, мне вас так писать занятно!

Дикобраз раз размышлял о природе света.
Полетел бы на луну, ну, нужна ракета.
Но направлена на нас та боеголовка.
Какофонии, мне вас уж писать неловко!

В белой вазе роза за завтраком завяла.
Нужно чтоб об обобщеньях общество узнало.
Даже же жевать драже так полезно к чаю.
Какофонии, уже я строчить кончаю!

02.08.2003 г.

Валерий Брюсов

* * *

Умер великий Пан.

.
Она в густой траве запряталась ничком,
Еще полна любви, уже полна стыдом.
Ей слышен трубный звук: то император пленный
Выносит варварам регалии Равенны;
Ей слышен чей-то стон, – как будто плачет лес,
То голоса ли нимф, то голос ли небес,
Но внемлют вместе с ней безмолвные поляны:
Богиня умерла, нет более Дианы!

3 октября 1894

* * *

Богиня умерла, нет более Дианы!

Валерий Брюсов

Она в густой траве запряталась ничком
И, натянувши лук, следит за Актеоном,
Который лишь вчера увидел нагишом
Её прекрасный торс и любовался лоном.

Пройдёт немного дней и бедный Актеон
Поплатится за это лицезренье:
Чтоб псом своим растерзанным быть, он
Дианой будет превращён в оленя.

А в этот грозный миг, от гнева трепеща,
Послала в цель стрелу коварная Диана,
Но трепет помешал, и стрелочка, свища,
Попала мимо цели. Видно, в Пана...

И тотчас умер Пан. С богами не шути,
С богинями коварными – тем паче.
И в тот же миг весь мир взволнованно притих,
Чтоб через миг взорваться в громком плаче.

Текут потоки слёз с заплаканных небес,
Рыдают кущи рощ, в слезах росы поляна,
Не только пастухи и овцы – плачет лес:
– Осиротели мы. Нет с нами больше Пана! –

Читатель ждёт, когда ж умрёт Диана? –
Об этом он узнал в эпиграфной строке. –
Да всем не до того – оплакиваем Пана.
Не плачет лишь Сиринга в свирели-тростнике...

30.08.2003 г.

Уильям Шекспир

С О Н Е Т № 60

Как волны набегают на камень,
И каждая там гибнет в свой черёд,
Так к своему концу спешат мгновенья
В стремленьи неизменном – всё вперёд

Родимся мы в огне лучей без тени
И к зрелости бежим; но с той поры
Должны бороться против злых затмений,
И время требует назад дары.

Ты, Время, Юность губишь беспощадно,
В морщинах искажаешь блеск красы,
Всё, что прекрасно, пожираешь жадно,
Ничто не свято для твоей косы.

И всё ж мой стих переживёт столетья –
Так славы стоит, что хочу воспеть я!

Перевод **В.Я.Брюсова**

Уильям Шекспир

СОНЕТ № 60

Как движется к земле морской прибой,
Так и ряды бессчетные минут,
Сменяя предыдущие собой,
Поочередно к вечности бегут.

Младенчества новорожденный серп
Стремится к зрелости и, наконец,
Кривых затмений испытав ущерб,
Сдаст в борьбе свой золотой венец.

Резец годов у жизни на челе
За полосой проводит полосу.
Все лучшее, что дышит на земле,
Ложится под разящую косу.

Но время не сметет моей строки,
Где ты пребудешь смерти вопреки!

Перевод С.Я.Маршака

**ЯКОВЛЕВИЧАМ,
ПЕРЕВОДЧИКАМ СОНЕТА № 60
УИЛЬЯМА ШЕКСПИРА**

Как море бьётся о пустынный брег,
За годом год кроша гранит прибрежный,
Так час за часом время катит бег
По океану вечности безбрежной.

Волненья сокращают жизни век,
А время точит организм наш нежный
Эрозией морщин и сыплет снег
Нам на виски, как перхоть, белоснежный.

И я, как всякий добрый человек,
Рождён был мамой от любви небрежной,
Был юн и зрел; уж жизненный забег
Идёт к концу и к славе неизбежной.

Известен буду долго я народу,
Во всяком случае, не меньше году!

08.09.2002 г.

Евгений Перемышлев

* * *

Он шёл, и тени метрономом,
лишь фонарям благодаря,
качались в снеге насекомом
чудовищного января,

он проходил, и дом за домом
по мелочам себе даря,
он сам казался насекомым
роящегося января,

он шёл, и застывало комом,
о чем молчал, не говоря,
он в этом гуде насекомом
бессмысленного января,

и думал так: Содом – Содомом,
но скоро зашумят моря
над этим веком насекомым
и над развалом января,

и повернул, путём ведомый,
и в дом вошёл, подъезд, горя,
был полосатым насекомым
в гудящем улье января,

он думал, что пришёл к знакомым,
и что, наверное, не зря
он шёл сквозь город насекомых
в глухом начале января,

он отогрелся, сквозь истому
глядел он, как она, паря,
прошла в кружение невесомом
под ёлкой в центре января,

и трещина легла изломом
по клеточкам календаря,
в кишенье чисел насекомых,
от декабря до января.

* * *

Он шёл по полю агрономом,
вставала ранняя заря,
и кузька рыжим насекомым
сожрал весь хлеб до января,

читая книги том за томом,
в библиотеке их беря,
он знал, что редким насекомым
жить предстоит до января,

любуюсь выловленным сомом,
знал, в котелке его варя, –
сом спал, подобно насекомым,
до середины января,

убив медведя как-то ломом, –
спасибо, братцы-егеря, –
он жрал, подобно насекомым,
его с весны до января,

любуюсь выкружкой-обломом,
и за пример его беря,
дворец домашним насекомым
он выстроил до января,

увлекшись на досуге ромом,
как феррохромом токаря,
резцом, шарошкой насекомом,
он высек «я» у января,

сто граммов закусив заломом,
он, как и я, стихи творя,
залибовался насекомым
в четверг, шестого января,

сто граммов в горле стали комом,
когда, сапфирами горя,
агриппа дивным насекомым,
затмила солнце января.

04.02.2002 г.

Леонид Завальнюк

* * *

Не стой на лютном холоду,
Я весь дрожу твоим ознобом.
Нам вместе жить и умереть.
Тебя согреть – себя согреть
Тебя забыть – себя отринуть.
Так перепутан ток судеб,
Так слиты крови озаренья,
Что ты мой высший слух и зренье,
Тобой я зряч, тобой и слеп.
Не стой на лютном холоду,
Не простуди мою отраду,
Мою тоску, мою беду
Любить и веровать в ту правду,
В тот всеединый миг,
В ту правду,
Что ты внушишь, а я найду.

* * *

Не стой на лютном холоду,
Я весь дрожу твоим ознобом.
Ты потеряла, я найду
Пропущенную рифму «гробом».
Нам вместе жить и умереть.
Тебя согреть – себя согреть.
Здесь не хватает рифмы «смерть»
Тебя забыть – себя отринуть.
Недостаёт здесь рифмы «сгинуть»
Так перепутан ток судеб,
Так слиты крови озаренья,
Что ты мой высший слух и зренье,
Тобой я зряч, тобой и слеп.
Напрашивается рифма «склеп»,
Навёртывается рифма «тленье».
Не стой на лютном холоду,
Не простуди мою отраду,
А рифму здесь «мою ограду»
Я на погосте лишь найду,
Мою тоску, мою беду
Любить и веровать в ту правду,
В тот всеединый миг, в стихи,
В ту правду, что дают стихи, и
Что ты внушишь, а я найду,
Когда на кладбище пойду.

25.03.2002 г.

Виктор Боков

Р И Ф М А

Я невод закину
В глубины морские.
На рифму рыбацкие
Сети раскину.

Заря как олифа,
Как нива равнинная.
Ловись, моя рифма,
Ловись, моя милая.

Ты мне не безделица,
Не лак и не пудра,
Ты красная девица,
Доброе утро.

А море смеется
А солнце как глыба.
В сетях моих бьется
И рифма и рыба!

30.03.2002 г.

Уважаемый **В**иктор **Ф**ёдорович!

Относительно напечатания Вашего стихотворения «Рифма» в журнале «Новый Мир».

Я внимательно прочёл Ваше стихотворение. От напечатания его в журнале мы воздерживаемся по следующим соображениям, которые, я думаю, Вас не обидят, но дадут новый импульс к творческой работе.

Тема стихотворения не нова, она традиционна в нашей литературе, и использование темы рыбной ловли не является сколько-нибудь значительным явлением (простите за тавтологию) отечественной поэзии, а скорее может быть отнесена к категории избитых тем. Ценным является лишь личное участие автора в трудовом процессе рыбака, однако эта ценность сводится на нет тем, что автор остановился на устаревшей, и я бы сказал, архаичной рыболовной снасти – рыбацких сетях (неводе), хотя мог бы упомянуть сейнер, траулер, дрифтер, или спиннинг, на худой конец.

Второе – несоблюдение размера в первом и третьем четверостишьях и ассонансы в первом и втором. Когда я читаю:

Ты мне не безделица,
Не лак иное пудра,
Ты красная девица,
Доброе утро... –

напрашивается применение личного местоимения «ты» в четвёртой строке и употребление восклицательного знака, свидетельство того, что она действительно не безделица. Хуже обстоит дело с первым четверостишьем:

Я невод закину
В глубины морские.
На рифму рыбацкие
Сети раскину.

Не говоря уже о том, что рифма «закину – раскину» настолько слабая, что не оправдывает названия стихотворения, следующая пара слов – «морские – рыбацкие» – вызывает, мягко говоря, недоумение. Если это рифма, то есть акцент падает на букву «и» в слове «рыбацкие», то совершенно теряется размер стиха, если же акцент на букве «а», то это уже верлибр, не оправдывающий названия стихотворения. Чтобы хоть как-то исправить ситуацию, я бы порекомендовал Вам внести редакцию в Ваше стихотворение, например:

Я невод закину
В глубины морские,
На рифму накину
Сети́ рыбацкие́.

И далее:

Заря, как олифа,
Как нива равнинная,
Ловись, моя рифма
Большая и длинная.

Ты мне не безделка ,
Не лак и не пудра –
Ты красная девка,
Ты доброе утро!

А море смеётся,
А солнце, как сука.
В сетях моих бьётся
Не рифма, а щука!

Даже в такой редакции Ваше стихотворение ещё далеко от совершенства, но это уже стихотворение, имеющее и размер, и рифму. Это ещё не поэзия (сравните хотя бы «Василия Тёркина» и Вашу «Рифму»), однако это уже и не проза.

Попробуйте ещё поработать над этим стихотворением. Подберите более удачные рифмы к словам «безделка», «пудра», «олифа», постарайтесь заменить невод чем-нибудь более современным. Всё вышесказанное мной вовсе не отрицает наличия у Вас некоторых поэтических задатков, которые можно было бы назвать поэтическими признаками, иначе я не стал бы писать Вам столь обстоятельное письмо. И не спешите доказать, что Вы всё поняли и полны сил и энергии для дальнейшей творческой работы. Но в чём Вам необходимо спешить – это в овладении основами грамматики, в частности – пунктуацией. (В русском языке перед словом «как», выражающем сравнение, и перед союзом «и», при перечислении, необходимо ставить запятую.) Постарайтесь не огорчиться прямотой моих замечаний, но я не хочу кривить перед Вами душой, так как это было бы обманом по отношению к Вам, а, следовательно, признаком неуважения.

Ваш

А. Твардовский.

Андрей Цой

Ж У К (Отрывок)

На брёющем полёте жук
Пространство жалит и сужает,
Сжигает раздражённый звук
И глаз дрожаньем – отражает.

И мысли в жуткой голове
Рогамы выперли наружу:
Он с отвращением к траве
Жужжит, подкрылками простужен.

.....

Бомбардировщик жабьих луж
Чем раздражён? Наверно, вечер
Провёл, пижон и скуки муж
Один. И радоваться нечем

Ему в жужжащей суете.

.....

СОЛОВЕЙ (Отрывок)

В кустах завшивленной сирени
Трещит устало соловей.
Разносчик свиста и мигрени
Под утро мучает зверей,

В душе таящихся. Попала
Больная кровь в колёса тьмы.
Кустов дрожащее забрало
Сны выпускает из тюрьмы.

Туман прилип к глазам. Сырые
Струятся тени мимо. Для
Убийства улочки кривые
Подходят лучше как нельзя.

.....

БОЛЬНАЯ ФАУНА И ФЛОРА

Завшивела сирень. Шиповник

В прыщах и сыпи цвета беж.
В коросте, как плохой любовник,
Стоит унылый бульденеж.

Клематис перхотью измучен.
Угри усыпали левкой.
Камыш среди речных излучин
Покрыт лишайной чешуёй.

**И жук, подкрылками простужен,
Жужжит, и аппетита нет,
И мысли выперли наружу,
Чуть повредив экзоскелет,**

**И стали жвалами. Рога же
Ему наставила жена,
И нечем радоваться даже –
Переборщила здесь она!**

И ошалели соловьи
От песен и недомоганий, –
Мигрени, астмы и чирьи
Совсем достали сих созданий.

Их хрипы утром чуть слышны,
А жёны немые от рожденья...
В капканы сытной тишины
Мир ожидает погруженья.

Светает. Вытянувши выи,
Идут поэты мимо. Для
Убийства строчки их кривые
Подходят лучше как нельзя.

04.06.2001 г.

Кузетбай Герд

АЭРОПЛАН

Синь.
Лазурь.
А в небе –
Выше облаков
Гул аэроплана, как заветный зов.
Тело – сталь, железо. На крыле – звезда.
Нынче с красным цветом дружит высота.
Вертится пропеллер. И с небесных сфер.
Тучи разгоняет
над
СССР...
Зря
враги
лелеют
нападенья
план, –
в небе – наготове
наш
аэроплан!

Перевод **Владимира Емельянова**

ТОНКИЙ ПРОФИЛЬ

Герду

А читатель, без сомненья,
плохо –
дрянь
эпоха
жизнь –
шваль
тяжки
грехи,
слабо
слово –
кисти
лучше!
Видит
вдруг –
летят
стихи.
Браво,
кисть!
Поэту
слава!
Много
нужно
здесь
труда.
Сочно,
вечно,
точно,
право,
пишет
Герд,
поэт
наш.
Да
!

Обратил своё вниманье
На один момент:
Я длинной стихотворенья
Сделал, приложив старанье,
Герду комплимент.

18.12.2001 г.

P.S.

Покраснела от смущенья школьница,
И невольно руки тянет к мыльнице.
Нравственности бедная невольница, –
Это лишь перо возле чернильницы!

18.12.2001 г.

В.К.Семакин

* * *

Купавы, колокольчики...

Едва придёт весна,
все чаще, все настойчивей
звучат их имена.

Звучат – не разонравятся
крестьянские слова:
пастушья сумка, грабельцы,
дегтярка, серп-трава.

Не им в командировочных
стихах
почет и честь.
Но есть трава веревочник,
тележник даже есть!

1964

* * *

Народные названия... Какая благодать!
Здесь есть Иван-да-марья, здесь есть, что рифмовать!

Свинячник, балаболки, бежава, драголюб,
Пупырка, прыг, кадило, булавки, прыщенец,
Виновник, шишебарник, растрёпа, тирлич, дуб,
Чупрынка, зябра, соски, черец, кобылий щец,

Червошник, тропник, хлебница, светёлка, веретень,
Жабячьи конопельки, камчуга, царь-мурат,
Блажитны очи, грыжник, материнка, борщень,
Опестыш, божье дерево, самурышка, блават,

Собачки, кошки, струки, адодий, мужичок,
Собачий зуб, гусятник, язычник, змеевик,
Омег, прикрыш, повесник, русалочий цветок,
Мохнатик, бобрик, пшенка, расходник, колосник,

Колютик, нюхтин, вывишник, ромашник, перелет,
Коровка, росник, пазменка, бышишник, арепей,
Квасец, мелюка, аистник, ладоник, желтый цвет,
Землянка, бабка, жаберник, поникница, мышей...

Неплохо знать по имени, что ешь, и что не ешь, –
Калган, гуньба, кропило и даже одуй-плешь.

16.10.1999 г.

ГЛОССАРИЙ

Адодий – василёк (Centaurea)
Аистник – журавельник (Erodium)
Арепей – лопух (Arctium)
Бабка – чистец (Stachys)
Балаболки – колокольчик (Campanula)
Бежава – мята (Mentha)
Блават – василёк (Centaurea)
Блажитны очи – вероника (Veronica)
Бобрик – прострел боровой (Pulsatella)
Божье дерево – полынь (Artemisia)

Борщень – борщевик (Heracleum)
Булавки – герань (Geranium)
Бышишник – фиалка (Viola)
Веретень – дягиль (дягель) (Archangelica)
Виновник – ландыш (Convallaria)
Вывишник – гравилат (Geum)
Грыжник – золототысячник (Centaurium)
Гуньба – донник (Melilotus)
Гусятник – гречишка (Polygonum)
Драголюб – мята (Mentha)
Дуб-трава – полынь (Artemisia)
Жаберник – льнянка (Linaria)
Жабячьи конопельки – таволга, лабазник (Filipendula)
Жёлтый цвет – донник (Melilotus)
Землянка – земляника (Fragaria)
Змеевик – майник (Majanthtmmum)
Зябра – пикульник (Galeopsis)
Иван-да-марья – марьянник (Melampyrum)
Калган – лапчатка (Potentilla)
Камчуга – манжетка (Alchimilla)
Квасец – щавель (Rumex)
Кобылий щец – щавель (Rumex)
Колосник – чистец (Stachys)
Колютик – чистец (Stachys)
Коровка – дягиль (дягель) (Archangelica)
Кошки – череда (Bidens)
Кропило – донник (Melilotus)
Ладоник – чина (Lathyrus)
Материнка – душица (Origanum)
Мелюка – просвирник (Malva)
Мохнатик – горицвет (Adonis)
Мужичок – полынь (Artemisia)
Мышей – горошек (Vicia)
Нюхтин – золототысячник (Centaurium)
Одуй-плешь – одуванчик (Taraxacum)
Омег – аконит (Aconitum)
Опестыш – хвощ (Equisetum)
Пазменка – земляника (Fragaria)
Повесник – гвоздика (Dianthus)
Поникница – гравилат (Geum)
Прикрыш – аконит (Aconitum)
Прыщенец – очиток (Sedum)
Пупырка – кошачья лапка (Antennaria)
Пшенка – чистяк (Ficaria)
Растрёпа – гравилат (Geum)
Расходник – вероника (Veronica)

Ромашник – нивяник (Leucanthemum)
Росник – манжетка (Alchimilla)
Русалочий цветок – кувшинка (Nymphaea)
Самурышка – гречишка (Polygonum)
Светелка – грушанка (Pyrola)
Свинячник – хвощ (Equisetum)
Собачий зуб – пырей (Elytriga)
Собачки – череда (Bidens)
Соски – льнянка (Linaria)
Спрыг – кипрей (Epilobium)
Струки – хвощ (Equisetum)
Тирлич – золототысячник (Centaureum)
Тропник – сочевник (Orobus)
Хлебница – кипрей (Epilobium)
Царь-мурат – чертополох (Carduus)
Червошник – лапчатка (Potentilla)
Черец – лапчатка (Potentilla)
Чупрынка – мятлик (Roa)
Шишебарник – чертополох (Carduus)
Язычник – ландыш (Convallaria)

ОЦИФРОВАННЫЕ СТИХИ

Я не тот, кому опять
Все орут: «попросим!..»
Раз, два, три, четыре, пять,
Три, четыре, восемь.

Просто я хочу поестъ
Да пожить при мире.
Шесть, один, четыре, шесть,
Два, шесть, три, четыре.

Раз, поев картошки фри,
Так стал куролесить,
Три, четыре, восемь, три,
Три, четыре, десять,

Что меня, придурка, спать
Уложила Рая.
Три, четыре, восемь, пять,
Семь, одна вторая...

20.03.2004 г.

Ё - МОЁ!

Никто из алфавита русского ё
Ещё не убрал перманентно, представьте.
Пожалуйста, ставьте две точки над ё,
И птичку, к тому же, над и кратким ставьте!

Вы можете портить творенье своё –
Неужто вам ижицы мало и яти?
В моих сочиненьях не трогайте ё
Над буквой седьмою две точки оставьте!

13.04.2004 г.

В.А.Жуковский

ПЕРЧАТКА

(Из Шиллера)

...**В**друг женская с балкона сорвалась

Перчатка... все глядят за ней...

Она упала меж зверей.

Тогда на рыцаря Делоржа с лицемерной

И колкою улыбкою глядит

Его красавица и говорит:

«Когда меня, мой рыцарь верный,

ты любишь так, как говоришь,

ты мне перчатку возвратишь».

Делорж, не отвечав ни слова,

К зверям идёт,

Перчатку смело он берёт...

.....

...Но, холодно приняв привет её очей,

В лицо перчатку ей

Он бросил и сказал: «Не требую награды».

М.Ю.Лермонтов

ПЕРЧАТКА

(Из Шиллера)

...**С**верху тогда упади

перчатка с прекрасной руки...

.....

...Кунигунда сказала, лукаво смеясь:

«Рыцарь, пытать я сердца люблю.

Если сильна так любовь у вас,

То подымите перчатку мою!»

И рыцарь с балкона в минуту бежит

И дерзко в круг он вступает,

На перчатку меж диких зверей он глядит

И смело рукой подымает.

.....

...Но досады жесткой пылая в огне,

перчатку в лицо он ей кинул:

«Благодарности вашей не надобно мне!» –

и гордую тотчас покинул.

ПЕРЧАТКА

(Не из Шиллера)

С балкона цирка на арену
Перчатка соскользнула вдруг.
Сказала дама: «Милый друг!
Ваш случай. Если перемену
Во мне хотите увидеть,
Перчатку нужно вам поднять,
Ту, что упала возле льва».
Услышав это, друг, едва
Сознания не лишившись, вмиг
Из цирка и в карету – прыг!
И поминай, как звала...
А дама всем сказала:
«Кто мне перчатку, – ту, что там, –
К ногам положит –
Свои уста к моим устам
Прижать тотчас же может!»
И цирк притих, остолбенев...
Внезапно, желтогривый лев
Берёт перчатку нежно в зубы
И на балкон с арены – шась!
Кладёт у ног перчатку, пасть
Разверзши, приближает губы...
Секунда – дамы голова
Видна из пасти лишь едва.
И долго длился поцелуй.
Потом все слышат: «Не балуй!»
И лев, тихонько присмирив,
Свернулся, будто он не лев,
А кот домашний на перине.

Привет Бугримовой Ирине!
А кто же был удравший «друг»?
Об этом знает узкий круг:
Ирина, вся её семья,
Тот лев, его семья, да я!

30.10.1999 г.

Варлам Шаламов

Г Е Ф Е С Т

В ущелье пышут горны,
Я раздуваю мех,
Ворочаюсь проворно
И слышу грома смех.

Любая спецзакалка
Подвластна кузнецу
Слюны ему не жалко,
Лесному мудрецу.

Все качества азота
Он знает там без книг,
Кипит его работа,
Заполнен каждый миг.

Добавит в воду масло
И выльет молоко,
Чтоб пламя не погасло
И сталь ковать легко.

Молотобойца место
Я в кузнице достал,
Кувалдой у Гефеста
Машу, мягчу металл.

Волшебным молоточком
Стучит хромой кузнец,
Оттяжка и отточка
Подков, Гвоздей, Сердец.

Звенит, дымит подковка.
Стучит кузнец-мудрец,
Железо свито ловко
И стынет наконец.

Г Е Ф Е С Т

Гефест родился слабым,
Слюнявым и хромым.
Сказала Гера: «Кабы
Он был чуть-чуть иным,

Его любила я бы,
Как братца-мужа. Вот.
А этот – очень слабый,
Практически урод.

Подам пример спартанцам
Как надо поступать,
Коль сын рождён засранцем,
Или им может стать.

Как видно, мне на горе
Произошёл инцест.
Придётся бросить в море
Слюнтяя». И Гефест

Был сброшен мамой в воду
С высот Олимпа, но,
Прочувствовав породу,
Он не пошёл на дно.

Спасён был nereидой,
Доставлен во дворец,
И там хорош стал видом
И сделался кузнец.

Он вновь к богам вернулся,
Но, лишь увидел мать,
Сейчас же отвернулся
И захотел плевать.

Куёт для папы грома
И молнии куёт,
Дворцы куёт, хоромы –
И каждый раз плюёт.

Он плюнет на подкову –
Она закалена.
А что же тут такого?
Такая уж слюна!

А для людей впервые
Он женщину сковал,
Плевал на чаевые,
Пандорою назвал.

Увидел раз Венеру –
И слюнки потекли...
Ну, боги, для примеру,
Жениться помогли.

Женившись, очень быстро
Гефест затосковал –
Сюда не плюнь, здесь чисто.
Давненько не ковал...

Он умирал со скуки.
Он говорил «уйду».
Он, поплевав на руки,
Берётся за балду.

Стучит, звенит поковка,
Играет молоток.
Железо свито ловко,
И зашипел плевок.

Теперь за молоточек –
Священно мастерство!..
А вот и поясочек
На славу вышел! Во!

– Иди, жена, к порогу.
Ну как – не давит? Фу!
Теперь пора в дорогу...
Опять свободен! Тьфу! –

01.12.1999 г.

КРИЗИС ПАРОДИЙНОГО ЖАНРА

Среди пародий Ланга
Нам встретилась «Гефест».
Как с тыла, так и с фланга
В ней много слабых мест.

Во-первых, длинновата,
Словно пожарный шланг.
О краткости когда-то
Нам намекал сам Ланг.

Затем – страдают рифмы,
Пример: «куёт» – «плюёт».
Не все читали миф мы,
Скорей наоборот,

Но рифмою к «спартанцам»
Ланг дразнит пуритан:
«Был неспособен к танцам
Хромающий титан» –

Совсем другое дело.
«Ковал» – «затосковал»...
Широко. Сочно. Смело.
Шаламов подсказал?

Читатель не хохочет
Над рифмой «вот» – «урод»,
Скорее знать он хочет
О чём тут речь идёт,

Когда на горе Гере
Произошёл инцест?
И кем теперь, к примеру,
Для Зевса стал Гефест?

Конечно, сын он божий,
С другой же стороны –
Гефест для Зевса, всё же,
Племянник – сын сестры.

У автора, возможно,
И с падежами брак:
Стать кузнецом-то можно,
А «стать кузнец» – никак!

Не хочет автор ныне
Работать над собой –
По этой-то причине
И происходит сбой.

Работай он без сбою,
Сказать бы мог «творец»:
«Он стал хорош собою,
А вот он и кузнец!...»

Прямая речь у Геры
Не та, что у богинь.
Ей впору слог Гомера,
А не простолюдин.

Гефест был нереидой
Спасён – а как? Когда?
Заметим мы с обидой,
Что вовсе роль труда

Не отразил в «Гефесте»
Писатель-пародист.
Как раз бы в этом месте
Уместен аорист:

«Трудясь с утра до ночи,
Гефест мужал и креп.
Ему зарядку очень
Советовал Асклеп».

А далее мы видим,
Что извращён сюжет –
У Ливия с Овидием
Такого места нет.

Чтоб не было раздору,
Хотим растолковать –
Гефест свою Пандору,
Увы, не стал ковать.

Свою земную даму
Он из земли свалял.
Наверно, вспомнил маму –
И пожалел металл.

Циклопам одноглазым
Двух слов не уделив,
Принизил автор сразу
Понятье «коллектив».

Профессионализмом
Ланг злоупотреблял,
Когда Гефест с комизмом
Балду руками брал.

Для тех, кто слишком молод,
Сказать бы надо так:
Балда – огромный молот,
А вовсе не «дурак».

И, наконец, садистом
Ланг сделал кузнеца –
Не стыдно пародисту? –
Для красного словца.

О чём-то беспокоясь,
Гефест наш обалдел –
Своей супруге пояс
Он верности надел.

Коль это помогало б,
Мы думаем, поди,
Венериков не стало б,
А их – хоть пруд пруди!

Раз ты жене не веришь –
Сиди с ней и не куй.
(Сочувствуем Венере ж,
Мы, как тут не толкуй.)

Нам в принципе известен
Огрехов ряд причин.
Страдает повсеместно
Тем множество мужчин.

Знать, вовсе о зарядке
Забыл наш пародист –
Скукожен, как в тетрадке
Исписанный им лист.

Не хочет наковальней
Сменить свою софу.
Так что, как ни печально,
Цена «Гефесту» – тьфу!..

03.12.1999 г.

Яков Хелемский

* * *

Этюд . Мазки. За бликом блик.

Пейзаж, увиденный с балкона.
Святей, чем древняя икона,
Природы непорочный лик.

А мастер, словно богомаз,
Склоняясь робко перед нею,
Работает, благоговая,
Не отводя счастливых глаз.

Дощатый подмосковный дом
С балкончиком и мезонином
Парит над садом, над прудом
И над омшаником низинным.

Палитра. Тюбики. Картон.
Распахнут маленький этюдник,
И на крылах мгновений чудных
Художник в небо вознесён.

Деревья и сквозной зенит,
Зелёный храм и купол синий.
Их ночью ливнем оросили
И семицветие горит.

А живописец от плеча
Отвёл палитру, чуть сутулясь.
Не радуга ли прикоснулась
К нему, опору в нём ища?

Под сводом чистой тишины
Свежо, торжественно и сыро.
И свечи сосен зажжены
Во здравье утреннего мира.

Лучи, как дорогой оклад,
Мерцают золотом старинным.
Оплав смолы со стеарином
Невольнo сравнивает взгляд.

А мир и в копии велик,
Хоть на подрамнике уменьшен.
И нимбом солнечным увенчан
Природы богоравный лик.

* * *

Мазок. Нюанс. Фактура. Фон.

Горшок. Бурак на занавеске.
И так расплывчатые, нерезкие
Рефлексы, переходы, тон.

Оттенок. Колорит. Валёр.
Столбы уходят вдаль красиво,
И ощущение перспективы
Не покидает с этих пор.

Пинен. Муштабель. Скипидар.
Просижено штанов три пары.
Я молод, вы ещё не стары.
Экзамен. Первый гонорар.

Тушёвка. Грифонаж. Дизайн.
Художник в старенькой повозке.
В сосновой роще две берёзки.
Знакомство первое. Дерзай!

Мольберт. Этюдник. Паспарту.
Я не пишу ни ту, ни эту, –
Не передать, увы, портрету
Берёзовую красоту.

Гуашь. Мозаика. Картон.
Бутон на платье подвенечном,
И мысль о неземном, о вечном.
Печаль полей. Вечерний звон.

Подрамник. Темпера. Пастель.
Ещё Дали мы не видали.
Трещит за речкой коростель.
Мы пишем шишкинские дали.

Левкас. Альсекко. Полиптих.
В саду левкои. В поле тихо.
Летает аист. Аистиха
Выводит птенчиков своих.

Гравюра. Колер. Светотень.
И для поездки заграничной
Не вспоминай о жизни личной,
Трудись, как пчёлка, целый день

Белила. Мумия. Кармин.
Миндаль цветущий в сизой дымке,
И словно в шапке-невидимке
На горизонте Санторин.

Фломастер. Тушь. Офорт. Плакат.
Мы были молоды когда-то.
И ты ещё не виновата,
И я ещё не виноват.

Бумага. Кисти. Акварель.
Я постарел, вы постарели.
На пасторали асфодель,
И лунный свет на иммортели.

Сангина. Уголь. Карандаш.
И снова Карандаш. И Клякса.
И мы с тобой как два Аякса.
Мы возвратились в домик наш.

Пленэр. Эскиз. Этюд. Холсты.
В лучах осеннего заката
Горит украинская хата
Непревзойдённой красоты.

Палитра. Рашкуль. Мастихин.
Успех. Пол-литра. Масс-культура.
Одеколон и политура.
Запой. Лечение. Я один...

Марина. Натюрморт. Портрет.
Катарсис. Мёртвая натура.
Апофеоз. Фиоритура.
Дрожащий предвечерний свет.

Олифа. Масло. Полотно.
Всё ближе ночь, всё дальше утро
В жемчужном блеске перламутра.
Чуть светится окно. Одно.

Сфумато. Живопись. Граттаж.
Автогравюра. Акватинта...
Гори, твори – конец один-то:
Уффици, Прадо, Эрмитаж.

19.09.1998 г.

Александр Щуплов

* * *

Средь лобности льдов,
и распутиц распутства,
и лунности слуха
услышим: Любовь.
Говорим: Безрассудство.
Читаем: Разлука.
Ночные глаза
в поцелуях забьются
взяв день в наказание.
Читаем: Лоза.
Говорим: Лизоблюдство.
Услышим: Лобзание.
Так вертится кровь.
Так даётся двуногость.
Так кроют у ада.
Услышим: Любовь.
Говорим: Одинокость.
Читаем: Не надо...
Не ветер в горсти
по весне колосится,
везеньем нищая, —
читаем: Прости.
Говорим: Не простится.
Услышим: Прощаю...
Обуза в груди
отлученьем чревата...
Так поезд — от станций...
Услышим: Иди!
Говорим: Наплевать-то...
Читаем: Останься.
Не камень прашам
прокричит, улетаю,
с оброненной силой —
услышим: Прощай!
Говорим: Рассветает...
Читаем: Мой милый...

ОБРЫВОК РУКОПИСИ

Волнуется кровь
от весенних распутиц
и нежности спутниц.
Услышим: Любовь.
Говорим: От распутиц...
Читаем: Распутниц...
Какой я дурак –
от бутылки Смирновской
опять недержанье.
Читаем: Чумак.
Говорим: Кашпировский.
Услышим молчанье...
Как уголь глаза.
С Казановою сходство.
И тонкий прутишко.
Услышим: Лоза.
Говорим: Лозоходство.
Читаем: Плутиска!..
Мы пели романс,
танцевали бостоны –
таких были тыщи.
Читаем: Аванс.
Говорим: Миллионы.
Услышим: Ты нищий.
Зима из окон.
Надоели дебаты –
за окнами вьюги.
Услышим: Закон.
Говорим: Депутаты.
Читаем: Ворюги!..
Сломал бигуди
и порезал нас даже
плохой парикмахер.
Читаем: Иди!
Говорим: А куда же?
Услышим: Да на

(Здесь рукопись обрывается .Ред.)

21.09.1998 г.

Яан Каплинский

КАФЕ В ЛЕСУ

***В** спинке* стульев понатыканы иголки
присевший моментально вскакивает
но кто сидит тому не больно
стулья как ёжики топчутся на месте топ-топ-топ...
.....

Б о р о д а

Бородав канаве трудно нам вытерпеть утру-

было мало стыквысока ли травка белена вод-
каёмка вот как было дьявол ныл о мае тихо
хочет деньги
гитары звон в ушах...

Бородавка на ветру
дно нам вытер
петь утру
было мало с тыквы сока литр
а в кабеле наводка ёмка
вот как было дьявол ныл о мае тихо
хочет деньги
гитары звон в ушах...

Борода в канаве
трудно нам вытерпеть
у трубы ломало стык
высока ли травка белена
вод каёмка
вот как бы лодья волны ломает
и хохочет день
гитары звон в ушах...

08.10.1998 г.

Валерий Брюсов

* * *

О закрой свои бледные ноги

Конец стиха

О, закрой свои бледные ноги!

Ты не брила их восемь недель.

Эпиляции сроки так строги...

У тебя, видно, кончился гель.

Твои ноги похожи на кактус –

Редкий вид – «голова старика».

Не приступим с тобою мы к акту-с,

Не побреешь ты ноги пока.

Нанеси на бедро мыльной пены

И побрей свои ноги станком,

И наступят опять перемены,

А пока – я с тобой не знаком.

Я как что-то мохнатое вижу –

Пауков, скажем, или мышей –

Сразу страшно их я ненавижу,

Тайный голос мне шепчет: «Пришей!»

Хоть отчётность ментам не хочу я

Портить очередным глухарём,

Не побреешь – тебя замочу я

Под разбитым опять фонарём.

Хоть всплакну я над ранней могилой,

Эпитафии стиль будет строг:

«Здесь покоится прах самой милой,

но не выбрившей вовремя ног!»

09.09.2003

г.

Андрей Вознесенский

Э С К И З П О Э М Ы

А дальше...

Все течет. Все изменяется.

Одно переходит в другое.

Квадраты расползаются в эллипсы.

Никелированные спинки кроватей

текут, как разварившиеся макароны.

Решетки тюрем свисают,

как кренделя или аксельбанты.

По улицам проплыла стайка улыбок.

На мировой арене, обнявшись, пыхтели два борца.

Черный и оранжевый.

Их груди слиплись. Они стояли, походя сбоку

на плоскогубцы, поставленные на попа.

Но – о ужас!

На оранжевой спине угрожающе проступили

черные пятна.

Просачивание началось.

Изловчившись, оранжевый крутил ухо

соперника

и сам выл от боли –

это было его собственное ухо.

Оно перетекло к противнику.

Мицхетский замок

сползал

по морщинистой коже плоскогорья,

как мутная слеза

обида на человечество.

Букашкина выпустили.

Он вернулся было в бухгалтерию,

но не смог её обнаружить,

она, реорганизуясь,

принимала новые формы.

Дома он не нашел спичек.
Спустился ниже этажом.
Одолжить.
В чужой постели колыхалась мадам Букашкина.
«Ты как здесь?»
«Сама не знаю – наверно, протекла
через потолок.»

Вероятно, это было правдой.
Потому что на ее разомлевшей коже,
как на разогревшемся асфальте,
отпечаталась чья-то пятерня
с перстнем.
И почему-то ступня.

Радуга,
зацепившись за два каких-то гвоздя в небе,
лучезарно провисала,
как ванты Крымского моста.
Вождь племени искал новые формы
перехода от феодализма к капитализму.
Все текло вниз, к одному уровню,
уровню моря.
Обезумевший скульптор носился,
лепил,
придавая предметам одному ему понятные
идеальные очертания,
но едва вещи освобождались от его пальцев,
как они возвращались к прежним формам,
подобно тому, как расправляются
грелки
или резиновые шарики клизмы.
Лифт стоял вертикально над половодьем,
как ферма,
по колено в воде.

«Вверх – вниз!»
Он вздымался, как помпа насоса,
«Вверх – вниз!»
Он перекачивал кровь планеты.

«Прячьте спички в местах, недоступных детям».
Но места переместились и стали доступными.
«Вверх – вниз».
Фразы бессильны. Слова слиплись в одну фразу.
Согласные растворились.
Остались одни гласные.

«Оаыу аоии оааоиаые!..»

Это уже кричу я.

Меня будят. Суют под мышку ледяной
градусник.

Я с ужасом гляжу на потолок.

Он квадратный.

1965

Э Т Ю Д П О Э М Ы

Андрею Вознесенскому

А дальше...

Текут, изменяясь, квадраты,
Как будто из ваты.
Текут, превращаясь в овалы,
Кровати.
Их спинок горбы, их сеток провалы
Текут, как спагетти, от соуса кровавы.
Текут, как толпа арестантов
В тюремной пыли,
Как шнур аксельбантов,
Как диск циферблатов Дали,
Текут, как опара, блины из которой пекут.
Всё дальше текут...

Квадраты листочков квартплаты,
Овалы квадратов зарплаты,
Квадраты купюр, утекая, монетно овалются
В квадратах карманов, если завалются.

По улицам стайки улыбок текут...
Уже не ругаются люди, уже забавляются,
От многих ненужностей избавляются.
Квадраты томов? Театральный билет?
Ты помнишь, как пахнет торт «Дружба»? Я – нет!
И этот, домашний, что делала мама
Давно заменила овальная «Рама».
Но это всё быт, он ещё не избыт,
Хотя и избит, но ещё не убит.
А что, ещё где-нибудь торты пекут?

А стайки улыбок всё дальше текут...

На сцене, обнявшись, пыхтят два борца,
Как клещи ребром, на попа и с торца.
Один как оранжевый фрукт,
Как сажа другой... И вдруг –
У чёрного вмиг пожелтела рука,
У рыжего враз почернели бока.
Просачивается один сквозь другого –
Такого не было и у бога!

На чёрной спине апельсиновый зад.
Боже, верни всё снова назад!
Но поздно, – у чёрного ухо откручено –
Жёлтое было – очень мучило –
Он сам выл от боли,
Но вырвал ухо усилием воли –
Огромным усиьем ван-гожым –
Верни ему ухо назад, о боже!

Теперь у него течёт фасад...
Боже, верни ему ухо назад!..

Замок Мцхетский потёк, как слеза –
По сморщенной коже горы сползал,
По жёлтым тропинкам овечьим
Потёк со стыдом человечьим...

Букашкин в амнистию вытек из зоны:
Прощай, дом казённый.
Он вновь воротился в родные пенаты,
Но – на те! –
Его бухгалтерии нету в помине,
Взамен – ООО. А он – в аминь.
И дома Букашкина ждали сюрпризы –
Ни спичечки в доме, как будто кто вылизал.
Букашкин – к соседу, как полагается,
А там жена его колыхается.
– Ты как здесь? – Букашкин спросить только мог. –
– Наверно, протекла через потолок! –
Может и не соврала:
На коже спины два овала.
Букашкин догадался – ага! –
Это ведь след сапога.
И ещё, выше брови чуток
Расплылся огромный кровоподтёк.

А улыбок косяк всё тёк и тёк...

Радуга – и та была не проста –
Провисла, как ванты Крымского моста.
Зацепленный за пару гвоздей гамак
Провисает так.

Вождь был мудр,
хоть ещё не стар.

Он новых путей мудро искал –
И потекла племенная жизнь вспять
К букве «ять».
Так феодализм течёт к капитализму,
Напоминая расправляющуюся клизму.
А мы знаем, как течёт вязкий феодализм –
Одолевая левизны – и вниз!
Вниз течёт, не ведая горя,
Вниз, к уровню моря.
Долой уравниловку и забегаловку!
Даёшь маркетинг! Хотим обжираловку!
А стайка улыбок в «Макдоналдс» просится...

Скульптор безумно по небу носится,
Что ни скульптура – почёт.
Но ныне культура течёт,
Как стукнутая переносица.
Текут из неё сопли и кровь.
Текут, красные, как морковь...

Лифт над потоком, как помпа насоса
Вверх – вниз!
Лихо потомкам. Запросите SOSa!
Вверх – вниз!
Как в хоботке комара-кровососа
Эритроцит.
Капитализма хотите? Как просто –
Вверх – вниз!

Течёт по улице поток
Людей,
Идей,
Дожей,
Вождей.
Стоит на улице лоток,
За ним – полковник, инженер...
Бессильны фразы, митинг нем,
Иссякли темы – нету тем,
А между тем –
Текут по строчкам буквы, фразы,
Как пузырьки в бокале с газом,
И лопаются с тихим шелестом,
Как брюшки рыб, объятых нерестом.

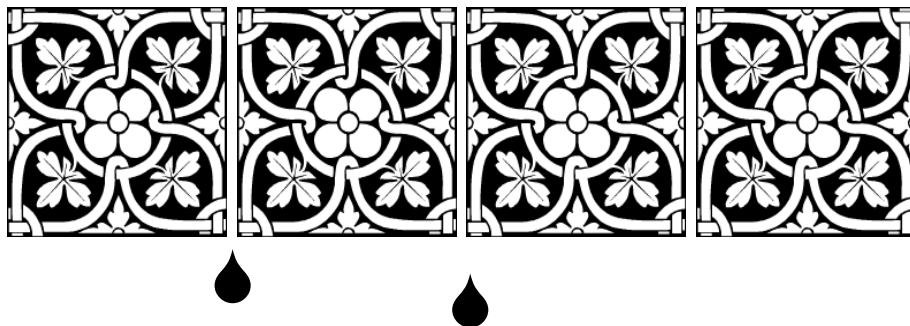

Слова сливаются в одну сплошную фразу,
Пройдя текучую фазу.
Потом из фраз исчезнут все гласные,
...ст...н...тс... т...льк... с...гл...сн... ...,
Потом утекут и они,
Как вечные годы, как дни.
Потом на миг
Останется только мой крик.

Потом меня разбудят и, сонному, как в вате,
Поставят скользкий градусник волшебницы в халате.

Я с ужасом гляжу на потолок —
А он потёк,
Хотя ещё квадратен.

20.01.2000 г.

ПЕРЕИНАЧКИ

Евгению Петросяну

Однажды, услышав слова-переиначки,
Я сам себе поставил две задачи:
Во-первых, сочинить штук пять,
А во-вторых – зарифмовать.
К примеру: байонет – батрак.
Пустяк – в кармане нет ни цента.
Природа – тоже, что плацента,
А спиннинг – вещмешок, рюкзак.
Исчезновение – пропан.
Пенсне – нет пенсии давно.
Кинолог – монолог в кино.
Нахлебник – просто таракан.

Вот не достроен загородный дом,
Его мы называем –недодача.
Вот взятку получает управдом.
В переиначке взятка – просто дача,
А передача – лишь письмо о том,
Что конфискован загородный дом.

У шансонетки – шансов нет.
Салон – жирок, подвой – заплачь,
Ошейник – видимо, палач,
А сериал – всего лишь цвет.
Треска – издатель треска.
Шутиха – юмореска.

Кошмар – казахский ковродел,
Виновник – просто винодел,
А гром – неважное вино.
Стекло – всё вытекло давно,
А молния – мол, это он.
Торговец речкой – купидон.

Сомнамбула – нам подали сома.
Неясыть – голод, в брюхе пусто,
А азбука – надулась я сама,
А перстень – просто тень от бюста.

Боксёра звали Навуходоносор.
Приклад – синяк, курок – петух.
Фугас – я дунул, он потух,
А Пасадена – следствие доноса.
Примочка – клипса. Газолин – ресивер,
А вот киш-миш – это медвежий ливер.

Мышьяк – последний писк селекции.
Лентец широкий – пышный бант.
Поручик – это хиромант,
А Спика – лишь студент (на лекции).
Наречье – волны (на реке).
Намордник – прыщик (на щеке).

Ну, капельмейстер – это сталактит.
Убежище – мы дали стрекача.
Заплата – посещение врача,
А показуха – ой, у вас отит!

Вот лобстер – он крестился часто.
Ротонда – видимо, зубная паста,
А неустойка – под столом не пить!
Деликатес – о, стали ТЭС делить!

Папаха – муж, жена – мамаха.
Худющая испанка – костомаха.
Главбух – пожалуй, маршал артиллерии.
Кондом – конюшня, дом для кавалерии.
Сераль – лишь нужник, не взыщите,
А стенография – граффити.
Начёс – царапка на затылке.
Вампир – а нам сдавать бутылки.

Еврей – тот, кто имеет евро.
Коклюшка – ох, больная плевра.
Описка – увлажнение пелёнок,
А Титикака – бросил грудь ребёнок.
Ребёнок громко плачет – оратория,
А вертопрах – сотрудник крематория.

Невеста – без вести пропала.
Феномен – ветер перемен.
Форсунка – так, воображала.
Известие – побелка стен.
Драже – озноб, трясучка даже,
А баобаб – восторг мужчин на пляже.

Лоскут – блестящая одежда.
ООН – воскресшая надежда,
А пистолет – всего сто лет,
Как «пи» придумал Архимед.
Кто любит много врать – трепанг,
А сочинил всё это Ланг.

07.01.2002 г. От Р.Х.

КТО ЗА ЧЕМ

На кобылке на игреневой
Раннею весной сиреневой
Ехал он с башкой мигреневой
За бумагой за шагреневой.
(Или за веленевой).

На кобылке на караковой,
На пролётке чёрной лаковой
Ехал ты с башкой предраковой
За подстилкой за чепраковой.
(И соломкой маковой).

На кобылке на ворованной
Ехал ночью заколдованной
Я с башкою коронованной
За мечтой за очарованной.
(Уткой фаршированной).

18.01.2002 г.

* * *

В **Тобол** течёт река Тавда́.

Да, ударенье не туда
Поставили, её назвавши.
А лучше бы назвали Та́вда,
И я бы вовсе без труда
Приподнял свой престиж упавший,
Нашёл бы рифму к слову «правда».
Как много рифм к слову «ложь»,
А к слову «правда» – не найдёшь.

Вот в поле колосится рожь.
Точильщик точит чей-то нож.
Ползёт по головизне вошь,
И я иду, и ты идёшь,
И, вероятно, без галош,
И вместе с нами молодёжь.
Пригож венецианский дож,
Неплох и генуэзский тож.
Блестит на солнце ярко брошь.
Ровняет хлопок банкаброш.
Теряет полька медный грош.
Пробел меж буквами – апрош.
Патроны подобрал Гаврош.
Уж деве замуж невтерпёж,
Она надела юбку «клёш» –
На дискотеке был балдёж.
Объяла нервная дрожь –
Как много рифм к слову «ложь».
Как мало рифм к слову «правда».
Хорош собой котёнок Гав, да?
А, впрочем, больше не найдёшь.

27.03.2002 г.

АМАЛКЕР

«Анаком» спросил у «Доширака»:
– Отчего вся в паутинке спинка?
Да и ниже тоже паутинка...–
И раздался зычный глас из мрака:
– Потому, что надо есть еду,
А не эту вашу ерунду.
Ешьте «Главпродукт» в консервной банке
И забудьте о «Галлине Бланке»,
Если есть миллионов десять в банке!

12.02.2002 г.

* * *

Над еланкой дымною

Разлился ушук.
Шалыган и олахарь
Я без бабьих рук.

На захряслом катнике
Нехолявый пёс.
Мускорно мне в ватнике,
Гребую до слёз.

Бластится за катником
Брыкнутый бучень.
У меня под ватником
Воровской кистень.

От меня засемают
Гужем мужики,
А хрындучить кинутся –
Выпущу кишки.

Коль не окадычатся
С переляку враз –
Всем по первослучаю
Выну правый глаз.

Пусть тогда бурукают,
Как за вытью псы...
Где-то совы гукают,
Шелестят овсы.

28.02.2003 г.

Примечания к повести «Яр» Сергея Есенина (Отрывок)

Бластиться – казаться, мерещиться.

Брыкнутый – упавший.

Бурукать – глухо, невнятно ворчать, бормотать.

Бучень – птица выпь.

Выть – часть села.

Гребать – брезговать.

Гужем – гуськом, вереницей или толпой.

Еланка – прогалина, луговая равнина.

Засемать – засуетиться, зачастить ногами.

Захряслый – затверделый.

Катник – накат от полозьев саней на дороге.

Мускорно – трудно.

Нехолявый – неопрятный, неряшливый.

Окадычиться – умереть.

Олахарь – обалдуй, непутёвый.

Ушук – мгла.

Хрындучить – ерепениться, куражиться.

Шалыган – шалун, бездельник.

ПАМЯТЬ

Память, ты рукою великанши
Жизнь ведешь, как под уздцы коня,
Ты расскажешь мне о тех, кто раньше
В этом теле жили до меня...

(Николай Гумилёв. «Память»)

Вспоминал Есенина, Рубцова,
Лермонтова. Всех я их любил.
И ещё знакомого такого,
Только вот фамилию забыл...

Гаснет луч пурпурного заката,
Догорает алая заря.
Где же ты, желанная когда-то?
Я забыл, по-правде говоря.

Я забыл, как лошадь запрягают,
Стоя от копыт в одном вершке,
А они неопытных лягают...
Видно, мне досталось по башке.

Я по-прежнему такой же нежный, —
Кто сгорел, того не подожжёшь,
Но и я кого-нибудь зарежу,
Если вспомню, где лежит мой нож.

Ничего, родная! Успокойся.
Это всё рассеянный склероз —
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб старушку доводить до слёз.

Не жалею, не зову, не плачу.
Всё прошло, как с белых яблонь дым.
Вспомнить что-то — трудная задача,
Коли перестал быть молодым.

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Помню я – советские «Катюши»
Раздолбали немца над Окой.

Широка страна моя родная, –
С каждым днём всё радостнее жить.
Много в ней чего-то, что я знаю,
Только угораздило забыть.

Выхожу один я на дорогу
В старомодном, ветхом шушуне.
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу.
Жизнь моя, иль ты приснилась мне?

В небесах торжественно и чудно.
Кажется, недавно я там был.
Что же мне так больно и так трудно
Вспомнить то, что я давно забыл?

О, склероз рассеянный, рассейся!
Нелегко идти в конце пути.
Я забыл, кто тонет в фарисействе.
Жизнь прожить – не поле перейти.

06.03.2003 г.

Un poète distingue par son imagination a trouvé dans tant de hauts faits dont il a été témoin, non le sujet d'un poème, mais celui d'une satire. (Один поэт, одаренный богатым воображением, нашёл в столь славных деяниях, которые ему пришлось наблюдать, сюжет не для поэмы, а для сатиры).

А.С.Пушкин «Путешествие в Арзрум»

В Арзрум дорога непростая.
В Новочеркасске неспроста я
Решил в Ростов не заезжать
И в Ставрополь свой путь держать.
А что б мне ни скривить свой путь,
В российский Ливерпуль свернуть,
И сбросить бремя тяжких дум
В Ростове по пути в Арзрум?

Ростов... Садовая... Сенная...
Мой тёзка там бывал, я знаю.
С Большой Садовой он свернул
И тотчас чуть не утонул –
Ни мостовых, ни свету нету.
Он, бедный, так и закричал:
«Мне нужно с корабля на бал!
Карету мне! Карету!»

А если бы на два-три дня
В Ростов и занесло меня
По прихотливой воле рока,
Чему б возрадовалось око?
Собачий хутор... Гниловская...
Навозная... О, мать честная!
Ну да, полезен и навоз,
Да, но красив ли? – вот вопрос!

Полезен кстати и клистир,
Так что ж? Переиначим мир?
У нас же нынче вор на воре,
Из них кто в на́большем фаворе –

Тут станут улицу крестить
Дощечки на дома мостить,
Мол, эта улица такого –
И назовут – да хоть Хвостова.
Не возражайте, друг любезный,
Он был такой для всех полезный...
И так полезен для Ростова
Большой Пологий Спуск Хвостова!

Возьми ваш сад – там вдоль аллеи
Огромны кущи тополей,
Так будь же Тополиный сад.
Ан нет, найдётся хитрый немец,
И сад тотчас перекрестят –
Полезен нынче иноземец,
И будет Парк Огюста Конта...
(Дороги требуют ремонта,
Вернее улицы дорог, –
Не утопить бы в луже дрозд!)
А то и местного пиита,
Дабы отметить знаменито
Его столетний юбилей,
Одарят улицей. Смелей!

А вот Сенная: что ни дом –
Фонарик красный за окном.
Вот магазины: что ни лавка,
То либо жулик, либо давка –
«Боммер», «Матизен», «Менционе»,
«Майзель», «Лион», «де Камилли»...
Собрались в южном регионе
Нувориши со всей земли:
Асмолов, Хахладжаев, Гушнер,
Гуревич, Ридель, Кузнецов,
Кундури – перечислить Пушкин
Не может этих молодцов.

Мадмуазель, а вы от Ктосева?
Помилуйте, не знает кто его?
Кто не забудет ритмов танца
В «Палермо» у Чарахчианца?
В провинции вино недурно,
Но как-то всё... малокультурно.
К примеру, у мадмуазели
Глаза испуганной газели,
А на Сенной красоти-красоти
Меня серьёзно обокрали.

Кому повем печаль, когда я
Спасаясь от прекрасных чар,
Бежал под пули янычар?
Ах, то история другая,
Но попрошу потомков я –
Пусть никогда ваша Сенная
Не будет имени меня!

10.04.2003 г.

* * *

Кстати о Ростове. Симпатичный город. Я там
Был этой осенью. Проездом.

М.Зощенко. «Ростов»

Кстати о Ростове. Город симпатичный.

Я там был проездом из Москвы на Юг.
Климат мягкий, славный, и народ приличный –
Хулиганов нету, нету и ворюг.

По Большой Садовой каждая девица
Смело ходит ночью – ну почти одна.
И, что характерно, – вслед не матерится
Ни один прохожий – видимо, видна

В этом воздержаньи некая культура,
Я не сразу понял, но потом допёр:
Хулиганства нету, так как физкультура
Занимает граждан с некоторых пор.

Вот пример: читаю как-то фельетон я,
Сидя на скамейке в городском саду.
Вдруг какой-то парень, рожа моветонья,
На меня, играя, прыгнул в чехарду.

Я, конечно, мог бы резко возмутиться,
Дескать, прекратите хулиганский акт,
Но смекнул: не стоит на него сердиться –
Это ж у спортсмена тренировка. Факт!

Я хоть и приезжий, и одетый чисто
Был, пока не сбили чехардою с ног-с,
Мог ещё отделать парня-шахматиста,
Ну, а как в итоге пострадает бокс?

04.06.2003 г.

* * *

Рекламой фильмы прерывать
Кошунственно и неэтично.
Рекламодателю – плевать:
Зато доходно и практично.

Реклама, в общем-то, нужна,
Но надо место знать и меру.
Ведь мысль автора важна
Без перерывов. Для примеру:

А.С.Пушкин

К А.П.Керн

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как не крутис, без «Злата» не обойтис!
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.
Пиво «Арсенальное» – пиво с мужским характером!

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты
Вы не забыли сменить прокладку?
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.
Дентал-Академия-я-я – максимум!

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
Творог «Даниссимо» – верное решение!
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.
Понима-а-аешь?! – «Иж!...»

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
«Виспа». Вкус нежности...
Без божества, без вдохновенья,
Без слёз, без жизни, без любви.
«Кальве»... Мама... – Вовочка...

Душе настало пробужденье
И вот опять явилась ты,
Как не крутис, без «Злата» не обойтис!
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.
«Доширак». Отменное качество.

И сердце бьётся в упоенье,
И для него воскресли вновь
«Битнер». Просто – «Битнер»
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слёзы, и любовь.
«Веромакс». Парус любви для двоих...

05.12.2001 г.

* * *

Оранжевая как живая в проран как рана
ножевая струила стройных струй струи
среди непокорной непогоды свои живые воды годы
в нагроможденьи дымных туч у чёрных скал
и скальных круч искал кто луч кто бурных буч
кто ярких встреч или идей кто драгоценных
орхидей гремел Ауграбис бесновато и ключья пены
словно вата текли поодаль вдоль покато мимо
далёкого Вармбада седые брызги водопада брезгливо
падали на падаль и дальше вдаль в долину в дол
грызя у дальних скал подол неслись и стаи юрких рыб
у глыб с луной соперничать могли б подстать наядам
чешуйчатым своим нарядом блестя прекрасным и заката
луч окрасил красным и багровым огромный ворох
туч черневших и лиловым облил летучих облаков
черёд и розовым их перистый перёд затем сверкнув
кроваво-красным глазом затухнул разом ночь
наступила в полной темноте текли но те
или не те не ведал ум в проран бурлящий
оранжевые воды и отзвуки недавней непогоды
порой тревожили перекрывая шум воды бегущей
и гремющей пока луна не выплыла над чашей
и кущи рощ потоком серебра не облила подобно
бра над традесканцией висящей а утро тронуло
туманом по рододендронам и каннам по
эхинатумам мохнатым посыпало жемчужным
платом как потом или матом и потом повесив
радуги дугу над водопадом как бисером сверкнуло
мириадам росинок-бусинок на перьях пепером и
перламутром вспыхнув над прораном у скал
богатых торием ураном подобно белому бенгальскому
огню поблекло уступая место свету а время
дню и день настал

14.11.1999 г.

ПАНОРАМА

Миновала вакханалья золотого листопада,
Ожидая снегопада, побелела колоннада.
Загремела канонада – назревали непогоды,
Колдовала Мать-природа, поливая огороды.
Артишоки, портулаки поспевали, угрожая
Бахчеводам скороспелым многотоньем урожая.
Дозревали помидоры, патиссоны, баклажаны;
Покупали чечевицу пожилые горожане.
Облетели абрикосы, облепиха, ежевика;
Переспели гонобобель, заманиха, куманика;
Потемнела тернослива, лавровишни половина;
Перезрела земляника, костяника, клещевина.
Полиняло небосвода голубое покрывало.
Запылали перелески бересклета, краснотала,
У которых поднимали свои лапки сенбернары,
Водолазы, волкодавы, спаниели, курцхаары,
Фокстерьеры, доберманы, далматины, командоры...
Недалече простирались островные Командоры.
Уползала за барханы каравана вереница.
Ударенье изменивши, перезрела смоковница.
Неумело продавала своё тело Магдалина.
Оплетала паутина ароматом никотина.
Состояньем побережья восхищая Каналетто,
Волновала Карапета панорама парапета.
Ниагара рокотала катарактой водопада.
Королева Изабелла захотела винограда.
Каравелла Магеллана, покидая Эльдорадо,
Нагрузилась до упаду коробами шоколада.
Закатала тётя Ада восемь банок маринада.
Потемнело. Подбалконно зазвучала серенада.
Полюбила Коломбина молодого Арлекина,
Квазимодо – Эсмеральду, Леонору – Марселина,
Шахразада – паладина под покровом паланкина,
Молодого конокрада полюбила баба Рада,
Позабыла Командора непоседа Дона Анна –
Огорчила Лепорелло, полюбила Дон Гуана.
Неразумно оставаться молодыми стариками,
Новомодно отдаваться Камасутре с потрохами.
Ненавижу перемены, проклиная непорядки,
Помышляю непременно отдаваться физзарядке.
Исполняя повеленье молодого организма,
Продолжаю заниматься пропагандой туризма,
Инстинктивно вспоминая дорогое основное...
Вероятно, «панорама» дорисует остальное.

03.03.2003 г.

Не каждый автор отважится представить на суд людской своё первое поэтическое произведение, поскольку оно ещё не лишено некоторых технических недостатков, однако в первом стихотворении, сочинённом ещё не замыленным творческим аппаратом, как правило, уже сквозит жизненное кредо автора, его мировоззрение и, если хотите, менталитет. Ведь именно с него, с первого стихотворения, становится видно – поэт ли автор, или банальный стихотворец. В конечном итоге, всё творчество автора несёт отпечаток первого приобщения к миру искусства, сохраняя то основное, что явилось впервые к творцу, и впоследствии будет лишь развиваться, улучшаясь и совершенствуясь, но сохраняя этимологическую связь с первым, волшебным творческим озарением.

Именно поэтому я считаю возможным включить в свой сборник первое стихотворение, тем более, что разрыв во времени между первым и вторым стихотворением у меня составил четырнадцать лет. Итак, вот оно, моё первое стихотворение:

Открылась дверь,
Вбежал зверь,
Заглянул в котёл,
Оказался осёл.

< 1940 >

В этом произведении, как и во всём последующем моём творчестве, видны черты сюрреализма, анимализма, стремление самое важное приберечь для концовки стихотворения, лаконичность, лёгкий налёт юмора, отказ от нерифмованного стиха, и десятки других, хорошо видимых специалистам-литературоведам особенностей.

У читателя может возникнуть вопрос: вбежал ли осёл в дверь, или он оказался в котле? Я-то знаю, как автор, но в том и состоит творческая тайна, что у читателя создаётся впечатление приобщённости к этой тайне, кажется ещё мгновение – и она будет раскрыта именно им, читателем, и никем более! Эта амбивалентность, в моём понимании, самое ценное, что есть в поэзии.

Вот почему я рискнул опубликовать его, своё первое поэтическое детище. Оно, разумеется, не лишено, как и большинство последующих моих стихотворений, недостатков в ритмическом построении, брутальности и лиценциозности, но читатель простит автора, ведь ему тогда было неполных два года от роду.

И, чтобы быть уж совсем честным с читателем, должен сказать, что лет пятнадцать тому назад в радиопередаче о каком-то поэте, я услышал своё первое стихотворение, приписанное поэтом себе. Я не спорю, что этот поэт тоже мог сочинить это стихотворение, и не обвиняю его в плагиате. Просто мысли умных иногда встречаются.

18.04.2004 г.

АЙ , ДА СУКИНЫ СЫНЫ

Кай, муди, огар, бувье, маркисье, кувас,
Помещу в свои стихи, втисну в строчку вас,

Лауфхунд, чувач, сикоку, та́зы, смаусхонд,
Пополняете поскольку вы словарный фонд,

Чихуахуа, шапендус, ксолойтцкúинтли.
Только людям этот фонд очень нужен ли?

Ойрази́р, поденгу, бу́хунд, маламут, левсе́к ...
Мне он нужен – я ведь с детства баламут для всех!

16.08.2003 г.

РЕЦЕНЗИЯ

Мне сказали грамотные люди,
Про собачек мой прочтя стишок:
«Ударенье правильное му́ди,
Не муди́, дружок!»

09.02.2005 г.

* * *

Онамясь, надувши нюни, шёл я под омбрелькой.

Ты мне нравилась в июне шёлковой бретелькой.

Мимо лывы, или мяги, шёл я, рвя опорки.

Булькал в самодельной фляге мой настой копорки.

Волки летом в чаще чаще, в октябре же реже.

Пруги прыгали летящее, цвета грязной бежи.

Мнилось, что вокруг саймири носятся по веткам

Махагони – в этом мире деревьям не редким.

Средь емшана – заберзат вежа и синюхи.

Если станешь замерзать – выпей запридухи:

Лампопо, где мараскин и люнель в основе,

Как мозгами не раскинъ, было Вове внове.

Так же, как маседуан, или ерундопель,

Так же, как авто нисан, или, скажем, опель.

Под ногами минерал типа граувакка.

Не устроить ли привал типа бивуака?

Привалиться и вздремнуть – не тянуть мелёду!

Ну, приснится ж эта муть дремлющему деду.

Средь мелодий в стиле «поп» хныкающих скрипок,

Под кустом сидел эпопт, цыкающий скнипок.

Пустосвят и охломон – видно по киндяку.

С кукельваном пива он выпил с переляку.

Пряглой толстой закусил, показав сноровку,

И потачку не спросил, как и поноровку.

Я проснулся. Разгадать надо б сон по книгам,

А пока и я пожрать наострился мигом:

Пепермент в тиши пия и ашáя вафли,

Позабыл про сонник я, Шестокрыл и рафли.

Но, врождённый любослов, свой брульон отверзши,

Записал с десятков слов, чуть ли не умерших.

22.08.2003 г.

ГЛОССАРИЙ

- Авто́** – автомобиль, легковая автомашина.
- Аша́ть – есть, принимать пищу.
- Беж – бледно-коричневый цвет.
- Бивуа́к – расположение идущих в походе на ночлег, бивак
- Бретелька – тесёмка, поддерживающая одежду.
- Брульо́н – черновая тетрадь, черновик, набросок.
- Ва́фли – тонкое хрустящее печенье в клеточку.
- Вех – растение семейства зонтичных, цикута.
- Во́лки – санитары леса.
- Глосса́рий – толкователь устаревших и иностранных слов.
- Граува́кка – темноцветная осадочная горная порода.
- Емша́н – душистая степная трава.
- Ерундóпель – салат из икры, рыбы и овощей.
- Заберза́т – полудрагоценный камень желтовато-зелёного цвета.
- Заприду́ха – водка, описанная Н.Лесковым в повести «Старинные психопаты».
- Киндя́к – хлопчатобумажная ткань; кафтан особого покроя из этой ткани.
- Кни́га – печатное издание, существовало до Интернета.
- Колдо́бина – крутая яма.
- Копо́рка – иван-чай.
- Кукельва́н – то, что в 1861 г. А.И.Крон и другие петербургские пивовары подмешивали в пиво, в чём были изобличены.
- Лампопо́ – напиток из холодного пива с лимоном и ржаными сушками; смесь из разных напитков. (Шутливый перевёртыш: пополам – лампопо.)
- Лы́ва – лужа.
- Любосло́в – словолюб, любитель слов. (Не путать со «словоблуд»!)
- Люне́ль – лёгкое сладкое вино.
- Ля́га – непросыхающая лужа, колдобина с водой.
- Мараски́н – ликёр из вишен.
- Маседуа́н – кушанье из овощей и фруктов под соусом, или облитых вином.
- Махаго́ни – тропическое дерево с красной древесиной.
- Меледа́ – пустяковое дело, требующее много времени; канитель.
- Мелодия́ – мотив, ранее был обязателен в музыке.

Минерáл – часть горной породы.
Мнѝться – казаться.
Мозгѝ – серое вещество в голове, которым раньше думали.
Нисáн – марка японского автомобиля.
Ню́ни – губы.
Омбрѐлька – зонтик от солнца.
Онамнѝсь – недавно, несколько дней тому назад.
Опель – марка немецкого автомобиля.
Опóрки – ветхая обувь, надеваемая на босу ногу.
Отверза́ть – раскрыть, распахнуть.
Охломо́н – плут, мошенник.
Пеперме́нт – прохладительный напиток зелёного цвета.
Пере́ляк – испуг, перепуг.
Поноро́вка – поблажка, потворство.
Пота́чка – послабление, поблажка.
Пру́ги – саранча.
Пря́гла – толстый блин, лепёшка в масле.
Пустосвя́т – ханжа.
Раски́нуть мозга́ми – подумать (переносный смысл).
Ра́фли – книга для гадания.
Сайми́ри – цепкохвостая обезьяна.
Скни́па – вошь.
Тишь – отсутствие шума, покой, тишина
Фля́га – походный сосуд для воды, или вина.
Шестокры́л – книга для гадания, запрещённая русской церковью, как еретическая.
Цы́кать (простонародное) – давить ногтем с треском.
Эпо́пт – созерцатель, мудрец.

* * *

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился...

А.С.Пушкин. «Пророк»

И у меня пустела кружка,
И я был жаждою томим,
И строила рога подружка,
И изменяла мне с другим.

И я встречался с серафимом,
И мне являлся он надясь
И голосом неустрашимым
И мне воскликнул он «Смирись!»,

И мне проворною десницей
И в пасть и в глотку он полез,
И грязной рваной рукавицей
И мой язык испачкал весь.

И стало мне во рту противно,
И отвратительно притом,
И плюнул я бесперспективно,
И в глаз попал ему плевком,

И произнёс несправдливо
И вовсе не лукаво так:
«И что ведёшь себя ты, словно
И впрямь не ангел, а ишак?»

И он восстал, себя воздвиждел,
И он словам моим внемлил,
И, вытря глаз, меня увиждел,
И еле слышно спросил:

«И что тебе, поэт, я сделал,
И чем себя я провинил?»
И я ему ответил смело,
И был ответ мой полон сил:

«И ты ещё не стоматолог,
И у меня не стоматит...»
И голос мой и бодр, и молод,
И звучно звук его звучит,

И был он провиденциален,
И убедителен, и лих,
И шестикрыл поник, печален,
И побледнел, и сваял, и стих,

И внял словам, и обмер, млея,
И перепугано икнул,
И я лягнул его, смелея,
И шариковой ручкой ткнул.

И я с тех пор хожу, внимая
И гадам, и громам небес,
И ягоды с лозы снимая
И с дрянью косточек, и без...

И я зеницы отверзаю
И части прочие лица,
И вижду, и девиц лобзаю,
И жгу глаголами сердца!

22.09.2003 г.

СКЛОН

Солнце, устав, к окоёму склоняется.
Солнечным светом склон освещается.
Светятся ивы, низко склонившие
Сонные ветви, плакучими бывшие.
Стали видны сухоцветы склонённые,
Стойкие к засухе, серые, сонные.
Серая мышка под стогом склонившимся –
Совам добыча, в дупле притаившимся.
Суслики свищут, к общению склонные,
Смотрят, до обморока удивлённые –
Стихосложенец по склону слоняется;
Склонность к склерозу так проявляется...

22.03.2005 г.

ПРИМЕНЯЯ МОНОРИМ

Примелькались просто рифмы, захотелось монорим.

Примечательно, что прозу сочинял и Аморим.

Применив старинный миф, мы древний Рим благодарим.

Примем дозу от морозу и к вершинам воспарим!

Примемся, как братья Гримм, или как Мустай Карим.

Примитив примитивизма свой в душе отматерим.

Примеряясь в третий Рим, в даль шагает пилигрим.

Применив декокт пер клизма, помер старец Питирим.

Примус грохнет – кто-то охнет, заорёт: «Пожар, горим!»

Применив поточный метод, мы куплеты сотворим.

Примула в горшочке сохнет, хочется бедняжке в Крым.

Примиритесь с тем, что это не сюжет для братьев Гримм!

Примавера – это снова радость театральных прим.

Приму курим... Ну, про эту гадость мы не говорим.

Применив совет Пруткова, иногда мы в корень зрим, –

Применительно к поэту, дамы скажут: «Экий грим!..»

25.04.2005 г.

* * *

Я б тоже оплевал прохожего,

Который Ланга не читал,

Когда б желания похожего

В его глазах не прочитал...

25.04.2005 г.

.....000000000000000000000000.....

* * *

Мне срочно захотелось однострочно.

* * *

Не жги свои стихи, пока не Гоголь.

* * *

– Кто там? – К вам можно? Это Мефистофель.

* * *

А сердце просит нитроглицерину.

* * *

Увидев «ДИ-ВИ-ДИ», удивидился.

* * *

Сам Ленин не курил, а чем ты лучше?

* * *

Забудь меня, чтоб было о ком вспомнить.

* * *

Рамзес от Засухи и Ранца – в фаворитах.

* * *

Выхожу один я – надо грогу!

* * *

Чему бывать, того не миной рвать!

* * *

Я вам приснюсь, коль накануне выплусь.

* * *

Лихач переживал лихое время.

* * *

Поверьте: баба – это молотище!

* * *

Уж пресмыкался гордо и изящно.

* * *

Текилы ток по жилам тёк текуче.

* * *

В виски стучало виски после «плиски».

* * *

От бренди сбрендил денди в гасиенде.

* * *

Сакэ? Сливовицу – из сливы гонят, знаю.

* * *

А вот как водка к пиву приложилась.

* * *

Заматерел, видать, – заматерился.

* * *

А это просто шоу. Не Бернард.

* * *

Джим джинсы пропил – джину захотелось.

* * *

А барбекю – это куда, простите?

* * *

Не хулиганьте – вы не на бомонде!

* * *

Мне Гриша вспомнился: ведь на обед – свинина.

* * *

Жеребёнок, конь, конина – биография.

<2003-2004>

.....00000**O**00000.....
.....000000**OOO**0000000.....
.....00000**O**00000.....

С О В Е Т Н А Р К О Л О Г А

Не пей всего, что может литься.
Оставь чуть-чуть опохмелиться!

13.08.2003 г.

С О В Е Т С Е К С О П А Т О Л О Г А

Не трахай всё, что шевелится.
Пусть дэв останется девицей!

13.08.2003 г.

С О В Е Т С О В Е Т О Л О Г А

Не стоит на супругу злиться –
Не лучше ль на детей излиться?

13.08.2003 г.

С О В Е Т П О Э Т А

Ты хочешь совета поэтов?
Но я б тебе посоветовал:
Не слушай ничьих советов,
Даже моих. Даже этого!

20.04.2004 г.

П Е С Н Я

Я тебя люблю, люблю,
Люблю, люблю,
Люблю, люблю, люблю,
Люблю, люблю,
Люблю, люблю, люблю,
Люблю, люблю, – 2 раза
Люблю, люблю, люблю. – 2 раза

Припев

Люблю, люблю, люблю, люблю,
Люблю,
Люблю, люблю, люблю, люблю, – 2 раза
Люблю. – 2 раза

Люблю, люблю,
Люблю, люблю, люблю,
Люблю, люблю,
Люблю, люблю, люблю,
Люблю, люблю,
Люблю, люблю, люблю,
Люблю, люблю, – 2 раза
Люблю, люблю, люблю. – 2 раза

Припев

Люблю, люблю, люблю, люблю,
Люблю,
Люблю, люблю, люблю, люблю, – 2 раза
Люблю. – 2 раза

Люблю, люблю,
Люблю, люблю, люблю,
Люблю, люблю,
Люблю, люблю, люблю,
Люблю, люблю,
Люблю, люблю, люблю,
Люблю, люблю, – 2 раза
Люблю, люблю, люблю. – 64 раза
А ты меня?

04.11.1999 г.

* * *

Я дрожал,
Яд рожал,
Ядро жал,
Ядро ж ал.

Я.

Шла вдоль опушки межа.

Вижу ужа.
Я, от испуга дрожа,
Сел на ежа

Выглянул лунный лучик
Из-за тучек.
Вынул я острых колючек
Триста штук.

Сразу дрожать перестал.
Природа – не дура!
Я на себе испытал:
Акупунктура!

14.08.2003 г.

Я И ЦАРЕ ЛЕСКА

Себя поэтом ощутив,
Уже шестидесятилетним
В литературный коллектив
Пришёл я ранним утром летним.

Пришла зима, а вместе с ней
Ко мне пришла одна идея,
И с ней становится ясней:
Пишу стихи я, молодея.

К весне мне снова тридцать семь –
Опасный возраст для поэта.
Андрей Андреич Вознесен-
ский хорошо сказал про это.

Потом мне стукнет двадцать пять,
А восемнадцать будет к лету.
Потом тринадцать, и опять
Придёт любовь ко мне, поэту.

Она начнёт изображать
Сухую деловую даму.
Я стану ей стихи писать
Про то, как мама мыла раму.

Потом на смену школьных див
Придёт детсадовская каста.
Потом исчезнет коллектив.
Потом скажу «Агу» – и баста.

23.09.2001 г.

СТИХОТВОРЕНИЕ О ТОМ,
КАК ПОДРАЛИСЯ ПЁС С КОТОМ,
ЗАДЕВ ПРИ ЭТОМ ДЫШЛО,
КОТОРОЕ, УПАВ С ПЛЕТНЯ,
ШАРАХ ПО ТЕМЕНИ МЕНЯ,
И ЧТО ПРИ ЭТОМ ВЫШЛО

А вышла гематома –
Предмет второго тома.

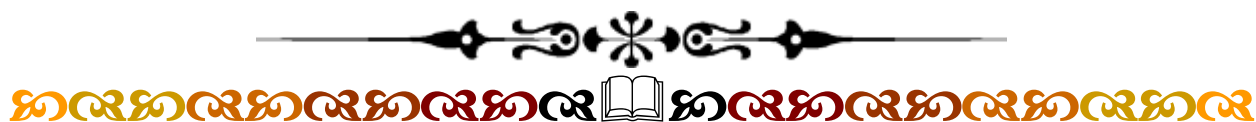
17.12.2001 г.

* * *

Золото лоз, глаз топазы,
Шорох стрекоз, крыльев стразы,
Запах волос, нежные фразы,
Дюжина роз, тень от вазы,
Блеянье коз – цыц, заразы! –
Всё унеслось, словно КРАЗы,
Скрылось...

Позавчера дунули бризы,
У гончара начались кризы,
Пьют кучера дейзи и физы,
Диспетчера тоже уж сизы,
Спит девчура – смолкли капризы,
Ты мне вчера – вот так сюрпризы –
Снилась...

26.08.2003 г.

* * *

Как Малевич , создавший кубизм,
Я торю целину для других.
Я течение открыл – квадратизм.
В этом стиле и мой «Белый стих».

На листе ни куплета, ни строчки,
Но, чтоб творческой личностью слыть,
В уголочках шедевра по точке
Метранпажа прошу поместить!

Наизусть его так легко выучить!
Вслух прочесть его может немой!
Нелегко было стих этот вынянчить –
Посмотрите-ка длинный какой.

Эти двадцать четыре страницы...
В них всё то, чем я с вами делюсь.
Правда, срезал издатель границы –
Гонорар экономит, боюсь.

БЕЛЫЙ СТИХ

*

*

*

*

10.04.2002 г.

ОБЪЕКТУ МОИХ ПАРОДИЙ

В архивах море Вашей прозы стынет...

Ах, сколько пищи для лихих умов
Лежит недвижно, ждя, когда же минет
Её забвенья час в наш век громов!

Россия не забудет Ваши грёзы,
И – виртуально, не запачкать чтоб –
Юбилеярующемуся я букет мимозы –
Бросать не стану, – возложу на лоб.

Родились Вы в многострадальном веке.
Юпитер, папа Муз, иль бог-писатель Тот,
Скорей всего, Ваш прапрапрадед, вот.

О Вас уже литературы – реки.
В них и моя струя пускай течёт.
Узнай же, мир, об этом человеке!

Вы истинный творец стихов и прозы.

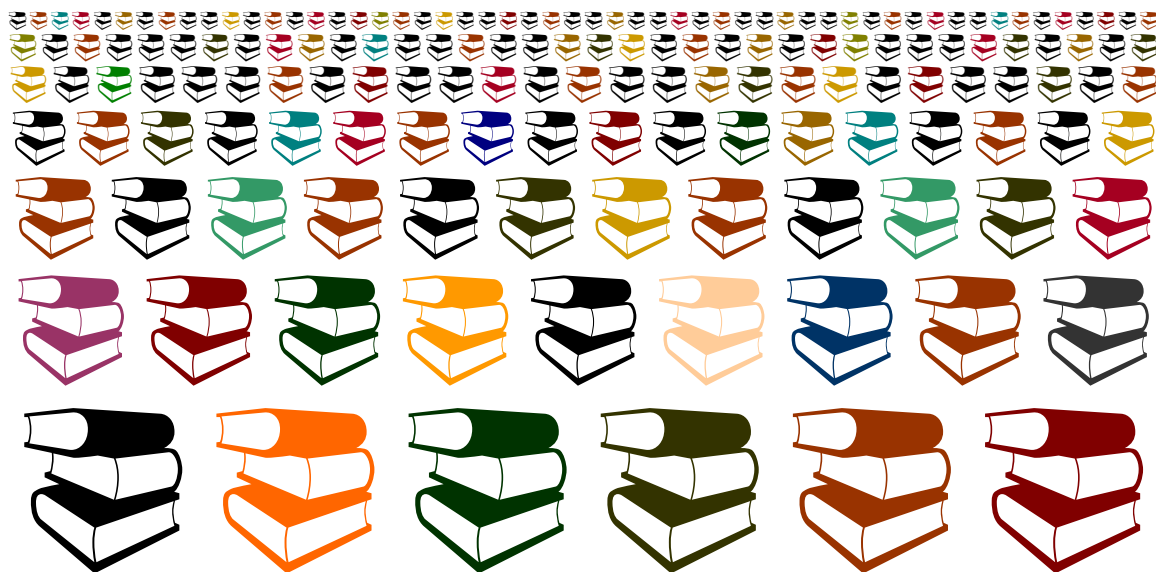
Архив их непростительно погрёб.
Лежат они в архивах, словно розы
Ещё не брошенные в юбилейный гроб.

Россия скоро Ваши вирши вынет
И напечатает сто тридцать пять томов.
Юродивело общество, а Вы – нет,
Блок узких улиц и Бальмонт домов.

Родились Вы аж в позапрошлом веке.
Юбилеяринить вам – на этот год.
Сто тридцать лет – уже не мальчик, вот.

О, сколько пищи пародистам – реки
В архивах до сих пор – неупророт!
Узнай же, мир, об этом человеке!

20.09.2003

Из цикла "басни"

МЕДИКИ

(Басня)

Раз встретил сельский врач
Ветеринара,
И эта пара
Идёт, болтая, среди дач.
Их обдувает ветерком...
Навстречу – несколько девчат...
– Смотри, какие девки, брат, –
Кровь с молоком! –
Ветеринар и говорит:
– По виду девушки здоровы,
Но у коровы,
Скорей всего, мастит!..

Мораль: чтоб выглядеть морально,
Не принимай слова буквально.

14.11.1999 г.

КУПЮРЫ

(Басня)

Писатель раз роман в редакцию приносит.

Его чуть-чуть хотели сократить.

– Купюр не надо! – автор просит. –

Редактор : – Я не думал вам платить,

Но если речь заходит о купюрах,

А вы у нас печататься хотите, –

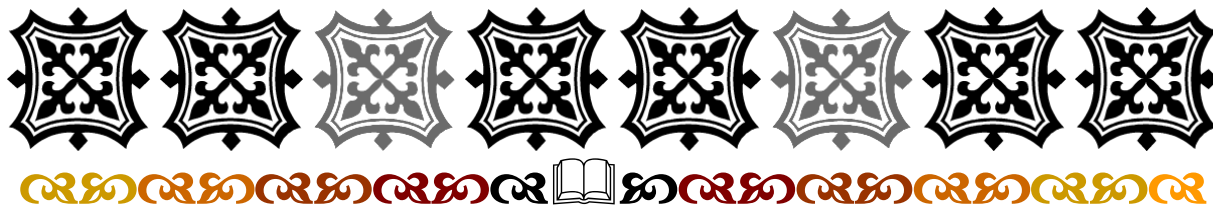
По три нуля из каждой строчки уберите,

Чтоб все мы не ходили в дурах! –

Читатель ждёт морального финала?

Мораль под три нуля попала...

19.11.1999 г.

НЕБОЛЬШАЯ СТИРКА

(Басня)

– **Куда?** – жена спросила мужа,
Его идущим обнаружа.
Потом увидела она (глаза жён цепки)
В его руках бельё, верёвку и прищепки,
Но не видала мыла.
– Повеситься хочу, – ответ шутливым был.
Жена же, не расслышавши спросила:
– А мыло не забыл?
И муж её тот час же разлюбил.

Мораль: В забывчивости не вини мужчину,
Заставь купить стиральную машину.

04.01.2002 г.

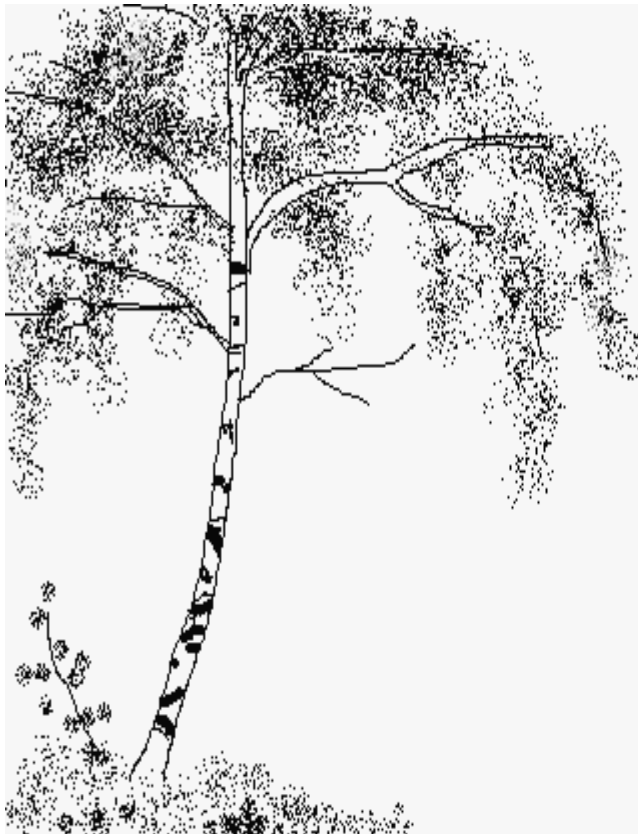
ЛИСИЦА И ВОРОНА

(Басня)

Как-то сыр ворона ела.
Ей лиса сказала: «Спой!»
Ну, ворона сыр доела
И поёт: «Карга, долой!..»

15.05.2005 г.

* * *

Да , конечно, я не Пушкин,
Не Жванецкий, не Коклюшкин,
Но, когда звучит в эфире
(Радио в моей квартире):
«Чтобы газ был постоянно,
Надо помнить неустанно,
Своевременно плати, –
Вечно с газом будешь ты!»,
Я решил – не быть мне в луже,
Не ударю в грязь лицом ,
И другим каким концом,
Ведь мои стихи – не хуже,
Чем подобные «вершины».
Я свои назвал «Виршины».
Мой кумир высок, суров –
Александр Иванов,
И, поскольку я не «ширше»,
У названья корень «вирши».
Вы ко мне не будьте строги,
Прочитав мои эклоги,
Прибаутки и частушки, –
Я ведь, всё-таки не Пушкин!

1999-2000 гг.

ВИРШИНЫ

1. **То** дождь, как из ведра,
То ведро.
То голова мудра,
То бедра.
2. Принёс мне как-то брат стихи:
«По-пьянке» про тебя, хи-хи,
Вот – сочинил когда-то!»
Я тоже рифмами грешу,
Но я по-пьянке не пишу,
Я лишь читаю брата.
3. На площади сто га
Раскинулись стога,
А двести три гектара
Покрыла стеклотара.
4. Возле мусорного бака
Два больших собачьих глаза.
Береги себя, собака, –
Там ведь может быть зараза.
5. Собака любила стоять на посту,
Бродила в ней зверская сила,
Догнала машину уже на мосту,
За шину её укусила.
6. Нашёл товар,
Пошёл на торг,
Имел навар,
Исторг восторг
И стал реализатор,
Купивши куркулятор.
7. Протяните мыслей нити
И из них сплетите сеть.
Этой сетью не пустите
Мысли улететь.

8. С детства я любил дурачиться,
И не надо грозно хмуриться, –
Спрашивал, коли артачится:
«Прости, тут какая улица?»

9. Сказала дама мне: «Уже
Вы три часа, как неглиже».
И я ответил простодушно:
«Пардон, мадам, мне просто душно!»

10. Мы будем с юмором всегда
Непрядву вспоминать.
Мамай воскликнул: «Нас – орда!»
Донской в ответ: «Нас – рать!»

11. Стену не снести копытом,
Стену нужно динамитом,
Или нужен крепкий лоб,
Протаранить стену чтоб!

12. Где-где, а в туалете писсуар –
Необходимый нам аксессуар!
И я уверен – быть большой беде,
Когда б на свете не было биде!

13. – Что это? – Штирлиц вопрошал,
Записку Мюллера держа, –
Ответьте мне сначала! –
– Как что, – ответил тот дрожа,
И ею очень дорожа, –
Не видите? Конца начало!..

14. – Мне нужен муж, но только подходящий...
– Тогда возьми меня!
– Чтоб был красивый, умный, работающий...
– Тогда купи коня!

15. Между рогом и разворотом
Так тесна взаимосвязь:
Знают многие ребята –
С пантокрином будешь князь!

В то же время так знакома
Истина ребятам:
Не пускай жену из дома,
Чтоб не стать рогатым!

16. Послевоенное

Шанели запах на панели,
По-видимому, номер пять.
Уходят в пошное шинели,
А кто вернулся к нам опять?

17. У художника Ван Гога
Натюрмортов было много.
Ни один не тронул души,
Но зачем же резать уши?

18. Принцессе Анхальт-Цербстской

Кать, а Кать,
Ты велика, Кать!
Твою мать
Вели оплакать!

19. Забил заряд я в пушку туго.
«Ба-бах!» И разорвало друга.

20. Эпитафия

Он умер прямо на жене.
Всю жизнь грешил он непристойно.
Ну, хоть почтить его вполне
Сподобил наш господь достойно.

21. Танцевать ты твист не можешь.
Посчитай-ка «раз-два-три».
Этим делу не поможешь?
Значит, плюнь да разотри!

22. Помню школьные года. Книжки и тетрадки.
Двойки, тройки – не всегда. Иногда и пять.
Если б эта ерунда снова – без оглядки
Убежал бы, как тогда, в Африку гулять.

23. Печка, примус, керосинка,
Керогаз и просто газ.
А до этого, наверно,
Долго был костёр. Погас.
Но закон экстраполяций
Говорит о том, что МАС, –
Микро-Атомное-Солнце
Скоро будет у всех нас!

24. Вася съел сникерс. Доволен и сыт –
Жизнь хороша и легка.
Вовочка тоже доволен и сыт –
Вовочка выпил пивка.

25. Подожду ещё пока
Окультуришься слегка,
А без пирсинга пупка
И без татуажа –
Мне не надо голубка.
Вот такая лажа!

26. Падают снежинки,
В поле снег лежит.
Ссорятся две жинки
И один мужик.

27. Две мышки-полёвки резвятся
Под жёлтой осенней копной.
Мозги не спеша шевелятся
В коробке моей черепной.
Растёт на меже чернобыльник
Чернобыль дымится в траве,
И я получил подзатыльник
По новой, второй голове.

28. Не могу сидеть без дела
С выражением лица.
Рифмоплётству – нет! (предела)
Графоманству – нет! (конца).

29. Сказал нам ротный: «Братцы, шеи
Не высувайте из траншеи,
Понеже иначе все вы
Останетесь без головы!»

30. В партию Лимонова экспрессом
Я б вступил по наущенью свыше:
Я б Чубайса облил майонезом,
И из партии тотчас бы вышел!

31. Сказал мне сантехник: «Ну, что у вас? Да,
Простите, что поздно – заела среда!»
А про понедельник и вторник смолчал,
А я в воскресенье его вызывал...

32. В нашем доме стены лают –
И собак, и кошек – рать.
Их соседи выпускают
На ступени лестниц... спать.

33. В лексике русских замечен прогресс:
Видно влиянье воров в законе –
Нынче блатной, садясь в мерседес,
Спросит уже не «понял?», а «пóнял?»

34. А по требованию мэра
Безработным стал тореро.
И корриды нет пока –
Пожалел Лужков быка!

35. В небе птицы звонко пели.
Раздавался звон капли.
В подворотне водку пили.
Жулики завод купили.

36. Мы хотим начать с весьма
Любопытного письма:
Фермер из села Коврово
Пишет, что его корова
Резко снизила удои,
Стала нервной и худой,
Участились дефекации
После радиофикации...
Понимаю я корову –
Услыхала Пугачёву!

37. С детства непонятно мне –
Ветви с древа зданья, розги,
Бьют по, скажем так, спине,
А вправляют детям мозги!

38. Деду тоже нужны розги –
Не стихи – поток лузги:
Надо говорить не «мóзги»
Надо говорить «мозгí»

39. Скачет зайчик по полям,
Делит поле пополам.
Гонорары на два
Множит Генрих Падва.

40. Врубель. Демон вверх ногами.
Знать хотим, но где нам? –
Если Демон – падший ангел,
Кто же падший Демон?

41. Программист наш, Дмитрий Складов,
Смог взломать их коды.
Стал учить их, как школяров –
Потерял свободы.

Надо было не сажать,
А сказать «спасибо»,
И программу улучшать,
Хреновата, ибо!

42. Был холост Чебурашка –
Был быт его иной:
Была его рубашка
Неглаженной женой.

Женитьбу Чебурашка
Почувствовал спиной –
Он топает в рубашке,
Наглаженной женой.

43. От тренировок и возни
возникла классная команда,
И от Романцева они
Не получали реприманда.

44. Три беды на свете, мама, –
СПИД, Бен Ладен и реклама!

45. Богомол мне подсказал –
Повторяю вновь и вновь:
«Коль башку не потерял,
Значит это не любовь!»

46. Был героежды четыре
Брежнев Леонид Ильич.
Самым прогрессивным в мире
Был советский паралич!

47. Фундаменталистов не надо нам,
Тех, кто часами
В исламе
Курят нам ладаном,
А сами с Усами
Бен Ладаном!

48. Малдер Фокс и Дана Скалли
Инопланетян искали,
А секретный матерьял
Вашингтонец потерял.

49. Что девицу украшает?
Красота девицы в чём?
То, чему не помешает
Дополнительный объём.
Красота девицы –
Толстые ресницы!

50. Бен Ладен, вам давно понять пора бы,
Что мало только бороду побрить.
По цвету кожи узнают араба,
Но я скажу, что делать, так и быть.

Вам нужно навсегда кончать со спесью,
Обрезать нос, хоть вы и фарисей,
И с головы до ног покрыться песью,
Как Майкл Джексон – Яшкин Моисей.

51. В мире есть всего две бабы,
Мужики от коих слабы:
Это в Лувре Мона Лиза,
В Вашингтоне – Кондолиза.

52. «Толстяк», «Бочкарёв», «Три медведя», «Пикур» –
Не спорю, названья прекрасные!
Спросил Евдокимов, пивной Эпикур:
«Где «Банное»? Морды-то – красные!»

53. В русских нету чувства меры –
Характерная черта:
Если есть – всего без меры,
Если нет, то ни черта.

54. Нам не надо
«Эльдорадо» –
Ни кроссворда, ни программы,
И формат не лучший самый.
А с кроссвордом и с программой
Нам нужна (но не с рекламой),
Лишь «Минутка»!
(Это – шутка)

.....
Мой призыв услышан. Сам
Удивлён без меры.
Первый номер «Оверсан» –
То, что надо, мэры!

55. Истекают третьи сутки,
Как у нас нема «Минутки» –
Много требуют бумажек
Те листовки для бедняжек,
Кто с оружием в руках
Быть не хочет в дураках.
Раньше все эти «Минутки»
Шли бойцам на самокрутки,
А абреки улыбаются:
«Мусульмане – подмываются!»

56. Скажу идущим в баню парам:
Вы спариваться? С лёгким паром!»

57. Сюткин любит кофе «Гранд»,
Как и Зайцев Вячеслав,
А Калягин – дилетант:
К «Нескафе» ужасно слаб.

58. Нет, не те творят переворот,
У кого от голоду живот
Подвело, а сытые, кто в силе,
Но которых раз не покормили.

59. Чёрный прыщ у меня на лице, –
Обманул меня милый дружок:
Получила вчера в письмеце
Только белый, как мел, порошок.

60. – Купил? – Конечно! Повезло:
Четыре миллиграмма.
Радикулитам всем назло –
Хорошая мазь, мама! –
– А дорогая? – Вовсе нет,
Спасибо за удачу:
Я вот, смотри, – велосипед
Купил себе на сдачу!

61. Выборы! Вернулся праздник,
Вот такое ощущение!» –
Говорил один проказник
По чьему-то наущенью.
Я испытывал смущенье –
Видно, мозги набекрень,
У меня ведь ощущение:
В выходной – рабочий день.

62. Не жалею о реформах:
Я далёк от догм и норм.
Я жалею лишь о формах
Проведения реформ.

63. Я недавно хохотал
Так, что чуть не умер:
Сам Геращенко сказал –
Путь к банкротству – юмор!
Тотчас стало ясно мне,
Отчего дефолт в стране:
Натворили весь сумбур
Петросян и Винокур.

64. Стояла страшная жара –
Природа потеряла стыд,
И озверела просто.
Но нету худа без добра –
У дяди Вовы простатит
Прошёл без «Витапроста».

65. Он море темперой писал.
Штормило, как на горе.
Он то и дело восклицал:
«О, темпера! О, море»

66. Грыжа, волосы и зубы
Постепенно выпадают,
Но не только выпаденья
Стихотворцы наблюдают:
Ваш слуга покорный разом
Впал и в детство, и в маразм –
Он не только вирши строчит,
Он ещё издаться хочет...

67. Был банкир – имел банкноты.
Нет банкнот – увы, банкрот ты!

68. Ну, какой с поэта спрос –
Как-то раз на мой вопрос:
«Что ты любишь у жены?»
Он ответил: «Ужин, и...»

69. Будь попроще – красота
В простоте сокрыта,
И не верь, что простота
Хуже простатита!

70. Я не пью и не курю
Без нарколепчения –
Я за то благодарю
Соцобеспечение!

71. Юность – это прозябанье.
Зрелость – скука без конца.
Старость – это ожиданье
Неизбежного конца.

72. Стали жертвами прогресса
Вопреки наукам:
Не лисы следы, след леса
Мы оставим внукам.

73. Не пускайте к физикам генсеков,
А не то случится ерунда,
И тогда на тысячи парсеков
Выплеснет сверхновая звезда.

74. Ты знаешь, что от гаргализма
Нам помогает диаклизма?

75. – Назови мне, милый друг,
Кофе, что известен всем
Городам и странам. –
Друг ответил мне не вдруг,
Он, подумав минут семь,
Выдал: – Кофе Анан!..

76. Ты хотел умереть от любви?
Стало быть, неуместна обида:
У тебя обнаружен в крови
Вирус СПИДа.

77. Чувствуешь ты лёгкую депрессию? –
У меня однажды друг спросил.
– Что ты! – я ответил ему весело –
«Лёгкую...» Да я совсем без сил!

78. День первый. Начало. Шестнадцать Иуд
На двух островках в океане живут.
Последний герой – это тот каннибал,
Кто дольше других раз в три дня предавал.

79. Марк Твен сказал: «Дорогу знанью!
Ходите, дети в школу, но
Хождение в школу не должно
Мешать образованию!»

80. Трудней всего найти иголку в стоге сена,
Когда ни солнца, ни луны на небе нет,
Особенно, когда у вас гангрена,
Тем более, когда иголки в стоге нет!

81. – Не нужна АЭС нам, нет,
Это – провокации! –
– А чего боишься, дед? –
– Радиофикации!

82. Коты гуляют в марте,
Уж так заведено
И в дальней Джокьякарте,
И в ближнем Ведено.

83. Букву «эль» и гриву Ещенко –
Был бы гривуазный Лещенко»

84. – Что ж ты раньше не признался
Мне в любви? Прошли года...

– Дорогая, я боялся,
Что ты мне ответишь «Да!»

85. При первых признаках подагры
Езжайте к минаретам Агры!
Но, если вовсе денег нету,
Не надо ездить к минарету!

86. Спросил директор школы строго:
Тебе не хочется острога? –
И речь его была строга,
Как для осётра острога.

87. Спортсменке Петровой со старта уйти!
Куда вам идти? Да хоть в шопинг –
Вы ели вчера шоколад «ассорти»,
А это известно что – допинг!

88. Стоят коровы впереди?
Вопри глаза в них. Впер? Иди!
Но, если вновь они возникнут,
То делать нечего – возьми кнут!

89. Ты вчера мне не дала повод,
И не кончил я вчера песни,
Я сегодня показал довод,
И сегодня кончу, хоть тресни!

90. Даме не понравился –
Был совсем худой,
И в запой отправился
Парень молодой.

91. Верлибр
Я с такой красоткой дружен!
Что она нашла во мне?
Я хорош собой снаружи,
А внутри-то весь в рифме!

92. Подчас зубная пломба
Лишает нас апломба.
От пасты «Бленд-А-мед» –
Апломб, а пломбы нет!

93. Вот поёт певец Шура.
У него в жубах – дыра.
Не вжыщите, ешли грубо –
У меня ващце два жуба!

94. Сердце бьётся, бьётся, бьётся,
Но никак не разобьётся
А бывает – это факт –
Миокард даёт инфаркт!

95. Эти бифудум-бактерии
Так на вкус кислы и гадки...
Хорошо, что у Валерии
Всё с кишечником в порядке!

96. Я концы с концами свёл –
Батюшки, мой свет! –
Треск раздался, дым пошёл:
Лопнул мой бюджет...

97. Поп спросил себя в постели:
Очищение в посте ли?
И, поев бифштекс и грили,
Сам себе ответил: «В мыле!»

98. Порядок соблюдай,
Но только не для вида –
Без очереди в рай
Пусти-ка инвалида!

99. Я во сне убил вискашу
Из «Макарова».
Шкурку снял и бросил в кашу –
Будет варево!
Вдруг проснулся –
Я ведь бросил не в уху!..
Ужаснулся:
Я ж не выдрал требуху!..

100. Коли талант твой не погас,
Твори, поэт, с тобой Пегас!
Но если твой запал потух –
Не кукарекай, как петух!

НЕУДАЧНЫЙ РОМАН

(Центон)

Вот вам роман из жизни дачной.

Он начинался в октябре,
Когда зимы кристалл невзрачный

1. Мерцал при утренней заре.

Я шёл разболтанно и вяло
В густой вечерней пелене.
Чего-то мне недоставало

2. И что-то было не по мне.

А вот прошла в косынке синей,
Неся весенние цветы,
Доярка, схожая с Аксиньей,

3. Такой же жаркой красоты...

За ней мальчишки не ходили,
Не провожали до ворот.
Над нею девушки шутили,

4. Что старой девою умрёт.

Её случайная улыбка,
Невольный вызов плеч крутых...
Наверно, в паспорте ошибка,

5. И я моложе лет своих.

Мне говорят: – Не жди! Не будет
Ни через час, ни через год:
Она ни в праздники, ни в будни

6. Не позвонит и не придёт.

А женщина стояла рядом,
Прижавшись к стремянe щекой.
И сумрак чёрным виноградом

7. Висел над самою лукой.

С улыбкой доброй, но победной
Поглядывал на всех вокруг
Нас познакомивший намедни

8. Ваш давний толстощёкий друг.

- В науке счастья мы – невежды!
Не нам судить-рядить о нём...
Но, чтобы жил огонь надежды, –
9. Не согревай меня огнём! –

- Поверил я, что всё возможно,
И невозможного ищу,
И всё что странно, всё что ложно,
10. В действительное превращу.

- А зорька – ночушке предтеча –
Играет тихо на реке,
И ты идёшь ко мне навстречу
11. С цветком лазоревым в руке.

- Я догоню тебя, русалка,
Коснусь горячего плеча.
Мне ничего теперь не жалко,
12. Скажи, что больше ты ничья.

- Я жить одна уже привыкла.
Не задевай меня, не трожь... –
И головой к нему приникла,
13. Смеясь ли, плача, не поймёшь...

- И всё расскажет женский взгляд –
Свет, вырванный из недр планеты,
И все желания раздеты,
14. И этот грех невольный снят.

- От ночи мрачной и незрячей,
Что затопила все пути,
Убереги меня, горячий,
15. Мой светлый, душу освети. –

- Так женщина лишь может плакать
Над несвершённою мечтой –
Когда царит бездонность мрака
16. В душе, слезами залитой.

- Приблизила свои печали
К моим тоскующим губам,
И губы сердце доставали,
17. Как будто сердце билось там.

- Ах, что же деется на свете! –
Из-за кустов несётся всхлип.
Старушка в плюшевом жакете
18. Ручонки вскинула меж лип.
- Поклон засушенной старухе,
Под старость возлюбившей чай.
Пусть эти гипсовые руки
19. Благословят нас невзначай.
- Бегут мятежной чередою
Счастливой юности лета,
Мечты игривою толпою
20. Собой заполнили сердца.
- О, жизнь простая в захолустье,
Где дни, как прежде горячи,
Но с ощущеньем новой грусти
21. Кричат отлётные грачи.
- Не о былом вздыхают розы
И соловей в ночи поёт,
Благоухающие слёзы
22. Не о былом Аврора льёт...
- Сперва бессонницы медовой
Хотела юная душа,
А позже – выспаться бы вдоволь
23. У колыбели малыша.
- Натужный, дикий рёв младенца –
И звёзды сыплются из гнёзд!
Невмочь подняться и одеться,
24. И вместо сна великий пост.
- Придёт расплата тихим утром –
Он весь у времени в долгу...
И станет он золотокудрым,
25. Застывшим солнцем на снегу.
- Чем дальше ухожу от даты
Нелепой гибели твоей,
Тем больше, в чём-то виноватый,
26. Жду добрых от тебя вестей.

Мне лес протягивает руку
И подаёт мохнатый груздь –
Росой наполненную рюмку,
27. За ножку рюмочки берусь...

Поём, покуда нам поётся,
Поют и ветер и сосна.
Неведомо где оборвётся
28. Недозвеневшая струна.

И каждый день уходит поезд.
На целых двадцать лет назад.
Я провожаю, беспокоясь,
29. Его огни – его глаза.

Как близко будущее дышит,
Как мягко дышит небосвод,
Как сладко жить, и ждать, и слышать,
30. Как долго поезд не идёт.

–Я уплываю, уплываю
От светлой горести моей.
И для земли я – убываю.
31. И прибываю – для морей, –

Любить навеки угрожаешь.
Меняя сны и города,
Ты улетаешь, уезжаешь –
32. И остаёшься. Навсегда.

Ты улыбалась мне с причала,
Светилась в утренних лучах
И непонятное кричала,
33. Мотора не перекричав.

Наверно, слов не оказалось...
Прощаясь принято молчать.
И я молчал, хотя, казалось,
34. Что смог бы «Ту» перекричать.

Как будто вечен час прощальный,
Как будто время ни при чём...
В минуты музыки печальной
35. Не говорите ни о чём.

Что мной утрачено, убито?
Никак сегодня не пойму,
Какой неведомый убыток
36. Мешает счастьем моему?

Былое не воротишь криком,
Но над квадратами полей
Твой тихий голос в небе тихом
37. Продолжен клином журавлей.

И только кошка в мире спящем,
Худая, с порванным хвостом,
Своим мяуканьем хрипящим
38. Напомнить хочет о былом.

Не думать, как стряслось такое,
Как отдалиться мы смогли:
Ведь нас на свете только двое –
39. Две горстки из одной Земли.

Мы не глядим в глаза друг другу.
Молчим. Ты слушаешь себя.
Я – разгулявшуюся вьюгу,
40. Что лёгкий снег несёт клубя...

А ты уже ничем не связан,
Увы, не ведаешь о том,
Что равнодушием наказан,
41. Сильней, чем грешники костром.

Ушла любовь, забрав с собою
И грустный вздох, и нежный взгляд.
В душе так пусто, как в соборе,
42. Когда в нём овощи хранят.

Я разлюбил тебя. Тоскую
От неприязни к бытию.
Кляню и плоть свою людскую
43. И душу брленную свою.

– Не стоит собирать осколки
Даров, для сердца дорогих.
Тут не помогут недомолвки.
44. Как ни трудись – не склеить их. –

Гремел трамвай. А предстояло
Постичь на опыте своем
Огни и мрак ночных вокзалов.
45. Но это всё потом, потом!

Боюсь, потом не пустит в гости
Сюда ни на день, ни на час.
Боюсь не знать, что будет после,
46. Как будет дальше здесь у вас.

Она так смотрит на дорогу,
И боль во взгляде так остра –
Картинные страдания бога
47. Пред этой мукою – игра.

Я не шумлю и не лютую.
А в думках трудное, своё –
Не как убить её, святую,
48. А как бы сохранить её.

Блеснула в небе колесница,
Бросая в звонах сноп огней.
Уверенный напруг Возница
49. Поводья бешеных коней.

Всё залито зловещим светом,
Как будто будет взрыв сейчас.
Что это? Первый день планеты?
50. Или её последний час?

Направленный ко всем планетам,
Несётся в небо трубный звук,
Как бы вызывая к звёздам света:
51. – Я к вам иду! Я к вам приду!

– Пусть всё останется, как было:
Не жизнь – а только жизни миг,
На большее бы не хватило,
52. Ведь ты же знаешь нас самих. –

И в небе маятник копчёный
Висит, пропахнув стариной.
И всё, заметьте, золочёной
53. К нам обернувшись стороной.

И месяц, плывший над осокой,
Вдруг обернулся в острый нож,
И он вонзился в бок глубоко,
54. Смертельную рождая дрожь.

Как бы ужаленный из бездны
Лучом мерцающей звезды, –
Вопрос бессмертный, бесполезный
55. Скользнул по зеркалу воды...

О землю заступы звенели...
А рядом, в четырёх шагах,
Луна устроила качели
56. На телеграфных проводах.

И приняла в себя могила,
Разверзшаяся тяжело,
Всё, что на свете с ними было,
57. И всё, что быть ещё могло.

Ну, что ж! Пора, как говорится,
Начать сначала тот же путь,
Слегка взбодриться – ламцадрица! –
58. И повториться в ком-нибудь.

В том, что написанное выше
Сочинено, увы, не мной –
Надёргано из разных виршей –
59. Прости меня, читатель мой!

16.07.1987 г.

P.S.

В первоначальном варианте
Куплетов было ровно сто.
О краткости, сестре таланта
Стал говорить мне кое-кто.

Куплетов можно бы оставить
И семь, и пять, и три, и два,
Чтобы роман в стихах составить,
Но смысл остался бы едва!

Ведь краткость – тѣща гонорара.
Вам не знаком такой трюизм?
Лишь к ухудшению товара
Ведѣт подобный лаконизм.

Наслушавшись благих советов
Короче сделать свой рассказ,
Решил я: быть числу куплетов –
Пятьдесят девять. Самый раз!

В «Неудачном романе» использованы куплеты
из следующих стихотворений:

1. Б.Ахмадулина «Дачный роман»
2. Б.Рошаль «Я шѣл разболтанно и вяло...»
3. Л.Шемшелевич «В шолоховском краю»
4. О.Паули «Верность»
5. А.Гарнакерьян «С чужбины возвратилась птица...»
6. В.Жак (Памяти Л.К.)
7. Я.Козловский «Следил полѣт звезды падучей...»
8. А.Фарбер «Чужие письма»
9. С.Руденко «Пусть свет в душе морозно-молод...»
10. Г.Еремеев «Законы творчества»
11. Б.Куликов «Когда один вдали от дома...»
12. Д.Санин «Я догоню тебя, русалка...»
13. В.Пахомов «Возвращение»
14. В.Проталин «Из чаши города отпей»
15. Е.Славоросова «Как страх и ночь темны и топки...»
16. Л.Чиботару «Так ждать лишь женщине под силу...»
17. Б.Примеров «Поѣживаясь и сутулясь...»
18. В.Пахомов «В лесу»
19. М.Аввакумова «Поклон»
20. И.Земнухов «Нет, нам не скучно и не грустно...»
21. Н.Щербинский «О жизнь простая в захолустье...»
22. Ф.Тютчев «Не о былом вздыхают розы...»
23. В.Дроздовская «Желания»
24. Н.Карпов «Отцовство»
25. С.Курбангалиев «Подсолнух»
26. О.Шестинский «Матери»
27. В.Патаралов «Про лето пето-недопето...»
28. А.Пысин «Тяжеловесность канонады...»
29. Л.Дымова «Моѣ наследство»
30. П.Красноперов «На платформе»
31. Е.Нестерова «Я уплываю, уплываю...»

32. Э.Холодный «Ты уезжаешь, улетаешь...»
33. А.Сахнов «Ты улыбалась мне с причала...»
34. Л.Панин «Как жаль, что летняя погода...»
35. Н.Рубцов «Как будто вечен час прощальный...»
36. С.Кузнецова «И вот опять мне снится родина...»
37. В.Савельев «Былое не веротишь криком...»
38. Н.Тихонов «Кошка»
39. Т.Мельникова «Всё бросить, прыгнуть в поезд, мчаться...»
40. В.Пахомов «Опять фонарь с луною в споре...»
41. Л.Васильева «Да, это страшное блаженство...»
42. А.Дементьев «Признание друга»
43. Д.Самойлов «Бессонница»
44. К.Обухов «Памяти Нади Рушевой»
45. В.Есипов «Теперь с трудом припоминаю...»
46. М.Львов «Боюсь, друзья, не смерти самой...»
47. Н.Егоров «Ещё в войну пришло известие...»
48. В.Баянов «Святая простота»
49. О.Протопопова «Огненный бег»
50. Л.Шемшелевич «Южный закат»
51. П.Бровка «Горнист»
52. Б.Пуцыло «Не та, что есть, – совсем иная...»
53. А.Микута «Судьба летит на свет прибудно...»
54. В.Захаров «Белуга»
55. И.Шкляревский «Звенели дни голодным роем...»
56. В.Емельянов «Третья смена»
57. К.Ваншенкин «Курсанты»
58. П. Антокольский «Другой»
59. В.Ланг «Неудачный роман».

P.P.S.

Пускай роман мой неудачен –
Ведь не в сюжете весь изюм,
А просто я был озадачен
Обильем ямбов, и на ум

Пришло их выстроить в кильватер,
Как делал Николай Глазков.
Простит ли мне теперь читатель,
Что и приём, увы, не нов?

16.07.1987 г.

ЧУЖИЕ СТИХИ

(Центон)

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвести и умереть.
(Сергей Есенин)

- Загрустив** однажды почему-то,
«Есть ли дружба?» – ты меня спросил.
Эх, Сергей! Когда б хоть на минуту
1. Выходили люди из могил!
- Вот стою я на Тверском бульваре –
Миру непонятный человек.
У меня в потёртом портсигаре
2. Папиросы слабые: «Казбек».
- День проходит, – до свету очнёшься,
Думаешь, заботишься, спешишь...
К вечеру, умаявшись, качнёшься,
3. Сам не зная, спишь или не спишь.
- В той поре, на диво многоликой,
Был один особый интерес.
За новорождённой земляникой
4. Уходило детство моё в лес.
- Я гляжу на солнышко с прищуром,
Улыбаясь всем кому не лень,
Невозможно оставаться хмурым
6. Просто потому, что ясный день.
- Я не верю в чёрное начало.
Пусть праматерь нашей жизни ночь,
Только солнцу сердце отвечало
7. И всегда бежит от тени прочь.

- В белой роще птица откричала.
Белый сад забылся кратким сном...
Вот оно судьбы моей начало, –
8. Низкий дом с калиной под окном.
- Словно звёзды, падая, сгорают,
Вижу, от зари и до зари
Над кустами косточки бросают,
9. Теребя калину, снегири.
- Не могу я слышать этой птички,
Чтобы тотчас сердцем не вспорхнуть;
Не могу, наперекор привычке,
10. Как войдёшь, – хоть молча не вздохнуть.
- Меж теней погасли солнца пятна
На песке в загоревшем саду.
Всё в тебе так сладко-непонятно,
11. Но твоё запомнил я: «Приду».
- Потемнеть заря уже готова;
Тихо всё. Час ночи недалёк.
Подымался и улёгся снова
12. На закате лёгкий ветерок!
- Всё темней, темнее над землёю –
Улетел последний отблеск дня...
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
13. Ангел мой, ты видишь ли меня?
- Светлый месяц дождиком рассеян.
Тьма сарая старого густа.
Нежно пахнут яблоки на сене.
14. Тишина. И дверь не заперта.
- Вот роса невидимо упала,
И восток готовится пылать;
Зелень вся как будто бы привстала
15. Поглядеть, как будет ночь бежать.
- В темноту погружена окрестность –
Еле тлеют угольки в золе.
Как пришёл, так и уйду в неизвестность,
16. А ведь мог остаться на земле.

- Где приют для мира уготован?
Где найдёт свободу человек?
Старый век грозой ознаменован,
17. И в крови родился новый век.

- Просто люди мы, и оттого-то –
Сколько нас в машинах не вози –
Так нужна нам вечная природа
18. Посреди внезапной новизны.

- Живописны яблони и вишни,
И, беспомощно ложась в постель,
Жить и жить хочу во имя жизни:
19. Жизнь – не средство, это самоцель!

- Даже буквам в клетчатой тетради
Тесно, тесно до мозга костей,
Что ж сказать о диком маскараде
20. Жизнью необузданных страстей?

- Но и всё ж, теснимый и гонимый,
Я, смотря с улыбкой на зарю,
На земле, мне близкой и любимой,
21. Эту жизнь за всё благодарю.

- Спелая пшеница колосится,
Тихо льётся шум её густой,
И душа твоя в пространствах длится,
22. Замирая перед красотой.

- Вот о чём, прожив уж полвека,
Думаю теперь всё чаще я:
Есть-таки душа у человека,
23. Есть! Причём у каждого своя.

- И душе не страшно расставанье –
Мудрый дар играющих богов.
Мир тебе, священное сиянье
24. Лигурийских звёздных вечеров.

- Божий мир люблю я, – в вечной смене
Он живёт и красотой цветёт.
Как поверить злобе иль измене?
25. Тёмный час проходит и пройдёт!

Я люблю тебя, большое время,
Но прошу – прислушайся ко мне:
Не убей последнего тайменя,
26. Пусть гуляет в тёмной глубине.

Я открыл глаза, и надо мною
Крик гусиный проплывал в ночи,
Да висели сеткою сквозною
27. Скрещенные в воздухе лучи.

А потом в твоём зелёном храме
Медленно, как следует царю,
Ты, неверный, пышными стихами
28. Юную приветствуешь зарю.

Утром небо ясно и прозрачно,
Ночью звёзды светят так светло;
Отчего в душе моей так мрачно
29. И зачем на сердце тяжело?

Что за гром? То грозные обвалы.
Тяготенья вервь напряжена,
Непрерывно тянет сверху скалы
30. В глубь долин и валит их она.

Если там, в пределах отдалённых,
Где душа должна блаженство пить,
Тяжких язв, на ней напечатлённых,
31. Невозможно будет излечить,

Разорвись, завеса в тёмном храме,
Разомкнись, лазоревая твердь!
Вот она, как ангел над мирами,
32. Факел жизни – огненная смерть!

Божье имя, как большая птица
Вылетело из моей груди.
Впереди густой туман клубится,
33. И пустая клетка позади.

В клетке – лишь «чужих стихов» фаланга.
Было их вначале сотни три.
Поблагодари, читатель, Ланга:
34. Я оставил только тридцать три!

14.03.2003 г.

В «Чужих стихах» помещены
четверостишья следующих поэтов:

1. Юлия Друнина
2. Евгений Винокуров
3. Антонина Баева
4. Сергей Крыжановский
5. Александр Блок
6. Марина Безнадежных
7. Константин Бальмонт
8. Виктор Кочетков
9. Аркадий Сергеев
10. Афанасий Фет
11. Иннокентий Анненский
12. Иван Аксаков
13. Федор Тютчев
14. Виктор Дронников
15. Константин Случевский
16. Юрий Разумовский.
17. Василий Курочкин
18. Инна Кашежева
19. Николай Глазков
20. Рюрик Ивнев
21. Сергей Есенин
22. Наталья Бусыгина
23. Сергей Викулов
24. Владимир Ходасевич
25. Иван Бунин
26. Станислав Куняев
27. Анатолий Софронов
28. Николай Гумилёв
29. Алексей К. Толстой
30. Владимир Бенедиктов.
31. Михаил Лермонтов
32. Максимилиан Волошин
33. Осип Мандельштам
34. Владимир Ланг.

СЛАГАЮТСЯ ДИВНЫЕ СТРОКИ

(Центон)

Слагается слово: начало.

Погасло дневное светило.
В глубокой теснине Дарьяла
Рыдай, буревая стихия!

Не птицей, не бабочкой пыльной
Свобода приходит нагая,
Однажды аттическим утром
Сквозь летние сумерки парка.

Шумит на дворе непогода,
Вздымаются волны, как горы,
Лети по извечной орбите
Кипящая хлябь Данигала...

Раскинулось море широко
На взморье, у самой заставы,
По русскому славному царству
Так длинно, так скушно, так дивно...

По синим волнам океана
Летят перелётные птицы.
Ты помнишь дворец великанов
В бюваре из розовой кожи?

Нарядна, как бабочка летом
На стендах районных музеев,
Ты жаркие страсти скрываешь
Со светлой моралью в контрасте.

Я трогал листья эвкалиптов —
Тебе обещал я деревья,
Источник за вишневым садом,
Дождя отшумевшие капли...

Мне грезились сны золотые:
Мне снилось: мы умерли оба –
Обнявшись, дружно сидели...
Шумела полночная вьюга...

Исполнен душевной тревоги,
Сижу, освещаемый сверху,
Откинув со лба шевелюру,
Бью звонкою сталью по кремню...

Как здесь хорошо и приятно, –
Так странно, свободно и просто
В полях, далеко от усадьбы.
Я долго стоял неподвижно.

Скрипели натужно качели.
Прозрачнее, призрачной дали –
Весна в середине апреля
В зелёном кипеньи и в пене.

В степи, на равнине открытой
Закат онемелый трепещет.
Где гнутся над омутом лозы,
Спускается солнце за степи...

Когда засвистит над причалом,
По городу плач и стенанье:
Земля зачерствела, как губы.
Уймись, волнения страсти!

Вот мальчик идёт спозаранку –
Надменный, как юноша, лирик.
Он был титулярный советник.
Он деревом пах, словно плотник.

На счастье, и муку, и горе
Стоим мы у братской могилы:
Взмахнёт капельмейстер рукою –
Без вас будет пусто на свете!

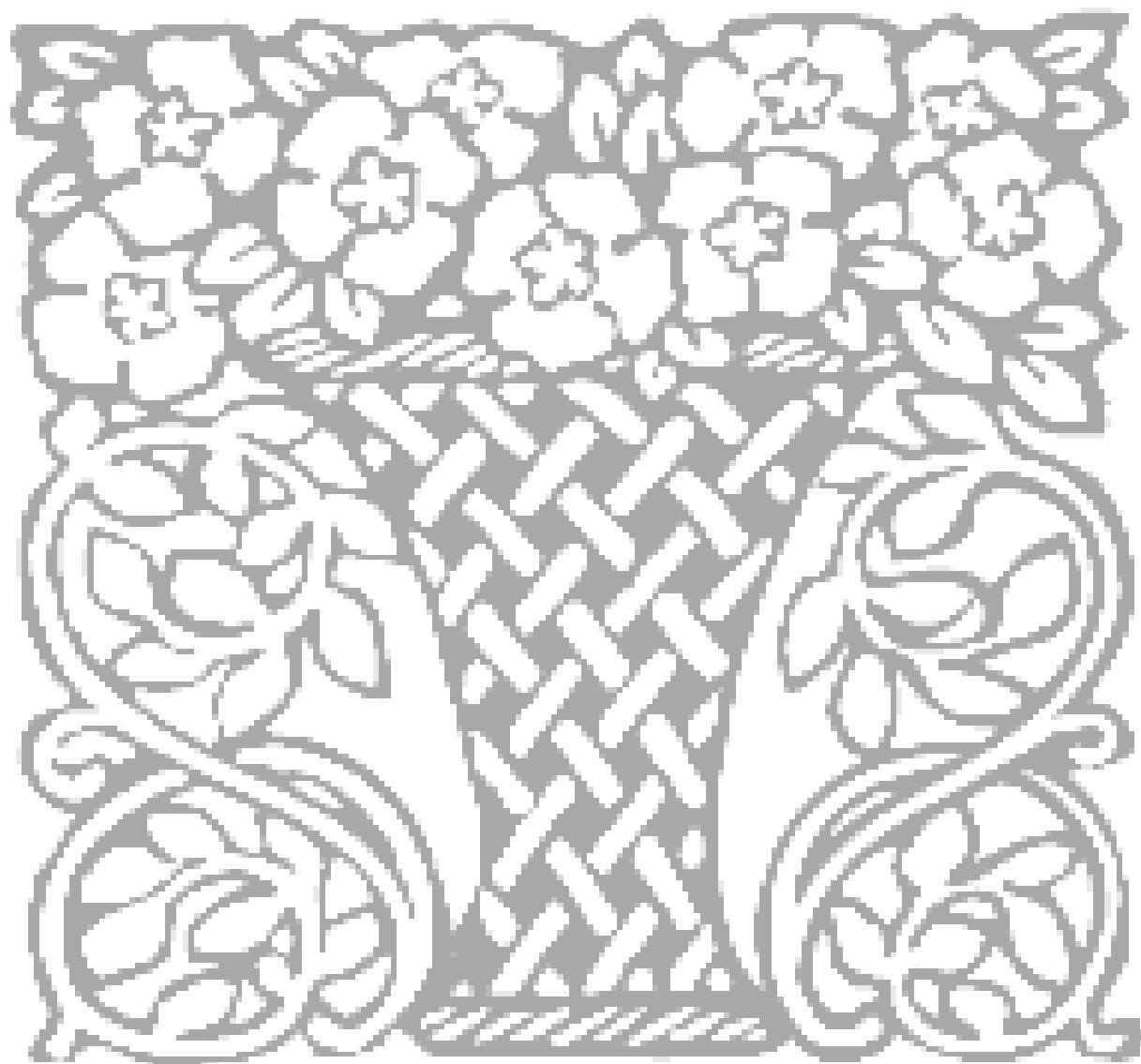
По городу плач и стенанье...
Минует печальное время...
Дороги у нас в околотке,
В Москве, в отдалённом районе!..

Средь шумного бала, случайно,
Я сам над собой насмеялся:
Хотел бы в единое слово –
Слагается слово: печально!..

09.04.2004 г.

ИЗ ЦИКЛА "ЭПИГРАММЫ"

Эльдару Рязанову

Много талантов в вас скрыто, Рязанов.

Вас пародировал Гена Хазанов.

А Иванов пародировал? Нет?

Значит, пока вы ещё не поэт!

17.07.1987 г.

Алле Пугачёвой

Колготки Пугачёвой (чёрные)

Меня пленили бы, кабы

Не ножки, как столбы заборные,

Да голос заводской трубы.

17.07.1987 г.

Валентину Гафту

Гафтать, Гафт, уже довольно —

Эпиграммотный вы больно!

17.07.1987 г.

Валерию Леонтьеву

Пришёл послушать «Вернисаж»,

И тут портрет увидел ваш:

Вы были в профиль, и анфас,

И сверху словно дикобраз...

17.07.1987 г.

Геннадию Хазанову

Сто раз с эстрады слушали Хазанова
И каждый раз до слёз смеялись заново.
А смех нам годы жизни продлевает,
Хотя, порой, бывает, убивает...
Ваш тёзка Гена... Вам не жаль бедняжки? –
Он умер на глазах у Чебурашки,
После вопроса столь неординарного:
«Ух ты какая... Ты не с кулинарного?..»

17.07.1987 г.

Александру Иванову

Пусть ломится от яств ваш стол,
А вам покушать будет лишний повод,
Ведь вы худой, как телеграфный... провод.
Поправитесь – и будете, как столб!

18.07.1987 г.

Марку Шагалу

С Витебска шагал, шагал,
До Парижа дошагал,
Там всего полвека прожил
И обратно пришагал –
Русский, истинно, художник
Марк Захарович Шагал.

17.07.1987 г.

Булату Окуджаве

Пусть никогда не будут ржавы
Стихи Булата Окуджавы!
Для вечной славы у Булата
Всё есть, но не хватает блата.

27.07.1987 г.

ЧАСТУШКИ ДЛЯ СЕМЁНОВНЫ

Мой милёнок, флибустьер,
Учинил обструкцию –
Напился, как скотчтерьер,
Обрыгал конструкцию.

Если лезешь целоваться,
Буду я парировать.
Снова станешь баловаться –
Будут оперировать.

Мой милёнок – эвфемист,
Так и прёт наукой:
Жучку девочкой назвал,
А Наташку сукой.

У тебя флексура, дура,
Неглубокая,
И коленчатая складка
Однобокая!

Эх, сама я виновата, ма,
И винить мне некого,
У милёнка лишь два атома
И одна молекула.

У меня такой пассаж –
Милый ходит на массаж,
А потом, после массажа,
Мягкий весь, наощупь даже!

Моя милка, не базарь мне,
Я кредит овеществлял –
Я сегодня на базаре
Пагамент осуществлял.

Мой милёнок у плетня
Шантажировал меня.
Говорит: не будешь ню –
Послезавтра изменю!

Мой милёнок очень рыжий
И глаза, как яйца.
Я едва его завижу,
Вспомню про Чубайса.

Мой милёнок – не нахал,
Трогательный – точно:
Он везде меня потрогал
И сомлел досрочно.

Мой милёнок умный стал –
Просто гениальный.
Говорит: мой час настал
Матримониальный.

Милый мой купил компьютер
И какой-то Интернет.
После полночи минуты
Для меня свободной нет.

Занят даже в выходной,
Граждане, спасайте!
Раньше был весь день в пивной,
А теперь – на сайте!

Очень он морально вырос –
Каже: «Штоб ты скисла,
Я поймал, наверно, вирус –
У меня зависло!»

Мне милёнок говорит:
«Ты не пуританка?»
Так пускай меня растлит
Хоть на башне танка!

Полюбил мой сюзерен
Своего вассала.
Знала б я, что голубой –
Лесбиянкой б стала!

Мой милёнок сероглазый
Не согласен на контакт.
Говорит мне, чёрт чумазый:
«А давай-ка просто так...»

Милый мой, включи эжектор
И целуй меня взасос,
А то глаз твоих прожектор
Уж прожёт меня насквозь.

Мой милёнок возмужал
И, из-за мутации,
Требовать вдруг басом стал
Полной денудации.

Милый мой рукам не даром
Волю дал, счастливчик.
Укрепляю свой плацдарм –
Покупаю лифчик!

Я размеры – во! – загнула,
Чтобы не спотачивать.
Милый так и сполз со стула:
Надо укорачивать!

Милый сделал, что просила,
И прыщи пропали.
Обошлись без «Клеросила»
Мы на сеновале!

– За рекой стоит туман,
Тянется к овце баран,
А селезень к уточке!..
– Ну, у вас и шуточки!

В бок меня милёнок – толк:
– Где вчера шаталась? –
Из милёнка вышел толк,
Бестолочь осталась!

Близнецы сказали: «Эх,
Ну, какой тут свальный грех?
Просто всё мы, честь по чести,
Делаем с братишкой вместе!

Буря мглою небо кроет,
Тройка борзая бежит,
Ленский Ольгу целлулоид,
А Онегин – эбонит!

Приходите к нам подружки,
Будем с вами свахаться.
Не придёте – мы друг с дружкой
Будем лбами трахаться!

Вы весёлые мальчишечки,
Затейливый народ –
Распускаете ручишечки,
А нужно только рот!

Подглядела у Петрухи
Я плейбоя чёрточки:
Его кролик одноухий,
Но зато две мордочки!

Венеричней наших дев
Нету, коль не ахать,
А до пояса раздев,
Руки отбабахать!

У Мизиновой, у Лики
Завелся любовник.
Есть грешки и у великих,
А пароль – «крыжовник».

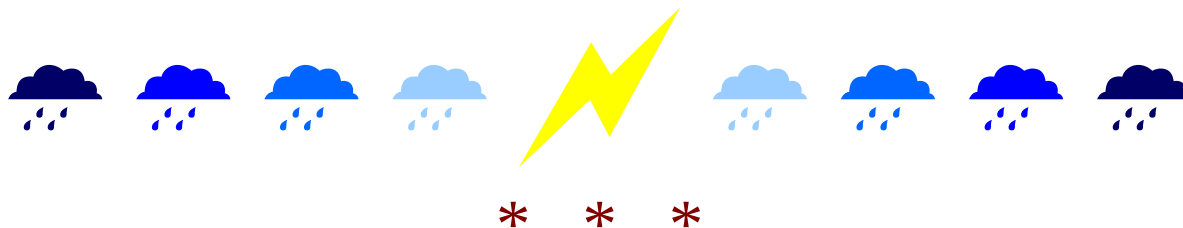
У моей любимой крали
Горе. Счастья – не вернуть:
Ей в автобусе помяли
Силиконовую грудь!

Как счастливым сделать Витю?
Покажите ему титю
На минутку, и не надо
Никакого ему «Сада».

Как счастливой сделать Иру?
Подарите ей квартиру
Из трёх комнат и, в придачу,
Сад фруктовый, яхту, дачу,
И поцеловать!

2004 г.

Сначала шёл ливень, потом пошёл град.
– Не всё ж богу писать, – подумал Сократ.
Гремело...
Наверно, то черти в аду
Сократу готовили сковороду.

05.08.2000 г.

ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ СБОРНИКА

Лев Толстой – он мой кумир.
Гений. Корифей. Мудрец.
Дочитал «Войну и мир»:
Фу, осилил наконец!

Вот Уэллс – «Война миров».
Да, талант, хоть не мудрец,
Но заплакать я готов:
Фу, как жаль – уже конец!..

Взгромоздившись на софу,
Дочитав до этих строк,
Ты, конечно, скажешь: «Фу, ...!»
Знать бы мне и свой футшток!

03.10.2003 г.

КОНЕЦ

